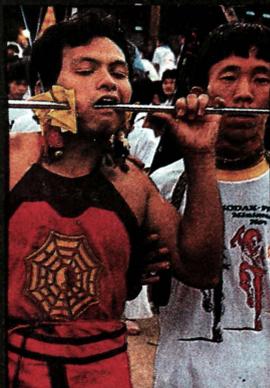

3

1993

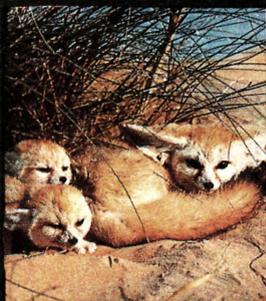
ВОКРУГ СВЕТА

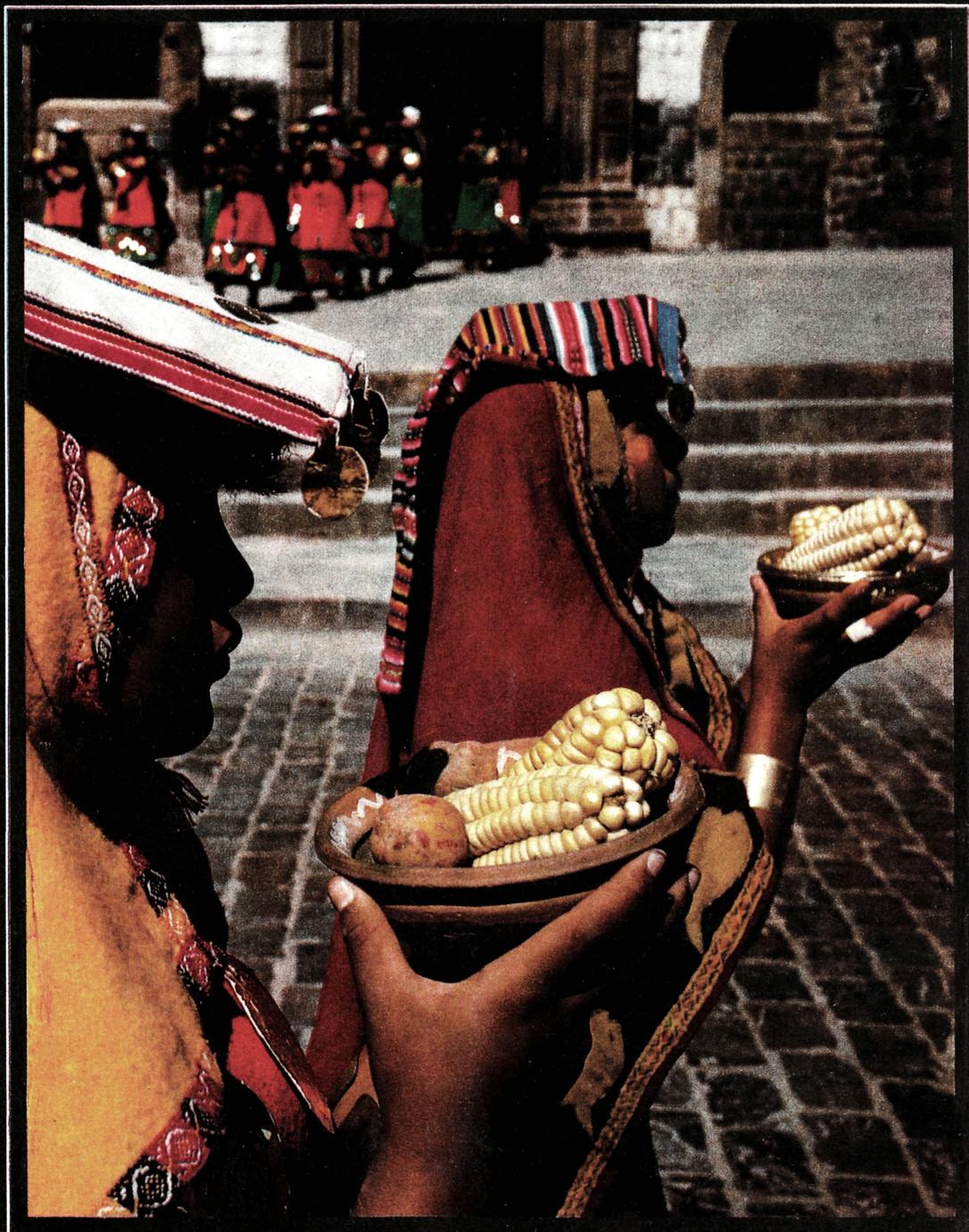
**ПОБЕЖДАЮЩИЕ
БОЛЬ**

**В ОДНОЙ ЛОДКЕ
С ВАМПИРОМ**

**ОЖИВШИЕ МИФЫ
АВСТРАЛИИ**

ЛИСЫ САХАРЫ

◀ Японцы предъявляют к кулинарии два требования: чтобы было красиво и чтобы чувствовался натуральный вкус продукта. Очерн «Изысканный вкус, насаженный на палочку» читайте на стр. 6.

▲ Быт и история Эфиопии были предметом тщательного изучения совместной российско-эфиопской экспедиции. Читайте очерн «Замки древнего Гондара» на стр. 10.

Редная удача янгутских волчатников. На одного серого разбойника в тундре стало меньше, но надолго ли... Репортан «Кресты на ленских островах» помещен на стр. 2.

© «Вокруг света», 1993 г.

3/1993
МАРТ

VIA EST VITA

Олег ЛАРИН
Взял я ветер и пошел в лето **28**

В. ОРЛОВ
Кресты на ленских островах **2**

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

Э. ЛЬВОВА
Замки древнего Гондара **10**

Лэр БОЧКАРЕВ
В центре мира, или На родине
Насреддина-ходжи **42**

Преодолевшие боль **41**

Владимир ЛОБЫЦЫН
«Наваринского дыму с пламенем» **18**

Константин ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
Истинный вкус, насаженный на палочку **6**

На первой странице
обложки:

ПЕРУ. Праздник Солнца.

Ежегодно в Нуско, древней столице инков, проводится праздник, уходящий корнями в те далекие времена, когда на землю индейцев кечуа еще не ступили испанские конкистадоры.

Участники праздничного шествия держат в руках глиняные миски с початками кукурузы и клубнями картофеля. Они благодарят солнце за богатый урожай и возносят молитвы о будущем изобилии.

И хотя в наши дни праздник Солнца больше напоминает театрализованное представление, нежели ритуальное действо, в стране, где по-прежнему сельское хозяйство играет далеко не последнюю роль, этой индейской традиции уготована долгая жизнь.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОЗЫСК

Ален ДЕКО
Оклеветанный Нерон **36**

АНТОЛОГИЯ МИСТИКИ

Дж. БИКСБИ, Джо ДИН
По-братски **23**
Рассказ

Уайтлей СТРИБЕР
Оборотни **54**
Главы из романа

ЭКОЛОГИЯ НЕПОЗНАННОГО

Бернар ЭЙВЕЛЬМАНС
Австралийский буньип **48**

Е. КОСТЮКОВА
Фенек-солнцепоклонник **45**

ПЕСТРЫЙ МИР **52**

Главный редактор
А.А.ПОЛЕЩУК

Зам.главного редактора
В.А.ЛЕБЕДЕВ

Ответственный секретарь
Н.Н.НЕПОМНЯЩИЙ

Редакция:

Л.В.БОБРОВА
Л.В.КОСТЮКОВА
Н.В.КРИВЦОВ
Е.Ф.КУЗЬМИН
В.И.КУХАРУК
Н.Г.МАЛИНИЧЕВА
Н.А.МАЛИНОВСКАЯ

Л.М.МИНЦ
В.К.ОРЛОВ
Н.А.САФИЕВ
В.В.СЕМЕНОВА
А.П.СТРЕЛЕЦКИЙ
Л.Н.ЦЫГУЛЕВА
Л.А.ЧЕШКОВА
Г.П.ШТУЛЬ

Макет
К. В. ЯНСИТОВА

Художественный редактор
О.И.БОЙКО

Оператор ЭВМ
М.В.НИКУЗАЙЛО

Учредитель журнала: коллектив редакции и АО «Молодая гвардия».
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых в журнале материалов.
За содержание рекламы отвечают рекламодатели.

125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а. 16-й этаж.
Телефоны: для справок — 285-88-83,
отдел писем и рекламы — 285-88-68,
«Искатель» — 285-80-10. Редакторы:
285-89-83. Телефакс /095/972-05-82

Редакция знакомится с
письмами читателей, не вступая,
как правило, в переписку.
Рукописи не рецензируются,
редакция лишь сообщает авторам
свое решение.

5«А» Novodmitrovskaya str.
Moscow 125015
Fones: 285-88-83
285-88-68
Fax /095/ 972-05-82

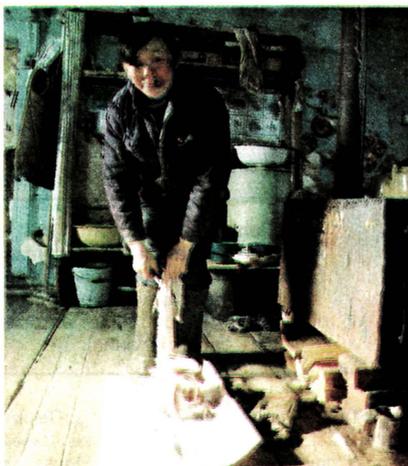
В. ОРЛОВ,
наш спец. корр.
Фото автора

КРЕСТЫ НА ЛЕНСКИХ ОСТРОВАХ

Над Тикси голубое небо, слепит снежная белизна, сияет солнце, и ничто не напоминает еще недавно бесновашуюся здесь пургу.

Военный «газик» мчит меня на аэродром. Знакомый вертолет Ми-8 майора Зикеева, сероватого цвета с красной звездой, уже раскручивает, выбрасывая сизый дым из выхлопной трубы, провисшие лопасти. Механик, едва я взбираюсь в вертолет, задривает дверь, сам ныряет в кабину, и вот уже летим. Под нами бескрайние снега. По правому борту — голубоватый лед губы Буор-Хая. Летим на север, к бесчисленным протокам дельты Лены.

С майором Сергеем Зикеевым мне привелось слетать на Северный полюс и вернуться оттуда в Тикси. Часть, в которой он служит, обеспечивает бе-

зопасность полетов в Арктике как военных, так и гражданских самолетов. Два вертолета и транспортный самолет Ан-12 всегда стоят на полосе, готовые отправиться на помощь по сигналу бедствия. В полете к полюсу и отработывалась техника спасения экипажа самолета, потерпевшего аварию во льдах. Двое суток, как и пилоты, провел я в железном кузове вертолета, вдоволь насмотревшись на восторженные льды и дымящиеся разводья. Но когда генерал Геннадий Васильевич Амелькин рассказал, что по просьбе местных властей Зикееву предстоит полет с охотниками на волков, — «развоевались серые, пора хвосты им поприжать», — я не утерпел, попросился и в этот полет.

Я не охотник, в юности понял, что стрельба по зверю ли, птице — дело не

**Такой увидел я великую
сибирскую реку Лену с борта
военного вертолета
у Хараулахских гор.**

мое. Только живых снимаю фотоаппаратом и в этом нахожу удовольствие и радость. Но в компании по защите волков, развернувшейся в нашей стране после выхода в свет книги Фарли Моузета «Не кричи, волки!», участия не принимал.

За годы жизни в Арктике быть в близком знакомстве с этим зверем мне не доводилось, таиться он умеет, но наткаться на следы волчьих пиршеств приходилось не раз. Полярный волк отнюдь не киска, предпочитающая питаться зайцами да мышами, какой его изобразил в своей книге канадский писатель. В Заполярье для него олень — домашний и дикий — наилучший, а порой и основной корм. И за всю жизнь, чтобы существовать, зверь этот должен задрать немало несчастных оленей.

Но страшен волк не только нравом. Ученых поражает его пластичность, способность принаравливаться к обстановке, к изменяющейся в результате человеческой деятельности среде и мгновенно наращивать свои ряды.

В те годы, когда в нашей стране появились статьи и фильмы в защиту волков, в Якутии их оставалось совсем немного. Охотники подсократили их некогда большую армию до 300 — 400 зверей. Но стоило пристыженным стрелкам опустить ружья, как уже через несколько лет волчья рать с едва ли не большей наглостью заявила о себе.

С 1972 года по 1976 год — есть такая статистика — волки задрали в Якутии около 40 тысяч домашних оленей, более тысячи лошадей и тысячу с небольшим голов крупного рогатого скота, нанеся ущерб в десять миллионов — еще тех, полновесных! — рублей.

Военный летчик, полковник Ефименко, рассказывал мне, как он летал по просьбе тогдашнего Совмина Якутии на своем вертолете из тинсинского отряда на борьбу с волками.

— По весне, — рассказывал он, стоя у карты, — стада диких оленей спускаются с восточных склонов Хараулахского хребта, из лесотундры между речья Лены и Оленека и направляются к дельте Лены, где проводят лето. Идут олени, широко рассыпавшись по тундре, сближаясь нередко со стадами домашних оленей. Для пастухов очень напряженное время начинается, ибо «дикарь» уводит домашних оленей с собой. А тут еще и волков прибавляется. Подобно пастухам, стаи их следуют за стадами «дикаря».

— Вначале мы, сколько над тундрой ни летали, никак не могли волков отыскать, — вспоминал Ефименко. — Подсели к чумам оленеводов, посоветовались, пастухи и подсказали, где их

**У янутских рыбаков в дельте Лены.
Строганина из мороженого сига
здесь лучшее угощение для гостей.**

искать. И точно: у речки Бур, — полковник ткнул в карту, — увидели стаю. Восемь штук! Идут позади стада. Друг за дружкой, след в след. До чего же хитрые звери! Но от вертолета на открытом пространстве им, конечно, не уйти. Рассыпались, но чтоб вильнуть, побегать обратно, да нет, все вперед наметом мчатся. Тут уж подбираешь газ, чуть вертолет разворачиваешь, чтобы стрелкам-охотникам из открытой двери удобно было целиться, уравниваешь скорость, и дело начинается. Семь волчин тогда взяли. А один ушел. Скрылся, будто и не было его. До сих пор понять не могу, как ему удалось провести нас...

Волк для науки еще не до конца познанный, весьма интересный для изучения зверь, и в природе ему не зря

отведено особое место; но ведь и человек, думается, не случайно разумом наделен, ему и решать, сколько волка оставить, чтобы урона от него большого не нести. Я давно согласился с теми людьми, которые считают, что необходимо держать волчью стаю, как говорится, в узде, не давать ей разрастаться. Но честно признаться, отправляясь в полет, я мечтал увидеть не столько волка, как постоять у памятника экспедиции американца Джорджа Де-Лонга, который в 1879 году пытался на паровой яхте «Жаннетта» достичь Северного полюса. Генерал Амелькин подсказал, что, оказавшись поблизости, вертолет сможет там приземлиться.

Через два года дрейфа «Жаннетта» была раздавлена льдами и затонула.

По дрейфующему льду отважные участники экспедиции добрались до Новосибирских островов, отсюда на трех шлюпках отправились к дельте Лены. Один из баркасов исчез в море, другому удалось дойти до Быковской протоки и повстречать там людей, а Де-Лонгу и плившим с ним не повезло. Лишь двое остались живы, остальные погибли на острове Боран-Бельской. Останки их вывезли и с почестями доставили в Америку, а на месте первоначального захоронения был водружен высокий крест с надписью: «Памяти 12 офицеров и матросов с американского полярного судна «Жаннетта», умерших от голода в дельте реки Лены в октябре 1881 года». Подвиг отважных исследователей в России почтили.

Волка мы заметили минут через двадцать, как вылетели из Тикси. Вначале увидели небольшое стадо диких оленей, которые, опустив головы, друг за дружкой, как приговоренные, следовали на север. А затем, чуть поодаль, — и их верного сопровождающего. Волк был один, и, вспомнив рассказ полковника Ефименко, я подумал, а не тот ли это одиночка, что уцелел от стаи?

Оленей было штук семь. Кроме передовой важеньки, все молодые, должно быть, годовалые оленята. Волк же был крупный, матерый самец, и ясно было, уцелел он, то всему этому стаду оленей не долго существовать. Серый их подберет всех до одного.

Зикеев снизил вертолет, механик открыл в фюзеляже дверцу, пристегнул поясами двух якутских охотников, которые летели с нами; к тому времени они расчехлили и проверили оружие, посоветовавшись, должно быть, о том, как стрелять.

По их загорелым и обожженным морозом лицам нетрудно было догадаться, что в тундре они давно не новички, однако по засверкавшим зрачкам глаз я подметил, что стрелки возбуждены, как если бы зверя видели впервые. Верно говорится, что охота — страсть, и не каждый может справиться с ней. Наверное, оттого, что не удалось унять волнение, когда уходящий галопом по снежной целине зверь показался в проеме двери, стрелки разом выстрелили и промазали. Летчику пришлось делать вираж, повторять заход, но и со второго залпа зверь был лишь ранен. Стрелки смущенно переглядывались, указывая то на ружья, то на патроны. Лишь с третьего захода волка удалось добить. Он застыл на снегу.

Еще раз развернувшись, Зикеев опустил вертолет, не останавливая двигателя. Охотники выпрыгнули на снег, подхватили волка, забросили его в вертолет к хвосту подальше, а когда взлетели, волк вдруг ожил и раскрыл пасть. Я и охотники на какое-то мгно-

вение оцепенели: что будет, если волк станет метаться по кабине? Стрелять нельзя, рядом бензобаки! Но якутский охотник, тот, что был помоложе, не растерялся — подошел к волку и заколол его ножом. Так же привычно, как колют в стадах домашнего оленя. И волк, теперь уж навсегда, затих. Но это и стало нашей единственной удачей.

Долго затем, облетывая берега бесчисленных невысоких островов дельты, круто поднимаясь вверх и там зависая для лучшего обзора, работал послушно наш вертолет, но ни оленей, ни волков не встретили. Приметили лишь занесенную по крышу снегом избушку рыбаков с парой сараюг, и у нее подсели. Пилот решил навесить рыбаков. Как выяснилось, военным летчикам приходится вылетать на помощь не только к экипажам самолетов. Пару лет назад, припомнил Зикеев, при сильном ветре и видимости в 150 метров, в нарушение всех мыслимых аэрофлотских правил, пришлось ему поднимать вертолет с закрытого аэропорта в Тикси и лететь на выручку сюда, к рыбакам.

От встречного ветра и крупной морской волны речная вода в протоках пошла вспять, началось наводнение, стали исчезать низменные острова. Избу, когда Зикеев сюда добрался, залило, люди, спасаясь, забрался на крышу, однако майор подоспел вовремя, всех взял на борт, а потом, ориентируясь по знакомой трубе, что стояла неподалеку от полосы, «почти на ощупь», как говорят пилоты, посадил в кромешной метели вертолет в родном Тикси.

Соскучившиеся по людям рыбаки настрогали мороженных сига, стали угощать чаем со строганиной, выставили на стол сахар и масло, даже какие-то консервы, не зная, как летчикам, дорогим гостям, угодить. Все про жизнь на материке спрашивали, лишь под конец мы узнали, что рыба у них в этом году совсем в сети не идет, не будет хорошего заработка, но, может, в следующем удача придет, улыбаясь, обнадеживали они себя. Волки им тоже не надоедали, и посоветовать, где их искать, они не знали.

Наши стрелки пригорюнились,

Изда рыбаков на берегу моря Лаптевых. Всегда нелегкой была жизнь в этих местах.

стали сетовать, однако, мол, приползли с облетом. Волчьей стаи распались, подчиняясь неписаным законам. Волчихи в ожидании щенят попрятались в норы, а одиночек, матерых самцов, которым предстоит кормить выводок, разглядеть нелегко. Звери приравливаются и, заслышав шум мотора, стремятся скрыться в каком-нибудь укрытии. Но поиск их решено было продолжить.

Полетели на запад, к Оленекской протоке. Промелькнул внизу какой-то заброшенный поселок. Один из стрелков все указывал мне, чтобы смотрел вниз, крест там из бревен огромный, но это был не памятник морякам с «Жаннетты», и я не стал в шуме мотора выпрашивать, кому поставлен этот крест.

Добрались почти до реки Оленек, вошли в лиственничное редколесье, прочесали всхолмления кряжа Чекановского, но ни оленей, ни одного волка не приметили.

Под вечер сели на островке Тит-Ары. Охотники решили разделить волка, чтобы не везти в Тикси всю тушу. Сноровисто принялись за работу, я же пошел осмотреть окрестности. С острова открывается величественный вид на Лену и отвесный скалистый восточный ее берег. Отыскивая удобную точку для съемки, я довольно далеко отошел от вертолета, походил по заснеженным буграм, меж невысоких лиственниц. На снегу отчетливо виднелись следы куропаток, зайцев — неплохое место, подумалось, и для разбойников-волков. И вдруг на берегу я увидел занесенное по крышу снегом какое-то жилище. Полуземлянку, полуизбу. А чуть поодаль — холмики, должно быть, могилы. Но как-то странно они выглядели, будто их вскрыли. Кому это понадобилось? Вернувшись к вертолету, я спросил у Зикеева, не знает ли он, кто в столь диком месте пробовал жить.

— Здесь, — отвечал он, — жили ссыльные прибалты. Во время сталинских репрессий целыми баржами привозили их сюда. Ссаживали, давали топор, лопату — живите, как хотите. Если выживете.

Погода портилась, морозный ветер пробирал до костей, шуба от холода не спасала, и, стоя у вертолета, оглядывая дикий нелюдимый пейзаж, я вдруг отчетливо представил, что могли чувствовать люди, сходящие по трапу, в ту далекую промозглую осень. Понимали, что немногим удастся выжить, уходили с барж на смерть. Жутко стало.

С раннего детства школьные учебники вдальбивали нам, что Лена была местом ссылки и каторги жертв ненавистного царизма. Декабристы и революционеры томились на ее берегах, а о том, что делалось тут, кого гноили при советской власти, мне только сейчас довелось узнать, увидеть воочию... И за это жуткое недавнее прошлое

ныне приходится терпеть и расплачиваться всем россиянам...

Но не все из брошенных здесь на произвол судьбы «врагов народа» погибли. Некоторые выжили. Дождались лучших времен. Теперь, как рассказал Зикеев, в Тикси время от времени объявляются люди, пробуют пробраться на острова, в заброшенные поселения, чтобы вывезти прах родственников или родителей. Огромный, шестиметровый крест, который мы видели, когда пролетали над дельтой, поставили литовские парни. Будет теперь стоять этот крест как напоминание о злодеяниях сталинизма.

Пора было улетать. «Так что,— спросил Зикеев,— полетим теперь к кресту американцам экспедиции Де-Лонга?»

— Не надо,— махнул я рукой. Настроение вконец было испорчено. Не хотелось больше и смотреть на тундру, где только что искали врагов-волков. Стыдно было за людей, что и среди них могут рождаться люди-звери.— Полетим лучше в Тикси,— попросил я. И военный летчик меня понял.

Не сказав ни слова, он прошел в кабину, взвизгнув, завращались, набирая обороты, винты, и вскоре мы были в

небе, держа курс к Тикси, этому большому многоэтажному поселку, выросшему на берегу заледенелого моря в советское время.

Волки, «волчье засилье», как подметил известный исследователь и охотник прошлого Л.П.Сабанеев, всегда нарождаются во время упадка народного благосостояния, это есть роковое и неизбежное последствие всяких неурядиц, смутного времени. Так и среди людей. И, зная это, следовало бы и в наше смутное время не проморгать, не дать народиться новому зверю...

Остров Тиг-Ары—Тикси

Техника-Молодежи

секретные; очередные публикации об интереснейшем направлении в практической психологии — нейролингвистическом программировании (NLP), позволяющем наделить человека поистине сверхъестественными способностями; очерки по проблемам экологии и перспективам энергетики; статьи по фундаментальным научным вопросам; корреспонденции о новинках техники, в том числе спортивной; потусторонние вести — уфологические страсти, свидетельства переселения душ и тому подобное; зарубежная и отечественная фантастика; «Антология таинственных случаев» — увлекательные повествования из истории науки и техники, мореплавания и землепроходчества; другие постоянные рубрики — «Время искать и удивляться», «Историческая серия «ТМ», «Музей», «Клуб «ТМ», «Вокруг земного шара». Цена подписки: на месяц — 165 рублей, на квартал — 495, на полугодие — 990. Плюс расходы на доставку, стоимость которых назовет местная почта. Индекс 70973.

Под маркой «ТМ», на правах приложений к ней, выходят следующие издания. Международный спортивно-художественный журнал «Горные лыжи / «Ski». Издается с осени 1992 года. Адресован: спортсменам — как профессионалам, так и любителям; предпринимателям, работающим в области горнолыжного бизнеса и зимнего туризма; всем, кто любит проводить зимний отпуск в горах. Печатается на меловой бумаге, в добротном полиграфическом исполнении. Выходит 6 раз в год, в горнолыжный сезон — с октября по март. Подписной индекс — 73076, цена номера — 150 рублей (без стоимости доставки).

Многотомная, богато иллюстрированная «Энциклопедия техники» открывается серией «Стрелковое оружие». Первый выпуск посвящен пистолетам и револьверам. Следующие — винтовкам, пулеметам, автоматам. Затем последуют серии о бронетехнике, артиллерии, боевых самолетах, кораблях и подлодках. «Энциклопедия «ТМ» — уникальное справочное пособие для коллекционера и моделиста, для каждого, кому небезразлична история оружия. Цена выпуска — 190 рублей.

Приложение к «ТМ» «В трех проекциях» также предназначено тем, кто увлекается историей военной и транспортной техники. В издании собрана вся доступная информация об устройстве и «биографии» того или иного технического средства. Приведены подробные чертежи, схемы и рисунки, фотографии, документальные свидетельства инженеров, архивные материалы. Первые выпуски посвящены русским и зарубежным боевым кораблям. Готовятся монографии о советских, немецких и американских танках. Тираж издания ограничен. Цена выпуска 150 рублей. Заказ с заполненным конвертом высылайте по адресу: Москва, Д-481, а/я 82, «В трех проекциях».

Дополнительные сведения о «ТМ» и приложениях к ней — по телефонам (095) 285-89-07, 285-73-94, 285-16-87. Факс — (095) 285-16-87. Приглашаем оптовиков-распространителей. Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская улица, 5а, журнал «Техника — молодежи».

ИСТИННЫЙ ВКУС, НАСАЖЕННЫЙ НА ПАЛОЧКУ

Основа национальной кухни Японии — рис. Все остальное — овощи, рыба и мясо — считается только дополнением, приправой к нему.

К рису здесь относятся с глубоким почтением, как к хлебу насущному. По-японски его называют «гохан». «Го» — уважительная приставка, «хан» — еда. Таким образом, изначально это слово можно понимать как «главная еда» или просто — Еда с большой буквы.

В китайском языке — японцы пользуются китайскими иероглифами — глагол «есть» обозначается не одним знаком, как следовало бы ожидать, а двумя: «чифань». В переводе они значат «есть рис», сообщая нам о том, что и в Древнем Китае не представляли себе еды без риса.

Поклонение рису приобретает в Японии порой даже религиозный характер, в чем также нет ничего удивительного: в синтоизме, языческой религии японцев, отчетливо видны следы древнего земледельческого культа, главным объектом которого был рис. До сих пор в сельских храмах практикуют первобытный обряд праздничного обжорства рисом.

...В условленный день толпа людей заполняет храм, а посередине его несколько стариков, самых уважаемых людей деревни, рассаживаются за низенькие столы. Они с достоинством опускаются на пол, поджав ноги.

Жрецы в белых одеяниях, подойдя церемониальной скользящей походкой, ставят перед ними большие чашки, в которых белый вареный рис выложен высокой острой — длиною в локоть — горкой, даже скорее таким горным хребтом.

Взяв палочки, старики начинают есть рис, а участники праздника — во весь голос возбужденно подбадривают их, словно болельщики на футбольном поле.

— Жри, жри, жри! — на все лады

выкрикивают они. И это не хамство, а древний способ выражаться.

Сам дух языческой религии предполагает грубоватое веселье: своей животворной силой оно подкрепит действие обряда, и, в соответствии с законом ассоциативного мышления древних, после нового урожая каждый человек сможет вдоволь объесться рисом так, как делают сейчас только старейшины...

В наши дни для участия в этих обжорных праздниках приглашают кино- и эстрадных звезд, других популярных личностей. Перед каждым из них тоже ставят гору риса и наблюдают через телескоп, как он с ней будет расправляться.

Молодые звезды охают, хватаясь за живот, в изнеможении отбрасывают палочки, валяясь на спины, всячески потешая публику, — в то время как старики, сохраняя на лице благоговейное выражение, понемногу цепляют палочками рис из кучи, неторопливо жуют, запивая то соевым супом мисо, то зеленым чаем — и в итоге справляются с огромной кучей еды удивительно быстро. Урожай обеспечен!..

Японский рис положено варить без соли и так, чтобы в котле его было больше, чем воды. Впрочем, в наши дни пользуются электрическими рисоварками, которые сами регулируют температуру. Лишь несколько минут уходит на всю процедуру, и когда вы открываете крышку, в нос ударяет сладковатый пар. Рис, жемчужно-белый, мягкий, рассыпчатый и плотный одновременно, готов.

При домашнем обеде рис выносят к столу прямо в кастрюле, которая специально для таких случаев расписана розами, словно супница парадного сервиза. Из нее рис черпают легкой бамбуковой лопаткой и раскладывают по пиалам.

Эта работа считается чисто женской, и по правилам этикета заниматься ею должна сама хозяйка — так же, как

когда-то в русских домах она, сидя во главе стола, разливала из самовара чай.

В тех редких случаях, когда хозяйки нет, а трапеза сервирована по-японски, — так бывает, например, в недорогих ресторанах, где обед подают сразу для большой группы туристов, — для мужчины не считается зазорным обратиться к любой соседке, даже незнакомой, с просьбой положить ему в пиалу рису. Она покорно встанет и прошлепает босыми ногами к кассирше.

Хотя за послевоенные полвека в Японии широко распространился пшеничный хлеб, даже в ресторанах европейской кухни можно потребовать вместо него рису к обеденным блюдам. Но тогда он будет лежать на европейской тарелочке, и японцы уже не признают его своим, не станут называть «гоханом». Для этой цели употребляется английское слово «райс». Бывает смешно, когда его привычно произносит старушка, в детстве и не слышавшая о таком...

Ничего не скажешь: правы были древние китайцы, когда вывели первый рис! Он богат витаминами, хорошо усваивается организмом, не дает ожирения и, в целом, гораздо полезнее, чем картофель, который в Европе несколько столетий назад стал примерно тем же, что для азиатов рис.

Но есть и у риса свой недостаток: он крепит. Японские домохозяйки прибегают к помощи чернослива, который бойко распродается в бакалейных и рисовых лавках. Однако в этой борьбе рис все же оказывается сильнее, поэтому запорами здесь страдают многие, и как следствие их — геморроем. Он считается здесь чуть ли не национальной болезнью, упоминать о которой принято со снисходительно-хитроватой усмешкой, как о некоей общей слабости, которая свойственна всем...

Туалет в Японии — более неотъемлемая и яркая деталь быта, чем у нас, хотя все мы люди и сделаны из одного теста. Если наша европейская традиция предписывает скрывать, маскировать некоторые функции организма, близкие к животным, то буддийский Восток превозносит всю природу целиком, в ней нет ничего достойного стыда. Всегда и везде, у каждого человека вы можете осведомиться в Японии о том, где находится близость туалета, и он вам с готовностью ответит.

Уборная здесь всегда рядом. Ее аккуратная белая будочка возвышается на каждой детской площадке, а белая дверь видна на любом этаже магазина, на станции метро или электрички, на подземной автостоянке, в офисе — словом, везде, куда только ни ступает нога городского жителя.

Но бывает и так, что, оглянувшись вокруг, вы все же не обнаруживаете туалета. Что делать?..

Тогда допустимо постучаться в любую дверь: на фирму, в кафе, авторемонтную мастерскую и даже в частный дом. Вас тотчас с любезным поклоном проведут к тамошной белой

дверце, перед которой могут стоять холодные клеенчатые тапочки: тогда перед входом придется снять уличную обувь и надеть их.

Буддизм не придает большого значения различию между полами, ибо человеческая природа в конечном счете едина. Поэтому перегородка между мужскими и женскими туалетами здесь появилась относительно недавно и окончательно не укоренилась. И по сей день в Японии можно увидеть туалеты смешанного типа, где над одной дверью висят сразу две, казалась бы, взаимоисключающие таблички. Это значит, что в кабинку может зайти любой, если она свободна.

А бывает и так: туалеты разделены, но прихожая у них общая, и вдоль ее стены укреплены писсуары. Направляющиеся в свой туалет женщины невозмутимо проходят за спинами стоящих около них мужчин, а порой даже пристраиваются в очередь сзади, держа на руках маленького сына.

Иногда писсуар бывает привинчен к боковой наружной стене здания. Рядом, как правило, растет вечнозеленый куст. Подойти к этому писсуару может каждый...

Надо ли говорить о том, как мучаются японские туристы в наших городах, где туалетов вроде бы и нет вовсе!

У нас, кажется, слишком долго презирали всякую слабость человеческого естества, призывая лишь к завтрашневозвышенному...

Недаром во всем богато украшенном мрамором и бронзой Московском метрополитене, построенном в сталинские времена, нет ни одного туалета для пассажиров. Они здесь просто не нужны, ибо туалет не несет никакой идеологической функции. Не исключено, что образ Сверхчеловека заранее predetermined существование нашей медицины, убожество сиротских приютов, домов для престарелых, кладбищ и других атрибутов людской бренности.

Но мы начали с риса. Кроме него, в Японии популярна лапша, также пришедшая в древности из Китая. Она сделана не из риса, а из пшеницы и гречихи, и отношение к ней полностью лишено религиозного восторга.

Серовато-коричневая гречневая «соба» очень полезна, вкусна, ее с удовольствием едят иностранцы. О толстом же пшеничном «судоне», похожем на резиновый шланг, следует рассказать особо.

В странах Дальнего Востока нити лапши не режут на куски, как у нас. Полуметровые, длинные, их втягивают в рот целиком, со свистом и хлюпаньем, и при этом иногда мокрый от соуса кончик удоны напоследок хлопает вас по щеке. Европейцам все это не очень нравится, и они, как правило, удоны не едят. Зато сами японцы обойтись без него не могут...

Эту особенность давно подметили хозяева авиакомпаний, развозящих японских туристов во все страны света.

В любом транзитном аэропорту, куда должна прибыть группа японских туристов, истосковавшихся без привычной пищи, их ждут пиалы с дымящимся удоном...

Почуввав родной запах, японцы со всех ног устремляются к столам, на бегу обгоняя друг друга, и начинают жадно поглощать одну пиалу за другой. Удон в таких случаях идет втридорога, но туристы готовы переплатить. Еще бы — неделя без лапши!

Нужно ли говорить о том, как ненасытно любят японцы свежие овощи и зелень! Здесь считается невозможным начать обед без овощного салата: это то же, что и сесть за стол, не вымыв руки. Тут не существует мясных и рыбных блюд без зелени, и даже национальное японское блюдо «суши», пирожки из риса и сырой рыбы, к которым зелень не положена по гастрономическим соображениям, все равно бывает украшено неизменным пластиковым листочком, призванным радовать глаз.

Овощную лавку можно найти на любой улице и во всяком переулке — маленькую, тесную, снизу доверху уставленную картонными коробками с морковью, фасолью и луком. На лотках, вынесенных на тротуар, летом и зимой краснеют помидоры, зеленеют огурцы и перцы, желтеют кучки свежих грибов. Судьба наградила Японию благодатным климатом и трудолюбивым народом, недостав разве что земли. Здесь широко представлено все многообразие огородных культур мира, и нелегко найти овощ, который возделывался бы в Европе, но оказался забыт в Японии. До последнего времени

им была свекла, но теперь и она распространилась здесь. Разумеется, тут растут ягоды, съедобные листья и корешки, неизвестные в Европе: растительный мир Японии, оторванный от материка, достаточно своеобразен.

И все это японцы употребляют в пищу, а также и то, без чего, кажется, вполне можно было бы обойтись: одуванчики, которые крошат в салат, желтые хризантемы, служащие и украшением, и вкусовой приправой к сырой рыбе, и даже болотную ряску — тщательно промытую, ее кладут на суши. Из китайской кухни сюда пришли корневища лотоса и побеги бамбука — их тушат с мясом.

Лишь чесноком многие японцы пренебрегают, считая его пищей корейцев, которых здесь недолюбливают. Впрочем, и чеснок здесь можно купить в каждой лавке.

Приверженность жителей Японских островов к овощам не случайна — ведь в течение тысячелетий их предки питались только растительной пищей. Она дольше переваривается, чем мясная, и потому кишечник японцев стал на вершок длиннее, чем у европейцев.

В наши дни особенность организма японцев приводит порой к курьезным ситуациям. Широко известны успехи японцев в области науки и техники, в

том числе медицинской, и их волоконно-оптические зонды для просматривания кишечника считаются лучшими в мире. Правда, европейским врачам они кажутся чрезмерно длинными. Поступают просьбы немного укоротить их, заодно снизив цену...

Когда я спросил у хозяина одной из аптек, держит ли он в продаже таблетки чистого калия для укрепления сердечной мышцы (у нас этот препарат не производится), он взглянул на меня с укоризной:

— Этого лекарства у нас нет и быть не может, потому что оно не нужно. Ведь калий в избытке содержится в овощах! Ешьте их еще больше, и все придет в норму!..

По правилам японской кулинарии овощи положено не разваривать, как у нас, а оставлять полусырыми, чтобы они аппетитно хрустели на зубах. Чаще же их едят и вовсе сырыми, порой умудряясь дополнительно увеличивать полезные свойства. Так, например, бобы здесь проращивают в темноте: их молочно-белые крошечные побеги сочны и полны витаминов.

Из-за скудости земельных угодий в Японии давно уже не разводят столовую зелень на естественной почве. Вместо нее применяют пенопласт, а корни растений питают водой со специальными смесями. Должно быть, из-за этого многие домохозяйки считают, что плоды такого огородничества содержат в себе слишком много остатков химических удобрений.

В какой-то мере японские женщины правы, хотя все продукты питания, поступающие в продажу, проходят очень строгий контроль, и здесь не могла бы родиться идея заражать их ядовитыми нитратами ради повышения урожайности.

И тем не менее, в основном из-за психологической настроенности японцев, в последнее время вырос интерес к овощам, привезенным из более отсталых стран, где почва еще не повреждена цивилизацией. Ближайшей из них оказался Китай, и все большие магазины не замедлили завести у себя специальные прилавки китайских овощей.

Плоды китайской зелени легко узнать по характерным красным свастикообразным узорам, привлекающим взгляды покупателей. Сами же китайские овощи ничем не отличались от японских, и в этом не было ничего удивительного, потому что в древности почти все они пришли сюда из Китая. Первое место среди них занимали продолговатые кочаны китайской белой капусты «халусай», служащей основой для многих китайских и японских блюд. Китайские овощи вызывали доброжелательное внимание японцев, очень любящих узнавать в чужом родное.

Впрочем, одна из китайских трав все же оказалась новой и тотчас прижилась на перенасыщенном местном рынке. Это — хорошо знакомая всем нам ароматная грузинская киндза. По-китайски она зовется «кинцуй», «па-

хучая травка», и это неслучайное созвучие названий говорит о том, что и в Грузию киндза когда-то пришла из Китая...

Фрукты, в отличие от овощей, не рассматриваются в Японии как составная часть национальной кухни. Их считают лакомством и подают на десерт, а также делят на свои, японские, и чужие, пришедшие извне; впрочем, и те, и другие всегда имеются в изобилии.

Для первых зимой характерна хурма, летом — японская мушмула, бива. Темно-оранжевые шары хурмы, висящие на голых сухих ветвях на фоне ослепительно голубого холодного неба, очень красивы. Традиционным новогодним угощением считаются мандарины, созревающие здесь в эту пору. Плоды дерева бива, светло-желтые, маленькие и бархатистые, полны прохладного сока, столь приятного жарким и влажным летом.

Здесь давно прижились яблоки, арбузы, южноамериканская папайя... Но, пожалуй, глубже всего проникла на национальный японский стол клубника, пришедшая сюда в прошлом веке и до конца войны считавшаяся царским блюдом, ибо выращивалась только при дворе. В народе она была мало известна. Ее широкое распространение началось с приходом американцев, больших любителей клубники со сливками.

Очень скоро она понравилась и японцам. Ее тонкий запах, неясный вкус, глубокий темно-красный цвет, угловатость форм, новая в каждой ягоде, — все соответствовало канонам национальной эстетики, восходящей к буддизму.

Клубника была допущена в святую святых японской кухни и стала завершать собою трапезы в самых престижных и дорогих ресторанах. Мутно-зеленые тарелочки, на каждой из которых лежит всего одна ягода, подают после сырой рыбы, нескольких видов японских лакомств, тэмпуры и сукияки и чашки супа, на поверхности которой, подчеркивая ее округлость, одиноко плавают большой рыбий глаз.

Для десерта в таком обеде подбieraются нарочито корявые ягоды — крупные, пупырчатые, а вдобавок недозрелые и кислые. Впрочем, есть их, похоже, и вовсе не принято, а положено лишь наслаждаться видом, сумев разглядеть в этой неказистости красоту...

Клубника — сезонный фрукт, и несколько раз в году она ненадолго исчезает из продажи (впрочем, в больших гастрономах купить ее можно и в это время). Вместе с ней пропадает и сгущенное молоко, которое японцы, в отличие от нас, русских, не едят в натуральном виде, считая его слишком густым и жирным, и рассматривают только как приправу к клубнике. Его даже продают в консервных баночках ярко-красного цвета.

Как ни полезны и ни вкусны овощи и фрукты, организму нужен белок, протеин. В течение долгих веков япо-

нцы получали его почти исключительно из рыбы. (А самые рьяные буддисты и просто бедняки, которых в стране было большинство, и рыбы не ели.) За это время они научились и ловить ее, и готовить, и сервировать: и есть с умом и толком. По сей день Япония занимает первое место в мире по добыче рыбы.

В рацион жителей этой страны входят десятки сортов рыбы, многие из которых не имеют названий в других языках. Пожалуй, наиболее распространены тунец и лосось, в том числе и его увесистая молодь размером в две ладони. Их нежно-розовое мясо всякому придется по вкусу.

Пользуется широкой любовью также японский угорь унаги, увертливый как змея и в меру жирный. Этих рыб чистят живыми, припилив голову к кухонной доске. Жалко смотреть, как они извиваются под ножом.

Из речной рыбы японцы потребляют только форель — маленькую, асфальтово-серую, величиной с палец. Раньше ее вылавливали в холодных горных речках, а в наши дни разводят в водоемах.

К рыбе здесь причисляют всю океанскую живность — и осьминогов, и креветок, и морских ежей, и устриц, и крабов. У самых крупных из крабов, метровой величины, идут в пищу клешни и лапы, средних едят целиком, вместе с брюхом, полным икры, а самых крошечных, прожаренных в масле, щелкают, как семечки.

Китов, хотя они млекопитающие, здесь также считают рыбой: из них японцы в течение столетий получали животный белок. На старинных гравюрах можно увидеть, как несколько рыбаков в углой лодочке отважно идут в бой на кита, чья громадная туша колыхается в воде.

Мясо китов невкусное, жесткое. Его жарили, варили, пекли в кострах. Если море выбрасывало на берег ослабевшего кита, окрестные жители, вплоть до последних лет, поедали его всей деревней, но сейчас, разумеется, перестали, пресытившись иной, более изысканной пищей. К тому же — и это главное — ныне охота на китов практически прекращена ради сохранения на Земле этих редких теперь животных.

Неотделимы от рыбного стола и водоросли, которые едят и сушеными, и сырыми. Когда вы откусываете край черно-зеленой тонкой пластины сушеных водорослей, нежно-соленых и пахнущих морем, то в рот сразу набегает слюна, и кажется, вся океанская кладовая входит в вас в этот миг.

В Японии рыбу варят в воде, тушат на пару, жарят на вертеле или решеточке над углями и, наконец, обжаривают на сковороде в растительном масле.

Из древности пришло искусство засушивания тунца — кацуобуси. При умелом хранении — в темноте, холоде и сухом воздухе — крупные рыбы темнеют, становятся твердыми как доска и странно оплывают, становясь похожими на старинные игру-

щечные изображения рыбы. Тушку кацубуси можно хранить годами, отчего она покрывается нежно-зеленой плесенью, а вкус станет более тонким, как это бывает у вина.

Время от времени с кацубуси острым ножом соскребают тонкие стружки мяса и посыпают ими вареный рис или суп. Они вызывают зверский аппетит.

В старину в Японии было придумано много блюд на основе соевых бобов, создающих иллюзию сытости. Главным из них был соевый творог «тофу», широко распространенный и поныне. Его приготавливают из отваренных, а затем протертых соевых бобов. Белый и рыхлый, он и по виду похож на привычный нам молочный творог, отличаясь от него едва заметным желтоватым оттенком.

Мягкий и нежный, разваливающийся при неосторожном прикосновении вилкой, он совершенно не имеет вкуса, во время еды его поливают соевым соусом — темно-коричневым, солоноватым и терпким.

Применяют тофу и в китайской кухне, где его подают вместе с овощами, мясом, молодым бамбуком, в густой и острой темно-красной подливе.

В наши дни тофу, разумеется, уже не заменяет собою мясо и большей частью используется для диетического питания. Особенно любят его пожилые люди.

Приятно наблюдать за тем, как в ресторане японской кухни двое восьмидесятилетних приятелей, сидя друг против друга за столиком, неторопливо опускают палочками в котелок с кипящей водой белые кусочки тофу, веточки зелени, льют соевый соус... В это знаменитое японское блюдо «набэ», которое одновременно готовят и едят, можно положить и мясо, и рыбу, и жирные креветки, а два фарфоровых графинчика с сакэ разогреют кровь.

Японская кулинария очень хороша для тех, кто хочет выдержать диету. Словно специально для этих людей здесь готовят множество постных блюд, содержащих очень мало калорий, но богатых витаминами и, главное, не приносящих никакого вреда организму. Жуя эти мягкие лепешки, колбаски, шарики, ощущаешь привкус то травы, то рыбы. Их можно съесть очень много, и все равно вскоре почувствуешь аппетит. Все эти изделия — дети голода. Как, должно быть, страдали от него древние японцы! Но сейчас эти старинные блюда обрели вторую жизнь. Наиболее полным их выражением служит вымоченный клубень «коньяку», не имеющий ни перевода своего названия на другой язык, ни вкуса, ни запаха, ни даже вида, ибо наполовину прозрачен. Нарезанный тонкой лапшой, осклизлый, серый, он сейчас уже не употребляется в пищу сам по себе, отдельно, а смешивается с жареным мясом для скрадывания его жирного привкуса и

уменьшения вредного воздействия на организм.

Не нарушают овощной диеты и перепелиные яйца, прежде доступные лишь самураям. Миниатюрное яичко, лежащее на горе лапши, рассматривается в национальной кухне как изысканное украшение, не больше.

А красная соевая паста мисо служит в наши дни только вкусовой приправой, а в старину была и самостоятельным блюдом: из него и по сей день приготавливают суп. Мисо делают из варено-давленных бобов сои, в которые для брожения добавляют солод и хлебные дрожжи. Мисо очень вкусен, пикантен, его запах щекочет ноздри.

Главное назначение мисо — помочь раскрыть истинный вкус продукта. А это — основная цель японского кулинарного искусства.

Многим ли знаком, например, истинный вкус рыбы? Лучшее всего он проявляется тогда, когда рыбу едят сырой. Но ведь она и холодная, и скользкая, и пресная, и вдобавок пахнет океаном.

Но если положить тонкий ломтик сырой рыбы на расписную или, наоборот, молочно-белую тарелку, украсить прозрачной неземной зеленью свежих водорослей, обмакнуть в соевый соус, смешанный с острым хреном «васаби», который оттенит пресный вкус, и запить глотком горячего сакэ, который подчеркнет холод морских глубин? Окажется, что ничего вкуснее этого нет на свете.

А когда лучше всего познается вкус куриного мяса? Разумеется, тоже в сыром виде.

Помню, как еще в студенческие годы я был приглашен в один из токийских ресторанов, специализирующихся на курице. В длинный перечень блюд входили и хрустящие жареные крылышки, и кусочки филе, тушенные с грибами, и жидкий куриный суп с ракушками и водорослями.

И вот, наконец, курицу подали сырой. На белом блюде лежало несколько кубиков розоватого мяса. С непривычки это показалось диким, но, движимый интересом исследователя, я взял палочками скользкий кусочек, отправил в рот — и почувствовал, как знакомый с детства куриный вкус заиграл на кончике языка поновому.

С тех пор сырая курица стала моим любимым блюдом. Я и в Москве готовлю ее, тем более что сделать это совсем не сложно: имелась бы под рукой абсолютно свежая куриная тушка. (Это, правда, сложнее, но способы доставания продуктов не входят в тему моего скромного исследования.) Надо срезать с нее белое грудное мясо, раскромсать на небольшие ломтики и полить лимонным соком или стол же недоступным у нас соевым соусом. Куриную печеньку также можно есть сырой, наслаждаясь нежным ароматом куриной крови.

С распространением в Японии европейской мясной пищи здесь широко привились говядина и свинина, которых по японскому обычаю тоже стали употреблять в сыром виде. Сервированное по-европейски, на блюде, политое острым соусом с примесью чеснока, такое мясо не имеет специального названия; поданное же по-японски, на квадратной тарелочке, в чистом виде, без соуса, оно именуется так же, как и сырая рыба, «сасими», что в переводе значит «истинный вкус, насаженный на палочку».

Одну только баранину японцы никогда не едят сырой, презирав ее за запах. Импортированная из Австралии и Новой Зеландии, она большей частью идет на изготовление колбасы и сосисок.

Подобно тому, как древняя китайская кулинария, испробовавшая, кажется, все существующие на земле продукты, еще не может насытиться в поисках новых вкусовых ощущений и открывает для себя новые их источники, остановившись сейчас на крупных австралийских муравьях, — так и японская кухня все истончает свой вкус. Ее поиск идет в иной плоскости: она выявляет новые вкусовые глубины в том, что давно известно.

На это дело здесь не поленились мобилизовать даже ученых, которые в конце прошлого века изобрели чудесный порошок, завоевавший все страны мира.

По виду он похож на сахарный песок, по вкусу — тоже, но также и на соль, и на что-то еще приятное, влажное, кажущееся очень знакомым. Это — глютамат натрия, называемый по-японски «адзиното», «основа вкуса». Он удивительным образом заново проявляет вкус любой еды, даже не японской: посыпанная им вареная картошка становится более сладковатой и нежной, соленая рыба — пикантной, как бы малосоленной, а вкусовая палитра борща с его помощью обогатится до невероятных пределов. Если положить щепотку адзиното на язык, вы испытаете здоровый голод туриста, независимо от того, были ли сыты ранее.

Так проявляется своеобразие научно-технического прогресса в странах Востока, порой мало замечаемое нами. Восточные естествоиспытатели нередко пытаются направлять даже чуждую им европейскую науку в свое традиционное русло, в котором она заведомо не может принести никаких разрушений, создать угрозы человеку.

Необычно мягкий по сравнению с другими специями, обжигающими язык и шедшими когда-то из жарких стран, адзиното быстро распространился по всему миру. Особенно прижился он в Восточной Азии — от Китая до Индонезии, где на протяжении тысячелетий царили пряные приправы китайской кухни.

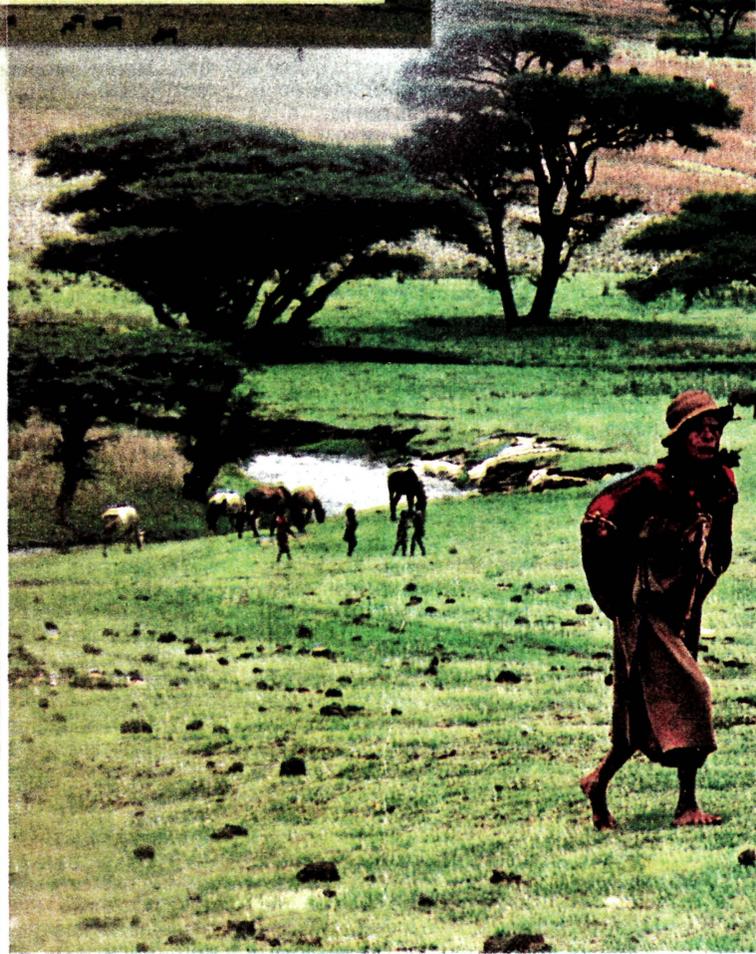
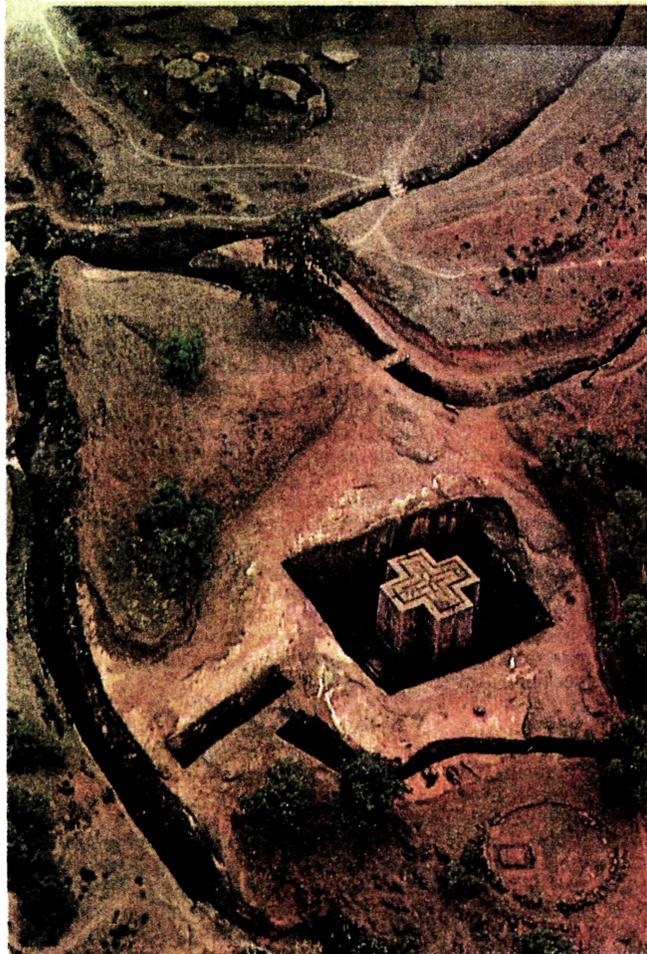
И, может быть, поэтому адзиното можно назвать величайшим изобретением тонкого японского вкуса...

Э. ЛЬВОВА,
кандидат исторических наук

ЗАМКИ ДРЕВНЕГО ГОНДАРА

Мы, члены российско-эфиопской экспедиции, с несколько сложным названием историко-этно-социологической, летим из Аддис-Абебы в Гондар.

Гон-дар — в этом слове как будто слышится звучание старинных эфиопских церковных барабанов — кеbero. Это — столица старой Эфиопии, ее слава на протяжении двух столетий. Специалисты даже выделяют «гондарский» — с 1636 по 1885 год — период в истории страны. Именно там монофиситская церковь Эфиопии после суровых кровопролитных столкновений сначала с мусульманами, а затем с европейцами-католиками отпраздновала победу возвращения к «вере отцов».

Фресна из собора
Св.Троицы в центре
Аддис-Абебы.
Храм св. Георгия в
форме креста
(Лалибела).

Еще два с небольшим десятилетия назад этот город обязательно включался в список важнейших достопримечательностей Эфиопии. Но в результате многолетней войны туристический бизнес пришел в упадок. Хотя на территории самой провинции Гондара военные действия почти не велись, он тоже пострадал и от войны, и от авторитарного режима Менгисту Хайле Марьяма. Даже в наши дни, когда солдаты возвращаются домой, доля женщин согласно данным местного муниципалитета значительно превышает число мужчин. Все взрослые мужчины либо были мобилизованы, либо были вынуждены скрываться, чтобы избежать мобилизации.

Пришедшее весной 1991 года на смену режиму Менгисту Хайле Марьяма коалиционное правительство согласно Хартии обязалось следить за соблюдением прав всех народов страны. Однако, по мнению многих лидеров националистических организаций (а их около 80), произошла лишь смена диктатуры амхара (к этому народу принадлежало большинство бывшей администрации) диктатурой тиграйцев. В итоге на востоке и юго-востоке страны опять начались военные действия. В провинции Гондар спокойно; как мы увидели позднее, там гораздо меньше патрулей и вообще людей в военной форме, чем даже в Аддис-Абебе. Но не все части армии Менгисту сдали оружие, кое-кто ушел в леса. Бывшие солдаты не получают никаких пособий, найти работу в условиях разрухи и безработицы нелегко. Неудивительно, что растет преступность и бандитизм. Группы бандитов, как рассказывают, устраивают засады на дорогах, грабят путников, а иногда и захватывают заложников.

ГОРОД, ПРИБЛИЖЕННЫЙ К НЕБУ

... Под нами Абиссинское нагорье. С высоты птичьего полета особенно ясно видно, какое опустошение приносит в когда-то девственные края человек. Лесов практически не осталось — нужна земля под посевы, нужно топливо, ведь до сей поры, за немногим исключением, дрова остаются здесь единственным источником тепла. Лишь местами попадаются рощицы, а иногда — небольшие холмы, на вершинах которых в пятнах зелени мелькает круглая крыша. Так обычно в сельской Эфиопии располагаются церкви.

Чем дальше на север, тем суше земля, тем меньше пятен зелени и тонких черточек-рек. Тени облаков бегут по серо-бежевым скалам с редкими выступающими вершинами. Но вот горы становятся чуть ниже, и видна гладь большого озера — это Тана. Маршрут проходит над той частью озера, откуда вытекает Голубой Нил, или, как его называют в Эфиопии — Аббай.

На озере изредка видны длинные лодки рыбаков, а затем появляется

большой покрытый лесом остров. Среди зелени проглядывает ряд зданий. Это сохранившиеся средневековые монастыри, игравшие в свое время немалую роль в истории страны. Именно здешние церковники помогли в XIII веке воцариться Йекуно-Амлаку, восстановив тем самым, как считает эфиопская историография, Соломонову династию.

... И вновь под крылом самолета безжизненная горная страна. Наконец — посадка в аэропорту Гондара, расположенном в 19 километрах от города. Это громадное выжженное поле, на котором виднеется маленький домишко: касса, таможня и все аэродромные службы вместе. Большинство пассажиров увозят друзья и родственники. Немногим, не имеющим в городе знакомых (к их числу относимся и мы), приходится воспользоваться услугами стандартных голубых автобусиков-такси. Туда набивается дюжина галдящих пассажиров, среди которых мы — единственные белые. Попутчики отнеслись к нам с интересом — в наши дни европейцы не часто попадают в Гондар. Однако, узнав, что мы не из Франции, не из Италии (это был первый вопрос), не из Швеции, интерес потеряли. Вопрос об Италии не случаен. Эти области были оккупированы Италией, и клише «европеец — это итальянец» пока еще живо. Остались и материальные свидетельства пребывания итальянцев в городе. До сих пор действуют дороги, построенные итальянцами. Улицы в центре города, где сосредоточены основные лавки, по-прежнему носит название Пьяцца (как и главная торговая улица Аддис-Абебы). В бывшей итальянской гостинице «Террара» мы и остановились на ночь.

Наутро нам пришлось перебраться в более дешевый «Кассанжи-отель». Отели в провинциальных городах Эфиопии — это замкнутые дворики, на которые выходят двери номеров. Их соединяют террасы. Вход — через небольшую кофейню, где всегда есть чай, кофе, какое-нибудь печенье — обычный завтрак городского служащего, вынужденного жить далеко от семьи. Нашим отелем владеет целое семейство. В разговоре с племянником хозяина выяснилось, что гостиничное дело, когда-то очень выгодное, сейчас не приносит прибыли. Из 40 номеров несколько лет подряд были заняты только 3 — 4, а то и ни одного. «Война», — объясняет, вздохнув, молодой хозяин. Сейчас появляется надежда на успех в ожидании туристов, особенно иностранных. Мой собеседник собирается связать свою судьбу с этим бизнесом, но прежде хочет на два-три года уехать в Америку, набраться опыта.

Гондар расположен в горах, на высоте около 3000 метров. Здесь как раз находится самая высокая часть Эфиопии — массив Сымен с высочайшей вершиной страны Рас-Дашан (4623 м). Улицы опускаются и взбираются с холма на холм. Площадь города, как нам любезно сообщили в муниципа-

литете, 48 квадратных километров, или 120 «гашша»: и сегодня в официальной статистике Эфиопии используется старая мера площади, введенная Менеликом II в конце прошлого столетия.

Центр города застроен двух-трехэтажными домами, среди них много официальных зданий, часть осталась еще со времен итальянцев. Городские и деревенские жилища этой, северной части страны отличаются от тех, что можно увидеть южнее. Там основным типом жилища является «тукуль» — круглая плетеная хижина без окон с соломенной крышей. В поселках городского типа и провинциальных городках жилища (уже обязательно с окнами) четырехугольные, обмазанные глиной, с плоскими крышами, пристроены друг к другу и вытянуты вдоль дорог и улиц. Перед ними выступает крыша, опирающаяся на столбы и создающая нечто вроде веранды. Очень редко можно увидеть палисадник или небольшой дворик. Если он и есть, то расположен чаще за домом.

Здесь же сложился другой тип жилища — «хьдмо». Это прямоугольный дом с четырехскатной крышей, он сложен из камня или сделан из укрепленных деревянной арматурой саманных кирпичей. Нередки двухэтажные дома. Ставят их они на расстоянии друг от друга, отделяют дворами, где растут злаки и овощи, а нередко еще содержатся коровы и козы. Одно такое хозяйство было расположено прямо в центре города, рядом с нашей гостиницей. Занятие сельским трудом в городе — обычное дело: в Гондаре насчитывается около двухсот официально зарегистрированных подобных крестьянских хозяйств. Перестук деревянных колокольников, подвешенных на шею коров, щелканье бичей (как правило, сплетенных из кожаных ремешков и закрепленных на украшенной искусной резьбой рукоятки), мерный звук шагающих копыт слышны утром и вечером на улицах Гондара.

Сейчас в городе много безработных: производство сокращается; и хлопкоочистительная фабрика, и мясокомбинат на грани закрытия. Не хватает электроэнергетики, перебои с сырьем, особенно плохо с водой — не только для производственных, но и для бытовых нужд. Часто целые районы города остаются без воды. Молодые специалисты, вынужденные снимать комнаты, рассказывают, что хозяева дают воду только для питья. Для стирки, мытья, уборки воду приходится покупать. Начавшиеся было работы по гидроразведке региона были прекращены из-за гражданской войны.

ИМПЕРАТОРСКИЕ ЛЬВЫ И ЦЕРКОВНЫЕ БАРАБАНЫ

Мы не имели никаких рекомендаций писем, только напутствие одного из давних выпускников Института стран Азии и Африки при МГУ Амбачо Кеббеде, который работает в отделе охраны памятников министер-

ства культуры и спорта в Аддис-Абебе. Поэтому отправились прямо в дворцовый комплекс, благодаря которому и прославился Гондар. Как ни странно, первое, что мы услышали, представившись и объяснив, что хотели бы увидеть, было: «А здесь, в местном отделении департамента охраны памятников министерства культуры и спорта, работает человек, говорящий по-русски». Им оказался выпускник исторического факультета Воронежского университета, археолог Асфая Гырма. Он провел с нами все время в Гондаре, и благодаря ему мы смогли за столь краткое пребывание увидеть и узнать многое.

Дворцовый комплекс расположен в центре города на холме и окружен высокой каменной стеной. Он занимает обширную территорию — примерно семь гектаров и состоит из целого ряда построек. Однако научных обмеров многочисленных памятников-дворцов и хозяйственных помещений пока еще не делалось.

В центре обширного двора — львятник. Лев — символ древней Соломоновой династии, идущей со времен Аксума, и эфиопские императоры всегда держали львов при дворе. Льва мы увидели и в Гондаре, хотя уже больше столетия двор покинут императорской семьей. Правда, когда мы подошли ближе, оказалось, что это чучело последнего из «династии» царских гондарских львов. Он умер от болезни. Но пока не завезли новую львиную семью, символа лишиться нельзя.

Гондар издавна считается оплотом эфиопского монофиситского христианства. С 30-х годов XVII века он стал центром и государства, и церкви. Фасилидас, основатель дворцового комплекса, победитель «нечестивых» приверженцев «латинской веры», был очень религиозным человеком. В его замке четыре круглые угловые башни. Каждая из них смотрит на церковь. Набожный император поочередно молился в каждой из них, обращаясь лицом к одной из церквей. Любил он устраивать и своеобразные состязания. На верхнем этаже его замка расположена открытая площадка, разделенная пополам невысоким гребнем. В конце ее небольшое помещение в форме кеберо — церковного барабана. Там хранились церковные инструменты (кеберо, сестры-тсенатсем), высокие палки-посохи с перекрестием наверху (мекамна) и праздничные облачения священнослужителей — «дебтера». Клиз двух церквей, надев эти одежды, выстраивался на двух половинах площадки, и начинались песнопения, сопровождавшиеся музыкой и ритмичным танцем. Император как строгий судья выносил решение: причт какой из церквей выступил сегодня лучше. Церковь-победительница получала пожертвования из рук императора.

На территории самого комплекса в то время не было отдельных церковных зданий. Поэтому члены императорской семьи выходили молиться за пределы крепостных стен. Для этой цели был построен мост, проходивший над дорогой

на центральный рынок города и соединивший двор замка и лежащую рядом церковь. По древнему этикету при приближении старшего или знатного лица, тем более придворных, не говоря уже о самом императоре, надлежало снять головной убор. На мосту же были высокие глухие ограды, за которыми не видно было, идет ли по нему кто-нибудь. Так что приходилось на всякий случай каждый раз обнажать голову. И сегодня еще этот мост, которым давно уже не пользуются, называется «Место, где снимают шляпы».

И сейчас еще в городе на 100 с небольшим тысяч жителей — 20 церквей. Среди них — всемирно известный храм Дебре Берхан Селассие с незабываемыми фресками и малозаметный приходский храм святого Микаэля; старинная церковь — ровесница замка Фасилидаса (строгое, темного камня четырехугольное здание, прижавшееся к крепостной стене), и сверкающие новехонкими цинковыми крышами современные постройки. Все они достойно представляют Гондар, бывший почти двести лет столицей страны. Но прежде чем он стал ею, Эфиопия пережила смутные времена.

«ГОНДАРСКИЙ» ПЕРИОД И «ГОНДАРСКИЙ» СТИЛЬ

До этого времени страна не знала столичных городов. Столица была там, где в данный момент находилась резиденция императора — «негуса». А негусы Эфиопии вели подвижный образ жизни, перемещаясь лагерем со всем двором по строго определенному маршруту. Даже Анкобер, первая оседлая резиденция негусов, была всего лишь зимней (то есть на период больших дождей) ставкой.

К XV веку, с одной стороны, усилились центробежные тенденции и стремление местных феодалов добиться независимости от центральной власти; с другой — с востока все более ширилась экспансия мусульманских государств, уже сумевших монополизировать выгодную караванную торговлю с побережья Аденоского залива и Индийского океана. Особенно осложнилось положение, когда правитель Харэра Ахмед Грань объединил мелкие эмираты побережья и начал опустошительные набеги на внутренние области страны. С 1527 года за несколько походов его воины захватили значительную часть страны, включая и древнюю столицу — Аксум. Император Лебна Денгель вынужден был бежать. Положение усложнялось тем, что с юго-запада двинулись племена оромо, а на севере, на побережье Красного моря, в 1557 году высадились войска Османской империи.

Эфиопским послан удалось добратся до могущественной в те годы Португалии и убедить оказать помощь далекой христианской стране. В июне 1541 года в страну прибыл отряд во главе с Криштованом да Гама. Он включился в борьбу эфиопских войск с мусульманскими захватчиками. Борьба шла с переменным успехом. Только в 1543 году, убив в сражении Ахмеда

Граня, удалось изгнать из страны завоевателей.

Португальцы (а их воинов было лишь 500 человек) преувеличивали свое значение в этой победе и всячески старались усилить свое политическое влияние. Активно начали действовать различные католические ордена, особенно иезуиты. Сусейнос (по другому написанию Сисинний) даже, приняв вместе с приближенными католичество, объявил его государственной религией. Это вызвало недовольство народа, переросшее в настоящую гражданскую войну, вобравшую в себя и целый ряд народных восстаний. Как любое другое массовое движение средневековья и нового времени, оно возглавлялось духовенством и имело форму религиозной войны. Главным лозунгом его был возврат к «вере отцов».

Результатом было отречение Сисинния в 1632 году в пользу сына Фасилидаса. Тот созвал большой собор духовенства в малоизвестном селении в глубине страны, к северу от озера Тана — Гондаре. Решением собора Эфиопия вернулась к прежней вере, все миссионеры-католики были высланы за пределы страны, «те, кто не пожелал подчиниться, — как говорит хроника, — были убиты».

В 1636 году Фасилидас и превратил Гондар в свою столицу. Земли, на которых она располагалась, были завоеваны амхара-шоанцами в XVI — XVII веках. Местное население оказывало ожесточенное сопротивление. Фалаша, галла-оромо, куари играли затем немалую роль в новой столице. Нередко знать этих народов входила в число особо приближенных, через браки устанавливала свое влияние на престол. Через Минтуваб, итыге или жену одного из правителей, влиятельной силой стали куарийцы, а ее сын Иясу II остался в истории как император куариец. В округе жили и другие небольшие народы, названия которых иногда мелькают в хрониках. К нашему времени многие многие ассимилировались с амхара, другие оказались на периферии политической жизни.

Памятники Гондара — многоэтажные (от двух до четырех этажей) здания, что совершенно не характерно для Африки.

Архитектура их вообще весьма необычна, что и дало пищу самым разным теориям. Кого только не называли строителями этого комплекса — португальцев, индийцев, видели здесь и подражание южноаравийской многоэтажной архитектуре. Однако, как показали исследования, «гондарский» стиль не вытеснил старый, а существовал с традиционным, для которого были характерны постройки круглые в плане, крытые соломой или травой. Все здания «гондарского» стиля строились из камня, нередко окружались стенами. В плане это прямоугольник или квадрат. В них были внутренние и внешние каменные лестницы, чаще всего под прямым углом к зданию. Крыши — либо сводчатые, либо плоские, используемые как открытые террасы. Еще одна важная осо-

бенность: круглые конические башни по углам зданий и через равные интервалы — на крепостных стенах, а по фасадам — балконы из дерева.

В строительстве, как известно из письменных источников, действительно участвовали строители и архитекторы из Португалии и из Индии. Но их архитектурные идеи наложились на уже существующую традицию. Каменщики-исполнители были, конечно, местные жители.

Когда поднимаешься по крутой лестнице на второй этаж замка Фасилидаса, можно увидеть на оштукатуренных стенах под высоким потолком зала, служившего для проведения судебных разбирательств, темные красно-коричневые рисунки на светлом фоне. «Вот эти знаки, — говорит наш любезный проводник Асфату Гырма, — свидетельства каменщиков, строителей и архитекторов, которые участвовали в возведении дворцового комплекса. В первом ряду индийцы и португальцы изображали узорчатые окна в стиле восточной и арабо-иберийской архитектуры, а наверху, видите, звезда Давида? Этот знак оставили ремесленники фалаша».

КТО ОНИ, ФАЛАША?

Вокруг Гондара, в местностях Сымен и Быгэмдэр, издавна жил народ, исповедовавший иудаизм эпохи до Талмуда. Фалаша антропологически не отличаются от других народов этой части Эфиопии, говорят на языке (кайла, диалект агау), принадлежащем к кушитской группе большой афроазиатской семьи, и, по-видимому, являются частью народа агау. Однако уже в середине нашего века этот язык сохраняли лишь люди старшего поколения. Молодежь, а в городе и их родители, перешли на амхарский. В конце 80-х годов фалаша насчитывалось 30—35 тысяч человек. Свои службы они отправляли на древнем языке Эфиопии — «гыыз» (как и христиане-ортодоксы), на этом же языке написаны и их священные книги.

Долгое время исследователи считали их беженцами, вернее, потомками беженцев из Иерусалима во времена римского императора Тита. Вынужденные покинуть родной город после разрушения первого храма, они якобы основали в Египте Элефантину, а затем появились и в здешних горах. Другие полагают, что это — потомки евреев-рабов, которые отказались уходить с Моисеем, а бежали вверх по Нилу. Есть и другие версии: фалаша — потомки «потерянного» библейского племени Дан; это местные жители, обращенные в свою веру йеменскими иудаистами, прибывшими через Красное море; они потомки Моисея, женившегося на местной женщине, когда тот должен был по поручению фараона завоевывать верхний Египет, и т.д. Сами себя фалаша называют «Бета Израиль» (Дом Израиля). Однако подтверждений этих легенд не находится. По своему языку, антропо-

логическому облику, бытовой культуре они не отличаются от своих соседей. Вероятнее всего, как писал известный эфиопист С.Б.Чернецов, «фалаша, подобно иудеям Южной Аравии, являлись автохтонным населением, сохранившим иудейскую религию в том виде, в каком она получила свое распространение по обе стороны южной оконечности Красного моря в IV в. до н.э.».

В свое время фалаша сыграли немалую роль в истории страны. В районе озера Тана в X веке они создали политическое объединение народов, близких агау, во главе с фалаша. Память о «королеве» Эзато (Эдит, Юдифь), которая за свое долгое правление (40 лет) достаточно сильным государством сумела, вероятно, завоевать даже Аксум, жива до сей поры. И хотя уже в XIII веке эта династия пала и утвердилась у власти Солломониды, только в XVI веке эти области были включены в состав единой Эфиопии.

После завоевания населенных фалаша районов их земли были частью переданы в «королевский» домен, частью распределены между победителями. Фалаша были лишены права на землю (они его обрели вновь лишь после падения феодальной Эфиопии в 1972 году). В самом городе был выделен для их расселения отдельный квартал, а в округе — несколько деревень, ибо в 1668 году собор, негус и князь, как рассказывает «История царя царей Аэлаф Сагада», постановили: «Фалаша же, называемые кайла, преобладающие в вере иудейской, да не живут вместе с христианами, но да отделятся и живут отдельно, устроив поселения».

Фалаша стали ремесленниками: каменщиками, гончарами, кузнецами, ювелирами. Именно они и составляли большинство рабочих-строителей в течение двух столетий интенсивного возведения Гондара. В средние века они славились также как лучшие мастера по выделке щитов и ковке копий. Щиты украшались и укреплялись металлическими кругами и полосами. Как всегда, кузнечество считалось сродни магии. Неудивительно поэтому, что даже сейчас, когда фалаша уже почти не работают с огнем и металлом, соседи-христиане и язычники считают их опасными, способными насыпать порчу и по ночам превращаться в гиену.

Лишь немногие фалаша, получившие образование, жили и работали в Аддис-Абебе. Нам не удалось найти следы существования синагоги в столице Эфиопии. Рассказывали, что фалаша, умерших в Аддис-Абебе, увозили в Гондар для погребения по обряду — в столице это сделать было невозможно. Но в 1981 году местная администрация закрыла синагогу, в провинции Гондара были сожжены 200 книг, в том числе «Орит» — рукописная Библия на козьей коже. В 1985 году туристам запретили посещать деревни фалаша. Все это время Израиль вел переговоры с эфиопским прави-

тельством. И вот в мае 1991 года более 20 000 человек были вывезены в Израиль. Еще одна группа прибыла в Иерусалим в июле 1992 года.

При этом не бралось в расчет, что язык и быт фалаша ничего общего не имеют с еврейской религиозной традицией, а тесно связаны с культурой других народов Эфиопии. Не столь существенными казались и несоответствия религиозных воззрений фалаша и классического иудаизма. Так, они следуют только Пятикнижию Моисея, праздничные дни для них только «Рош Хашанех», Еврейский новый год, Йом Кипур, День искупления. Им неизвестны талмудические традиции, Ханука, Пурим, зато есть собственные праздники, такие, как Сегед — возвращение из Вавилонского плена, отмечаемые двух-трехдневным паломничеством на вершины местных гор. После возвращения в деревню праздник отмечается пением и танцами в традиционном эфиопском стиле. У фалаша есть монашество, священники называются, как и у христиан-ортодоксов, «кеш», носят белые шаммы и тюрбаны, церемониальные зонты. Во время службы в синагоге, при вынымании Торы, женщины сопровождают церемонию ритмичными ударами в ладони.

Нам в Гондаре встретить фалаша не удалось. «Они все уехали» — такой ответ давал каждый, кого мы о них спрашивали. Но в деревне Уолека, высоко в горах, и в Теда, в 30—40 километрах от Гондара, еще оставались крестьяне — фалаша. Отрезанные бездорожьем, они по-прежнему возделывают хлеб, пасут скот, лепят из черной глины игрушки, горшки, статуэтки, изредка приходят в Гондар на рынок. Что ждет их дальше? Останутся ли они здесь? Уедут ли последние фалаша на «землю обетованную»?

СВИДЕТЕЛЬСТВО БЫЛОГО МОГУЩЕСТВА

Самый внушительный памятник комплекса — мощный трехэтажный дворец основателя Гондара Фасилидаса (1632—1667 гг.).

Его дворец, очень хорошо сохранившийся, — настоящий замок, с толстыми стенами, четырьмя угловыми башнями, многочисленными залами. Поднявшись по высоким ступеням внешней лестницы на второй этаж, наш гид Асфату отпирает замок на створках тяжелых деревянных дверей, сделанных из единых плах дерева ванза, и мы попадаем в зал, где вершился суд. Это первый зал из трех, на который разделен второй этаж. Видимо, именно это место носило название «Дом льва», неоднократно упоминаемое в хрониках Гондара. На левой стене — старинные рисунки, оставленные строителями.

Во втором, внутреннем зале происходили приемы. Сейчас в нем остались лишь «люстры» — подвешенные к потолку равноконечные кресты-светильники из темно-коричне-

вого дерева. Асфату Гырма считает, что форма их — свидетельство уважения и сыновней любви к отцу Фасилидаса, который был католиком: в католическом храме Гондара я видела точно такие же коричневые равноконечные кресты. Здесь мы увидели также и необычную даже для «гондарского» архитектурного стиля деталь — сквозной камин в стене между двумя залами (вторым и третьим), а внутри стены — дымоход.

Третий зал предназначался для дворцовых женщин — ведь эфиопские негусы, несмотря на то, что всячески подчеркивали свою приверженность христианству, были многоженцами, имели и официальных наложниц. В стенах этого зала — многочисленные ниши, заменяющие шкафчики, где хранились косметические кувшинчики, иноземные «франкские» флаконы, коробочки с украшениями и тому подобное, совершенно необходимое знатной женщине. В угловых башнях сделаны маленькие комнатки с узкими окнами на три стороны и три церкви — Рагуэля, Габриэля и Марии. Фасилидас, очень набожный человек, не выходил для ежедневных служб в церковь, а молился в этих комнатах, обращаясь лицом к храмам.

По соседству с замком в отдельном здании располагалась сокровищница, а рядом — глубокий водоем. Сейчас он пуст, а когда-то в нем разводили рыбу. Рядом с ним были сооружены и лечебные ванны с подогревом воды с помощью проходивших под ними глиняных труб — подобную систему подогрева можно видеть в средневековых банях Дербента.

Для более серьезного лечения и длительных купаний Фасилидас построил отдельное сооружение примерно в четырех километрах от дворца, известное как «Бани Фасилидаса». Это небольшое здание того же «гондарского» стиля с балконами и зубчатой крышей, стоящее посреди большого бассейна. Оно уже давно не используется по прямому назначению: большую часть года бассейн пуст; парк, в котором находится комплекс, заперт. Лишь раз в году, во время Тимката (праздника Крещения), он наполняется водой, и здесь при массовом скоплении народа проводятся торжественные церемонии.

«ДОМ ЛЮБВИ» И «ГОРЕ МОЕЙ ШЕЕ»

Преемник Фасилидаса, его сын Иоханнес (тронное имя — Алаф Сагад), построил собственный дворец — небольшой, уютный, двухэтажный. Если жилище Фасилидаса поражает мощью, крепостью, тяжестью, даже подавляет, то дом Иоханнеса (его трудно назвать дворцом или замком) радует глаз. Даже среди подчеркнута религиозных правителей гондарской Эфиопии Иоханнес выделялся своей набожностью, и его дворец назывался «Домом любви» (имелась в виду лю-

бовь к церкви). В хронике, рассказывающей о жизни Иоханнеса, мало говорится о его воинских подвигах, но много — о благочестии, богатстве, пышности двора. В сокровищнице во времена его правления хранились не только государственный казна, но и праздничные одеяния и атрибуты власти негуса.

Атрибутами верховной власти служили трубы, красный зонтик, барабаны, самый крупный из которых носил личное имя — «Медведь-лев». Царские барабаны (негарит) отличались от церковных (кеберо). Они были полусферической формы с одним днищем и скреплены попарно. В них били перед торжественными выходами, во время битвы, перед тем, как оглашались указы негуса. Именно эта их функция наиболее известна, и современная газета — вестник правительства, публикующая государственные документы, — носит название «Негарит». А в те времена они были обязательным атрибутом власти, прежде всего негуса и его наместников. Причем чем больше барабанов получал наместник, тем большим влиянием он пользовался. Так, у главы провинции Тигре было сорок четыре барабана.

По хроникам видно, что главным для Фасилидаса было укрепление власти, а для его наследников эта забота, еще оставаясь насущной, все же отходила на второй план. Накоплялось богатство, которое с удовольствием демонстрировалось. И архитектура, сохраняя общий стиль, теряла мощь, грозную монументальность, приобретала черты легкости, даже изящества, появлялся декор, прорезные окна, множество балконов.

Неподалеку от замка Фасилидаса, соединенный с ним стеной, стоит в руинах замок Иясу I. Стены были высотой до 5 метров, с зубчатой оградой, а по стенам наверху проходила дорога. Члены правящей семьи пользовались именно этими переходами по стенам, из-за зубцов которых люди были не видны. Ведь здесь, где сейчас так тихо и пусто, в те времена кипела жизнь. Придворные церковники, слуги, рабы, ремесленники, заезжие провинциальные феодалы, воины — не одна сотня людей бродила по замку.

К сожалению, не сохранились многочисленные другие строения, возведенные при Иясу I. Хроника называет, например, «расге бет» (головной дом) — малый приемный зал, «аддарап», где часто устраивались обязательные пиры. Когда не хватало и этого обширного помещения, как, например, во время недельного пира по случаю праздника креста (эфиопский Мескэль, и новгодний праздник, и традиционный праздник урожая — одновременно), приходилось сооружать во дворе временный «набаль бет». Еще одно здание — Иеблань Лангете («горе моей шее») было прозвано так из-за низких сводов в переходах и на лестницах. Здесь решались важные государственные дела.

Хотя Иясу I, как и все его предшественники, был воином, главным сов-

ременники считали не его воинскую доблесть, а умение распорядиться богатством, благочестие, стремление к книжной культуре, церковному строительству. Его дворец был богато убран: «А из чертогов его царских одни были возведены с украшениями золота червонного и серебра чистого, а другие расписаны красками заморскими цвета разного... А все стены были в зеркалах заморских чистых и отражающих и видели себя все люди стана ясно. А еще расстелены были внутри ковры заморские, дорогие и многокрасочные. А была еще башня, построенная из изразцов заморских». К этим словам местной хроники можно добавить и свидетельство французского врача Шарля Понсе, побывавшего в Гондаре в 1699 году. Он писал: «После того, как меня провели через более 20 комнат, я вошел в зал, где император восседал на своем троне. Это было нечто вроде кушетки, покрытой красным шелковым покрывалом, расшитым золотыми цветами. Этот трон с ножками из массивного серебра помещался в глубине зала под балдахином, который весь сиял золотом и лазурью. Император был облачен в шелковое одеяние, отороченное золотом, с очень длинными рукавами. Его пояс, в который он был завернут, был оторочен таким же образом. Он был простоволос, с очень аккуратной прической. Большой изумруд сиял у него во лбу и прибавлял ему величия».

ЗОЛОТЫЕ УНИТАЗЫ В ТЮРЬМЕ?

Неподалеку от дворцового комплекса стоит еще одно здание в том же стиле, связанное, хотя и не прямо, с именем Иясу II. Это замок раса Микаэля-Сухута (Микаэля Сьуля), предводителя тиграйцев, которые выступили против центральной власти и вынудили императора на единственный за его двадцатипятилетнее правление военный поход. Как известно, противники встретились около Аксума. Но и здесь проявился особый характер Иясу II: даже располагая численным превосходством армии, кровавому столкновению он предпочел переговоры. В результате Микаэль-Сухут согласно обычаю с камнем на шее в знак покорности пришел в шатер императора. Он был помилован и включен в войско центрального правительства. Иясу II благодаря этому получил прозвище Справедливого. Со временем Микаэль-Сухут занял столь высокое положение среди знати Гондара, что смог построить замок, не уступающий дворцовому комплексу. Еще сравнительно недавно там можно было увидеть золотые ванны, раковины и унитазы, которые обязательно показывали тем немногим, кто попадал во дворец. Это — память о последнем эфиопском императоре Хайле Селассие I, который превратил замок раса в свою гондарскую резиденцию.

Сегодня на территории, окружающей замок раса, таких редких посетителей, как мы, встречают сотрудники

местного отделения Министерства туризма, которое занимает сейчас и замок, и довольно скромное двухэтажное здание во дворе — хотя и сложное из местного камня, но ничем не напоминающее типичные старые сооружения. Именно здесь, как нам сказали сотрудники, останавливался Хайле Селассие I во время своих наездов в Гондар. О внутреннем убранстве, а тем более о сантехнике из золота, никто из работающих сейчас уже не помнит. А при режиме Менгисту Хайле Марияма местным властям это здание показалось очень подходящим, чтобы устроить в нем тюрьму.

Звездный час раса Микаэля наступил, когда в 1755 году погиб Иясу II, а Мынтуваб покинула политическую арену. Став гондарским наместником, он, используя опыт хитрого политика, сосредоточил в своих руках реальную власть в период новых междоусобий и активных выступлений ором. Джеймс Брюс, посетивший в те годы Эфиопию, характеризует расу как «правителя над королями».

В конечном итоге в 1770 году армия изгнала расу из столицы в его родной Аксум.

После этого еще сто лет Гондар номинально оставался столицей Эфиопии, но его лучшие славные годы были уже позади. В Гондаре не осталось и памятников этого столетия.

ДВОРЕЦ ИТЫГЕ МЫНТУВАБ

Из дворцового комплекса на царском холме видны на склоне противоположной горы — высокая круглая башня и стены в купе деревьев. Это знаменитый Дебре-Кускам, или Квескам-Марьям, монастырский и дворцовый комплекс, построенный в конце жизни Мынтуваб. Название его (что не редкость в Эфиопии) связано с библейским сюжетом о бегстве девы Марии, когда она останавливалась в Египте у горы Квесквямской неподалеку от Асьюта, где она с Христом нашла убежище, спасаясь от царя Ирода.

По замыслу создательницы, Дебре-Кусам должен был бы не уступать монастырю на озере Тана, прославившему ее сына. Рассказывают, что когда не хватило средств на строительство, итыге передала свои золотые и серебряные украшения, подаренные ей когда-то вождями оромо и сидам. В монастыре она собирала не только монахинь, но и молодых женщин, только что вышедших замуж, чтобы научить их домашнему хозяйству, гигиене, экономии.

Прежде чем отправиться в Квесквям-Марьям, мы заходим в маленькое кафе во дворе дворцового комплекса. Это легкая постройка в форме традиционного тукуля. Здесь

в жаркий день всегда можно выпить горячего чая и холодного пива или воды. Во время великого поста такой завтрак из чашечки чая или «буна» — черного крепкого кофе с печеньем да овощи — единственная пища. В жаркий день, при отсутствии холодильников, удивляет возможность выпить прохладные напитки. Но народная традиция мудра — издавна в деревнях крестьяне делали в углу земляного пола своего тукуля или хыдмо яму, которую заполняли мокрым песком. В этот песок зарывали глиняные кувшины с водой, большие — на 12 — 15 литров и маленькие — на 1,5 — 2 литра. Так вода сохранялась прохладной в течение нескольких дней. В нашем кафе над таким традиционным холодильником сделано еще круглое цементное помещение, куда на мокрый холодный песок укладывают бутылки с водой и пивом.

И вот мы идем мимо маленьких и довольно скудных импровизированных рынков, мимо «Бань Фасилидаса», мимо пустующего стадиона, медицинского городка с колледжем, общежитиями студентов, лабораториями и клиником, мимо лютеранской миссии «Мекане Йесус», средней школы, где шумные стайки ребят выбежали во двор между экзаменами, — покидаем город и начинаем нелегкий подъем в гору. То и дело нам пересекает дорогу овцы и коровы. Пастушки — детишки семидесяти лет с любопытством смотрят нам вслед. Небольшое стадо пасется на скудной травке между «Банями Фасилидаса» и стадионом.

Здесь почти нет растительности, желтоватые почвы не похожи ни на красноземы плоскогорья вокруг Аддис-Абебы, ни на жирную густо-коричневую землю кофейных зон гор Иллубабора и Каффы. Даже дождь, то накрапывающий, то льющий как из ведра, не может их увлажнить.

Нас обгоняют крестьяне, они возвращаются в родные деревни из города, где продавали зерно, кожи, керамические изделия. Идут целыми семьями, молчаливые и серьезные. Мужчины, и совсем юные, и старые, одеты в короткие шорты и рубахи того же неопределенного цвета — это сейчас обычная одежда крестьянина в этих краях. На плечи накинута традиционная накидка — шамма, или натела. Однако в отличие от Аддис-Абебы, где горожане носят тонкотканые белоснежные шаммы с искусной вышивкой по краям, здесь это грубая сероватая домотканая ткань. Головы открыты, на ногах — самодельные кожаные сандалии, с довольно своеобразным креплением — они держатся на двух средних пальцах ноги. Посохи крестьяне держат за плечами, положив руки на концы. Ими поль-

зуются лишь для того, чтобы погонять осликов, на них не опираются — путь в 15 — 20 километров по сухим высокогорным дорогам для эфиопских крестьян обычен. Здесь начинаешь понимать, почему именно эфиопские спортсмены — главные претенденты на золотые медали в марафоне.

Мужчины возглавляют шествие, за ними идут мелкой рысцой ослики, груженные купленным в городе товаром в кожаных и домотканых мешках. Мера многих товаров на рынках города, будь то дрова, уголь, зерно, вода, солома, даже строительный камень, — груз осла. По краям маленькой кавалькады идут мальчики, следящие за осликами, а за ними — женщины и девочки. Они все босиком. Одеты в свободные платья из грубой ткани домашней выделки, старенькие, но украшенные яркой и искусной традиционной вышивкой с преобладанием крестов. Вежливо и сдержанно поздоровавшись с нами, они обгоняют нас и спокойно идут дальше. В отличие от горожан, они не выказывают любопытства, увидев на пустынной дороге идущих пешком двух белых женщин, одна из которых к тому же светловолосая. Лишь замыкающая это шествие девочка лет двенадцати украдкой несколько раз оглядывается. Но ей это простительно — ведь она еще не замужем, хотя в ее возрасте деревенские девушки уже имеют семью. Она же пока носит девчончье прическу — ее головка выбрита, и оставлены только коротенькие волосы на макушке и от висков через затылок.

Впереди уже вырисовывается цель нашего похода — комплекс Квесквям-Марьям. Вот мы уже и у ворот. Останавливаемся передохнуть после нелегкого подъема. На противоположном холме живописно раскинулся Гондар. Отсюда он виден полностью — с доминирующим над городом дворцовым комплексом, минаретами мечетей, проглядывающими сквозь зелень крышами церквей, с чуть виднеющимся вдали монастырем Дебре Берхан Селассие. Голые сухие склоны гор с редкими рошицами деревьев, уходящие за горизонт линии вершин — величественная картина!

И вот перед нами — высокие стены из крепкого камня; массивные деревянные ворота, над которыми сооружена башенка на запоре. Но с нами наш постоянный гид — Асфату Гырма, перед которым открываются все ворота. Дряхлый дегтера, он же сторож, выпускает нас в большой внутренний двор. Рядом с ним — молодые люди, которые проходят здесь практику церковной службы. Здесь все дышит памятью веков. Мынтуваб построила копию великолепного комплекса Гондара. Что такое Кве-

сквам-Марьям? Это большая территория, обнесенная круглой стеной строгой кладки с 12 круглыми башнями, где в нижних этажах живут дебтера и старые одинокие священники. Башни лишь немного возвышаются над трехметровыми стенами. Выделяются угловая башня рядом с дворцом — ее высота около 15 метров, круглая, фаллической формы. Она смотрит прямо на Гондара и дорогу, соединяющую резиденцию Мынтуваб с городом, — издали будет замечено любое движение в сторону замка.

Эта удаленная от входа половина комплекса — собственно резиденция итыге. Она отделена от монастыря низкой внутренней стеной. Состояла она из дворца, помещений для слуг, сторожевой башни, домашней церкви. Эта церковь — круглая в плане, первая в эфиопской архитектуре сменившая стиль прямоугольных храмов. Во внутреннем дворе был великолепный сад с живописным прудом. Именно здесь произошли трагические события, приведшие к смерти Иясу II.

Никто не осмеливался сказать негусу, что после смерти Бакаффы его мать полюбила его двоюродного брата, получившего прозвище Мыльмыль (Избранник). Она даже родила несколько дочерей. Не зная этого, Иясу II влюбился в одну из них, свою сестру. Однажды, приехав неожиданно к матери, он застал ее с Мыльмылем. Потрясенный, он решил наказать того. Выйдя с Мыльмылем в сад, он приказал слугам спрятаться за кустами и, внезапно выскочив, утопить Избранника в пруду. Верные люди в точности исполнили приказание господина. Но это случайно видела сестра Мыльмыля. В стремлении отомстить за смерть брата она отравила негуса, подсыпав яд в вино.

Сейчас от сада осталось лишь не-

сколько деревьев-великанов, пруда не видно совсем, церковь и хозяйственные постройки в руинах. Только угловая башня и фасадная стена дворца дают возможность представить былое величие. Дворец уютный, двухэтажный, вытянутый в длину, более «домашний», чем замок в Гондаре. Он более изысканно украшен. К сожалению, сохранился лишь фасад и стены. Четыре двери и три окна богато декорированы темно-бордовым туфом. К окнам как бы примыкает маленькая каменная часовенка с тремя ступенями, боковыми колоннами, входной аркой, круглой крышей, увенчанной характерным крестом в круге, — все это вырезано из камня. Само оконное отверстие теряется в этом величии. Более скромно украшены дверные проемы. Из основного камня сделаны трехступенчатые притолоки с арочным покрытием, а по внешней стороне арки — украшения из туфа и узких кирпичей, уложенных ребром. Еще более необычно — фигуры из того же туфа на фасаде, горельефы: лев, всадник, слон, кресты в розетках.

Комплекс в нетронутым виде существовал до второй половины XIX века. Тогда в соседнем Судане вспыхнуло восстание Махди. Земли вокруг Гондара были захвачены, и все церкви и монастыри разграблены, сожжены, разрушены мусульманами. Не избежал общей участи и Квесквям-Марьям. Были разрушены и все строения во внутреннем дворе, и монастырские кельи, и церковь святой Марии за пределами дворцового комплекса. Однако здесь на старом фундаменте во время итальянской оккупации была восстановлена круглая церковь, в которую приносили из близлежащей округи. Но злоключения Квесквям-Марьям на этом не закончились — при налетах британской

авиации она была разрушена вторично. Весь комплекс так и не был восстановлен. Реставрационные работы, которые сейчас проводятся, имеют целью скорее консервацию, а не восстановление, на которое у страны, переживающей сложные времена, нет средств.

Церковь святой Марии еще раз была отстроена после изгнания итальянцев, и в 1971 году прошел последний ремонт. Строители постарались воссоздать облик старой церкви. Она стоит на трехступенчатом старом основании из крупных светлых каменных блоков. Круглые беленые стены сплошь прорезаны окнами с деревянными ставнями, между которыми устроены контрфорсы. Мы были здесь в апреле, незадолго до Пасхи, и из окон свешивались ветви пальм — близилось пальмовое воскресенье (ставшее на Руси Вербным). Круглая оцинкованная крыша увенчана традиционным двухконусным барабанчиком с колокольцами по широкому краю и равноконечным крестом в розетке на вершине. Внутреннее ее убранство очень скромно, нет ни роскошных фресок, ни яркой иконописи. На полу лежат старенькие циновки и вытертые коврики (это обязательная деталь монофиситской эфиопской христианской церкви, где при входе полагается снимать обувь).

В этой скромной, даже бедноватой церкви — уникальные рукописные старые книги. В них даже можно увидеть своеобразные нотные знаки для церковного пения. Ими и сегодня пользуются в ежедневных службах.

Когда мы выходили из храма, подъехали маленький автобусик и «лендровер». Это появились в Гондаре первые иностранные туристы...

Г о н д а р — А д д и с - А б е б а

Коммерческие объявления

Высылаем наложенным платежом карты областей, городов, географическую литературу. Помогаем в выборе маршрутов путешествий, объединению по интересам.

109544, Москва, д/в, Сахарову А. Г.

«НАВАРИНСКОГО ДЫМУ С ПЛАМЕНЕМ»

Тот, кто внимательно читал «Мертвые души», наверняка вспомнит, что такого необычного, «романтического» цвета сукуно предложил Павлу Ивановичу Чичикову для нового фрака купец в губернском городе NN: «Отличный цвет! Сукуно наваринского дыму с пламенем».

В 40-х годах прошлого века память о дыме и пламени наваринского сражения была еще столь жива, что Гоголь не счел нужным дать примечание к такому определению цвета. А сейчас разве что историки и военные моряки знают о морском сражении в Наваринской бухте Ионического моря 8/20 октября 1827 года, когда объединенные силы русской, английской и французской эскадр сожгли турецко-египетский флот. В память об этой победе имя «Наварин» было присвоено эскадренному броненосцу русского флота, погибшему в Цусимском бою.

Правда, кроме историков и военных моряков, Наварин вспомнят и любители петербургских окрестностей. В царскосельском парке на Чесменской колонне среди прочего написано: «Крепость Наварин сдалась бригадиру Ганнибалу». Этой надписью гордился Пушкин — сей «наваринский Ганнибал», Иван Абрамович, один из сыновей «арапа Петра Великого», приобщился двоюродным дедом поэту. Но эта надпись относится к другому, более раннему сражению. В начале 1770 года Екатерина II послала в греческий архипелаг эскадру под начальством Федора Орлова. А в апреле того же года отряд из трех кораблей под командованием Ивана Ганнибала подошел к Наваринской бухте, высадил десант и после шестидневной осады с моря и суши принудил к сдаче крепость, охранявшую вход в бухту.

...После всего сказанного становится понятным волнение, которое испытывали мы, участники экспедиции на научно-исследовательском судне «Витязь» Института океанологии имени П.П.Ширшова, узнав о возможности побывать в знаменитой Наваринской бухте. В порту Пилос, что стоит на берегу бухты, мы должны будем взять на борт греческих участников экспедиции, чтобы вместе с ними вести работу в глубоководном желобе Ионического моря.

В свой двадцать второй рейс «Витязь» вышел 28 июня 1991 года из Новороссийска. Мы прошли Черное, Мраморное и Эгейское моря, обогнули с юга полуостров Пелопоннес,

вошли в Ионическое море и, неся по морским правилам на грот-мачте греческий флаг, днем 6 июня входили в бухту Наварин (греки называют ее Наварино). Бухта имеет форму почти правильного полукруга, который, словно диаметром, отсекается со стороны моря вытянутым островом Сфактерия, оставляющим два узких прохода со стороны своих северной и южной оконечностей. Именно этот остров в 425 году до н.э. во время Пелопоннесской войны Афин и Спарты захватил афинский стратег Демосфен, разгромив гарнизон спартанцев и впервые в истории Греции взяв в плен голплитов — воинов спартанской «гвардии».

С юга от Сфактерии как бы откалываются три малых острова, прикрывая вход в Наваринскую бухту. Самый крупный из них — Пилос, турецкое название которого, употребляемое до сих пор, — Цихли-баба имеет живописную особенность: морские ворота из бухты в открытое море. Ворота хотя и сквозные, но непроходимые для судов. Эти ворота стремятся запечатлеть на фото, наверное, все, кто входит с моря в бухту. На вершине острова виден памятник, установленный в конце прошлого века: «Франция — своим сынам, матросам и солдатам, погибшим за свободу Греции. Морское сражение в Наварино, 20 октября 1827-го — сухопутные сражения на Пелопоннесе 1828–1830». На бронзовой пластине, укрепленной внизу памятника, — имя адмирала Дериньи, командовавшего французской эскадрой, и названия ее шести кораблей.

Войдя в Наваринскую бухту, невольно представляешь, как в такой же солнечный день более чем полтора века назад, стояли на якорях полукругом друг против друга парусные корабли враждующих эскадр...

Вход в бухту со стороны Пелопоннеса охраняет старинная крепость, хорошо сохранившаяся до сих пор. Она была построена турками в 1573 году и перестроена венецианцами в пору своего владычества век с небольшим спустя. Именно эта крепость, называемая Неокастро («Новая крепость») в отличие от старой, Палайокастро, на берегу северного прохода в Наваринскую бухту, который был засыпан турками в 1571 году и стал непроходимым для крупных судов, «сдалась бригадиру Ганнибалу». Тогда, в мае 1770 года, свою победу русские отпраздновали в церкви, сохранившейся внутри крепости и действующей до

сих пор. Интересно, что церковь была построена в конце XVII века венецианцами как католический храм Христа Спасителя, турками преобразована в мечеть и в конце концов стала православной церковью Преображения Господня. Церковь с черепичным византийским куполом и звонницей, похожей на наши псковские, хорошо видна с моря над стенами крепости. Со стороны города к ним вплотную подходит сосновый лес, посаженный вскоре после второй мировой войны. Позже, уже находясь в городе, мы как-то проходили через этот лес жарким полднем и буквально были оглушены стрекотанием цикад.

Городок Пилос окружен горами, самая большая из которых — Святого Николая. Аккуратные белые домики с красными черепичными крышами словно сбегают с горы к морю, уже спокойно выстраиваясь на набережной рядами магазинов, ресторанов, кафе.

Поражает чистота и голубой цвет воды в бухте. Во внутренней гавани, заполненной рыбацкими ботами, яхтами, моторными лодками, в прозрачной воде ходят косяки крупной кефали. В открытых рестораниках, расположенных у самой воды, вам предложат стаканчик греческой анисовой водки «узо», вкуснейшее «морское ассорти» и, конечно, маленькую чашечку крепчайшего кофе, который мы сочли бы приговоренным потурецки, а здесь он называется, разумеется, «греческим кофе». Люди, сидя за столиками, лениво наблюдают за рыбаками, изредка бросая им кусочки хлеба. Здесь же стоит несколько вездесущих удильщиков. Не по-современному тихо, спокойно, и кажется, что ты находишься в гриновском Лиссе или Зурбагане...

Пилос, «прекрасный мессинийский (Мессиния — область южной Греции. — В.Л.) городок, живописнейший и значительнейший в истории Греции», как он охарактеризован в путеводителе афинского издательства Димитриоса Пападимаса, невелик. Он насчитывает около трех тысяч жителей. Живет туризмом, рыболовством, сельским хозяйством да поставками продуктов и воды на проходящие суда. Не забывает о своем славном прошлом. Ежегодный праздник, отмечаемый 20 октября, — годовщина Наваринского сражения. Кроме того, две первые недели августа отводятся для культурной программы «Наварина», а в сентябре устраивается традиционная

ярмарка. Радостно и достойно живут люди в этом благословенном городке.

... Как только выдалось свободное время, мы тотчас решили посетить памятник русским морякам на острове Сфактерия, о котором узнали из путеводаителя. Без труда получили разрешение портовых властей на спуск катера и одновременно совет: не забыть поднять кормовой государственный флаг, чтобы местные перевозчики не приняли нас за новоявленных конкурентов.

Итак, развездной катер с «Витязя» спущен, кормовой флаг поднят, все участники поездки во главе с капитаном на борту. Нас сопровождает профессор Афинского университета Павлос Иоаннос, наш коллега по экспедиции, выпускник Ленинградского университета, сын греческого политэмигранта, долгое время живший и работавший в Союзе. Пересекаем Наваринскую бухту, держа курс на Сфактерию и отыскивая указанные нам в порту ориентиры.

Берега острова, протянувшегося на четыре километра, скалисты и отвесно обрываются в море. Остров изобилует памятными знаками. Большой частью это памятники погибшим во время освободительной войны 1821 — 1828 годов, в том числе обелиск на могиле Поля Бонапарта, племянника Наполеона, студента из Болоньи, ставшего кадетом-добровольцем на фрегате «Эллада» и погибшего в 1827 году. Наконец причаливаем к небольшой бетонной пристани. От нее наверх уходит мощенная камнем дорога, обсаженная высокими эвкалиптами. Вокруг ни души.

И вот открылась небольшая площадка. На ней стоит маленькая беленая известью церковь Вознесения. Построенная в эпоху турецкого владычества, она не похожа на обычные православные церкви. Турки не разрешали никаких декоративных элементов снаружи, и только небольшой крест над входом говорит о назначении строения. В истории церкви, называемой также Панагула, есть один трагический эпизод. В 1825 году греческие повстанцы, окруженные турками, взорвали вместе с собой пороховой склад, устроенный в церкви.

Вместо замка — веревочный конец, связывающий дверные створки. Внутри — все, что есть в любой православной церкви: алтарь с царскими вратами, иконы, стенные росписи, паникадила. Тут же короб с денежными пожертвованиями от тех, кому случается сюда забрести. И подумалось, что именно здесь, где каждый год 29 октября происходит богослужение, следовало бы установить памятную доску с именами погибших при Наварине русских моряков...

Неподалеку от церкви расположен обсаженный густой стеной кипарисов памятник. Солнце исчезает, как только входящие в их тень за невысокую ограду. Горизонтальная мраморная плита и вертикальная стела, завершающаяся символическим светильником. На плите надпись по-русски: «Па-

Памятник трем адмиралам русской, французской и английской эскадр, принимавших участие в Наваринском сражении. Памятник расположен на главной площади острова Пилос.

мяти павших в Наваринском сражении 8/20 октября 1827 и погребенных поблизости. Поставлен в 1872 г. Начальником отряда СЕВ (свиты Его величества.— В.Л.) контр-адмиралом И.Бутаковым, командиром, офицерами и командой клипера «Жемчуг». На стеле, воздвигнутой в 1960 году,— якорь, герб СССР и надпись в честь русских моряков, героически погибших в Наваринском сражении.

Поражает конец надписи: «От советского посольства». Трудно поверить, что в 1960 году работники посольства на свои средства купили мраморный монолит, заказали скульптору эскиз стелы и оплатили ее изготовление, доставку и установку. А тогда при чем тут «от советского посольства»?

Мы положили цветы, укрепили вымпел «Витязя», постояли в молчании на этом памятном месте. Подумалось с горечью, что всю нашу историю мы кого-то освобождали, расплачиваясь за это русскими жизнями, не сумев освободить лишь самих себя...

Возвращаясь на судно, мы специально прошли вдоль острова в надежде отыскать следы пребывания

соотечественников, отмеченные в путеводителе как «Русские надписи». «Это — имена русских матросов, время от времени посещавших Пилос, чтобы почтить память русских, погибших в Наваринском сражении», — сказано в путеводителе. Вполне понятно, что после такого пояснения мы ожидали увидеть традиционное «Здесь были...». Но нет, неподалеку от пристани на высоте человеческого роста, видна всего одна надпись, сделанная краской: «Черноморец». Эта же надпись, хуже сохранившаяся, повторена на гладкой отвесной скале. Было похоже, что это — название корабля, увековеченное таким образом его командой. (На острове Мадейра я увидел скалу, на которой сверху донизу написаны названия кораблей, заходивших в порт Фуншал.)

Предположение подтвердилось: в Центральном архиве ВМФ в Санкт-Петербурге я разыскал доказательства, что эти надписи — следы пребывания канонерской лодки Черноморского флота «Черноморец», заходившей в Пилос дважды: в декабре 1889 года, для осмотра состояния памятника, и в апреле 1890-го для его ремонта.

Итак, русские для памятника соотечественникам выбрали остров Сфактерия, где есть православная церковь. Французы установили памятник на вершине острова Пилос, откуда он хорошо виден всем судам, входящим в бухту Наварин. Памятник третьим участникам соединенной эскадры — англичанам — также установлен на острове. Точнее — на островке длиной всего около двухсот метров с милым названием Черепашка, по-русски, и Хелонаки — по-гречески. Мы причалили на нашем катере к этому островку, лежащему в северной части бухты и впрямь похожему на выступающий из воды панцирь черепахи. На площадке, заросшей голубыми шарообразными цветами дикого лука, рядом с сосновой рощей стоит приваленный к большому дикому камню беломраморный памятник. На бронзовой пластине, позеленевшей от времени, надпись: «Британским офицерам и матросам, павшим при Наварине 20 октября 1827 года. Благодарная Греция». И ниже — названия 12 кораблей английской эскадры адмирала Кодрингтона.

Редко кто посещает эти три наваринских памятника — до островов добраться просто и уж, во всяком случае, недешево, если нанять лодку в Пилосе. Но зато четвертый памятник, связанный с Наварином, находится в самом центре города на площади того же названия. Это памятник трем адмиралам, он стоит в окружении старинных якорей и бронзовых корабельных пушек. На каждой из трех граней беломраморного обелиска — барельеф английского, французского и русского адмирала. Надписи предельно кратки: Кодрингтон, Дериньи, Гейден. И под каждой «Благодарная Греция. 1827 — 1927».

Последний — контр-адмирал Логин Петрович Гейден (1772-1850), голландец по происхождению, командовавший эскадрой кораблей Балтийского флота, направленной в Ионическое море. В Наваринском сражении участвовало восемь русских кораблей: линейные корабли «Азов», «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский»; фрегаты: «Проворный», «Констан-

тин», «Елена», «Кастор»; девятый корабль эскадры — корвет «Гремящий» — был отряжен для крейсерования при входе в бухту.

Место, где установлен памятник, — небольшая площадь на главном городском бульваре, начинающемся неподалеку от набережной. Достопримечательность бульвара — столетний платан, имеющий даже свое имя: «Платан Ликудиса» — в честь майора, посадившего дерево и ухаживавшего за ним. Воистину человек, посадивший дерево, не зря жил на свете! И днем, и особенно вечером, вплоть до глубокой ночи под платаном много народа. Здесь стоят столики ресторана, находящегося неподалеку. Теплым летним вечером в ветвях платана, заботливо укрепленных тросами, загораются лампочки. Подсвечивается и памятник трем адмиралам, освещаются витрины, загораются вывески. Такое впечатление, что здесь собрался весь город. Здесь же играют дети, катаются на велосипедах вокруг мраморных адмиралов, весело едят мороженое, пока их родители спокойно сидят за столиками. И даже подростки, модно одетые и стриженные «под панков», собравшись группами, спокойно разговаривают между собой, не мешая окружающим. Сидишь за столиком с чашкой «греческого» кофе, принесенного симпатичным молодым официантом Василием, смотришь на все окружающее и боишься лишь того, что сейчас произойдет...

Мы покидали гостеприимный Пилос июльским вечером. Тепло вспоминали прием, устроенный экипажу «Витязя» мэром Иоанносом Вреттакосом, организованную для нас поездку в древнюю Олимпию, встречи с жителями Пилоса на борту нашего судна. Нам оставалась работа на последнем полигоне, после чего нас ждал Пирей — «корабельщик старых Афин», как когда-то его назвал Гумилев. Там мы должны были попрощаться с греческими участниками экспедиции и следовать на Родину, в порт приписки «Витязя» — Новороссийск.

А пока на ярко освещенной набережной Пилоса стоят люди, машут нам руками, мы отвечаем им, с грустью глядя на место, такое далекое от России и в то же время столь близкое ей памятью Наваринского сражения. «Сражение хотя и продолжалось около четырех часов, с величайшим упорством со стороны турок, докладывал адмирал Гейден императору Николаю I, но при всем том кончилось совершенным истреблением всех... неприятельских кораблей, фрегатов, корветов и проч., потоплением и, большею частью, сожжением и, наконец, взрывом на воздух»... Наваринский дым с пламенем. Русская воинская доблесть. Достояние нашей истории.

П и л о с
P.S. Совсем недавно на средства Морского историко-культурного общества «Петрофлот» была изготовлена памятная доска с найденными в Центральном государственном архиве ВМФ именами русских моряков, погибших в Наваринском сражении. 24 октября 1992 года она была освящена в церкви Казанской Божьей Матери в Коломенском и передана посольству Греции для установки в Пилосе.

ЭСПЕРАНТО — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК

Эсперанто — международный язык, существующий уже более ста лет. Миллионы жителей планеты переписываются и путешествуют с помощью эсперанто. Язык эсперанто поможет Вам в изучении иностранных языков и лучшем понимании родного языка. Интернациональная лексика и грамматика, не знающая исключений из правил, позволяют за 30–40 часов занятий овладеть эсперанто настолько, чтобы можно было читать, писать и говорить на этом языке.

Если Вас заинтересовал язык ЭСПЕРАНТО — пишите на наши заочные курсы: 620041, Екатеринбург, а/я.132, «Заочные курсы эсперанто».

Мы не только научим Вас эсперанто, но и поможем установить контакты с зарубежными эсперантистами, в подписке на эсперантские газеты и журналы, в приобретении литературы на эсперанто.

В марте начинается подписка на второе полугодие 1993 года

Читателя «Вокруг света» ждет знакомство с романом ИЗВЕСТНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ ПЬЕРА БУЛЯ «Энергия отчаяния» — о бесчеловечных опытах профессора Трувера в больнице над детьми, предрасположенными к паранормальному поведению, и его попытках превратить энергию разума в электрическую.

Будут опубликованы наиболее интересные главы из уже обещанного нами романа Ж.БОРДОНОВА «Вильгельм Завоеватель». Редакция продолжает переговоры об издании супербоевика Э.ван ЛУСТБАДЕРА «Ниндзя» (перевод уже в портфеле отдела литературы), а также остросюжетного романа ДЖ.КЛАВЕЛЛА «Король Крыс», не менее увлекательного и захватывающего, чем напечатанный в 1992 году «Папийон».

Будут продолжены рубрики «АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО РАССКАЗА» и «АНТОЛОГИЯ МИСТИЧЕСКОГО РАССКАЗА».

Кроме того, вы побываете с экспедициями в Антарктиде и на Аляске, в Индийском океане и на мысе Горн, в Альпах и на Памире, в джунглях Вьетнама и пустынях Африки. Пройдете с исследователями, реконструирующими маршруты Ибн Баттуты и Коронадо. Вместе с Салимом ибн Абакари совершите путешествие в Россию конца прошлого века. Из уст Ф.Притти, сподвижника знаменитого мореплавателя Френсиса Дрейка, узнаете о кругосветном плавании 1577 — 1580 годов.

В рубрике «СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ» будет продолжен рассказ о семье и ее традициях, на этот раз у тибетцев, монголов и жителей острова Борнео. В разделе «Дело вкуса» вы узнаете не только о том, как едят разные народы, но и о том, как они одеваются.

БЫЛ ЛИ КОЛУМБ ПЕРВЫМ из европейцев, открывшим Америку? Французский исследователь Ж.де Майе доказывает, что задолго до генуэзца плавания в Америку — за слитками серебра — совершали тамплиеры.

Только сейчас, в век аэрофотосъемки, удалось открыть, что план пекинского императорского парка Цинхай — не что иное, как ГИГАНТСКИЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА. Но кто он?

Французский историк А.Деко продолжает свое повествование о ТАЙНАХ ЖИЗНИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ.

«ПОДЗЕМНЫЙ ХОД В КРЕМЛЬ» — продолжение документальной повести М.Коршунова и В.Тереховой, рассказывающей о знаменитом московском Доме на набережной, о подземном ходе времен Малюты Скуратова, который ищут его герои.

Будет продолжена публикация рассказов из классического труда криптозоолога Б.Эйвельманса «СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ».

«ХОЖДЕНИЕ ПО ОГНЮ» — главы из книги Ларисы Виленской и Джоан Стеффи. Новый взгляд на старую загадку «огнеходцев».

«ЧЕЛОВЕК ПРОХОДИТ СКВОЗЬ СТЕНУ» — отрывки из биографической повести У.Грэшема, посвященной знаменитому американскому иллюзионисту Гарри Гудини.

Продолжение публикаций И.Винокурова и Г.Гуртового из книги «ПСИХОТРОННАЯ ВОЙНА»

Со следующего номера журнал начинает публикацию серии материалов В.СУПРУНЕНКО «Сам себе Робинзон» — о том, как выжить в наших непростых условиях, как сохранить продукты и вещи, используя опыт разных племен и народов.

Каталожная цена одного номера журнала — 150 руб. плюс стоимость доставки, которая устанавливается местным отделением связи.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету _____ журнал **70142**
(индекс издания)

Вокруг света
(наименование издания)

Количество комплектов: _____

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ кв-тер _____ на газету _____ журнал **70142**
(индекс издания)

Вокруг света
(наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб.	коп.	Количество комплектов: _____
	пере-адресовки	_____ руб.	коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

СТОЯНКА СОВРЕМЕННОГО УЧЕНОГО

Археология, как и родная ей история, почти не знает опыта как метода исследований. Но в отличие от истории эксперимент здесь все-таки возможен.

Первые «закопки» были сделаны в 1960 году в меловых почвах низины Овертон-Даун в графстве Уилтшир (Англия), а тремя годами позже — в песчанниках среди можжевельников зарослей Уэйрем-Хит, что в графстве Дорсет. Решено было вскрывать эти «захоронения» с определенными интервалами времени.

И вот прошло тридцать два года. Выступая на конференции Британской ассоциации развития науки, археолог Мартин Болл из университетского колледжа святого Давида в Лампетере изложил результаты только что завершившихся раскопок «стоянки современного ученого». Оказалось, что все захороненное в Овертон-Дауне на удивление хорошо сохранилось. Особенно — ткани и кожаные изделия. Дерево же разлагалось гораздо быстрее. Причем, дуб пострадал больше, чем лещина.

Четкие слои осадочных пород, различимые в стенке раскопа, в которых зимние крупнозернистые отложения чередуются с летними, мелкими, подтверждают: датировать находки по ним можно с высокой степенью надежности.

Важно еще одно обстоятельство. Когда это начинание затевалось, методика датирования ископаемых организмов по дезоксирибонуклеиновым кислотам, содержащимся в их костях, не была известна. И микроморфологическим способом исследования почв ученые еще не овладели. Однако те, кто разрабатывал проект «захоронений», столь тщательно регистрировали все особенности своего подхода, что теперь возникла возможность детального сопоставления и взаимной проверки методик, чем до сих пор археология похвастаться не могла.

Интересно, каков будет результат раскопок через 64 года или 128 лет?

РАССКАЗЫВАЕТ ЛЕД

12 июля 1992 года в лагере Саммит на вершине Гренландского оледенения бурьльщики достигли ложа ледника. Это событие увенчало успехом трехлетнюю работу гляциологов и техников из нескольких европейских стран.

Глубина скважины к моменту окончания бурения составила 3028 метров. Отложившиеся в этом слое осадки выпадали примерно 200 тысяч лет назад. Изучение ледяного керна позволит судить о климатических условиях, существовавших в ту отдаленную эпоху. Изотопный состав льда даст возможность установить тогдашние температуры воздуха, а химический анализ — особенности атмосферной циркуляции, уровень вулканической активности и состав воздуха, в том числе содержание в нем газов, вызывающих «парниковый эффект».

Все это, в свою очередь, поможет ученым прогнозировать предстоящие глобальные изменения климата, в том числе и вызываемые деятельностью человека.

Полученный ледяной керн помещен в холодное хранилище в Копенгагене, где его будут изучать участники эксперимента.

КОМЕТА-ОБОРОТЕНЬ

В 1979 году был открыт астероид 4015. С тех пор эту малую планету, диаметр которой около пяти километров, удалось наблюдать лишь трижды: в 1988, 1989 и 1992 годах.

Недавно астроном Эдвард Боуэлл из Лоуэлловской обсерватории в штате Аризона решил просмотреть старые фотопластины, полученные в 1949 году во время большой съемки неба. Ему повезло: на снимке, сделанном 19 ноября, он обнаружил изображение явно того же объекта. Того же, да не совсем. Небесное тело, зафиксированное там, обладало... хвостом, которого астероиду, как известно, иметь не полагается.

Хвостатыми бывают лишь кометы, и в 1949 году этот объект получил имя своих первооткрывателей — комета Уилсона — Харрингтона. Но и тогда дело выглядело подозрительно: астроном Л. Каннингем заметил, что на снимках, сделанных между 20 и 25 ноября 1949 года, хвоста у кометы не было!

Затем эту комету потеряли из виду на целых три десятилетия. А когда открыли «новый» астероид, никто не заметил поначалу, что это та же комета...

Эти события подтверждают предположение многих астрономов о том, что среди близких к Земле астероидов немало таких, которые на самом деле являются выгоревшими кометами. Когда они раз за разом проходят по внутренней области Солнечной системы, светило усиливает испарение слагающего это тело льда и пары образуют характерный для комет хвост. Постепенно материала для возникновения хвоста становится все меньше...

Астероид 4015 предъявил астрономам свой хвост лишь однажды. По видимому, это малоактивная комета, вспышки испарения на которой редки. Чем удивит астрономов этот незаурядный небесный объект в следующий раз?

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен отпечаток кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется отпечаток календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Джером БИКСБИ, Джо ДИН,
американские писатели

ПО-БРАТСКИ

Рассказ

Рис. Л. ШВЕЦОВА

Они лежали пластом на дне спасательной шлюпки. Над ними вздымалась изъеденная ржавчиной, обросшая моллюсками и водорослями корма парохода «Лючиано» — два дня назад он вышел из Палермо, а теперь, задрав кверху корму, готовился к своему последнему рейсу — на дно. Туча черного маслянистого дыма, вырывавшегося из открытых иллюминаторов и надстройки, окружала его. Крейг успел разглядеть винты, которые все еще медленно вращались, и какую-то женщину, взывавшую о помощи с несуразно накренившегося юта. Затем ветер переменялся, и непроглядная дымная завеса опустилась на шлюпку, закрыв и небо, и тонущее судно. Вода вступила в схватку с огнем. Огонь ревел, вода шипела. Пятна выливающегося горячего пылали в дыму — казалось, на волнах пляшут огненные демоны.

Стеная, сотрясаясь и горестно сетуя на судьбу, судно ушло в пучину.

Небо и дым слились в сумасшедшую круговерть, когда шлюпка завертелась в пенящейся воронке, словно охваченная самоубийственным желанием последовать на дно за «Лючиано». Взлетел фонтан брызг; волны поднялись и

опали; лодка черпнула воду, и Крейг, надеясь вытеснить ужас яростью, громко выругался. Хоффманстааль, глядя на собрата по несчастью, лишь кисло усмехнулся...

Наконец лодка выправилась. Ее еще кидало во все стороны, раскачивало, бессмысленно носило среди белых пенных гребней; но Крейг знал, что самое опасное уже позади. Он приподнялся из лужи, собравшейся на дне шлюпки, и подставил лицо свежему ветру.

От центра круговорота огромных лопающихся пузырей, отмечавших место гибели судна, медленно расплывались маслянистая пленка и какая-то бурая пена.

Постепенно море затихло. Чайка спланировала на вынырнувший из бездны ящик с апельсинами.

— Ну, вот, — сказал Крейг. — Вот и все.

Хоффманстааль стянул рубашку и выжал ее над бортом лодки. В солнечных лучах густая поросль у него на груди и под мышками отсвечивала золотом. Чуть ниже левого глаза сочилась свежая ранка, лоб был измазан машинным маслом.

— Вы были членом команды? — спросил он.

— Да.

— Не матрос, конечно. Для матроса вы жидковаты.

— Штурман.

Хоффманстааль хмыкнул — звук получился глубокий, горающий о мощных, больших легких.

— Ну, стало быть, вам и карты в руки. Как будем выбираться отсюда?

— Тут и делать нечего. Мы сейчас на оживленном морском пути. Думаю, нас скоро выловят...

— Как скоро?

— Не представляю. Я даже не знаю, успели ли мы подать сигнал SOS. Все произошло чересчур быстро.

Крэйг вздохнул и перевернулся на спину.

— Скорее всего, не успели,— продолжил он.— Первыми взорвались баки под самой рубкой. Интересно бы знать, кто там курил...

— Ага. Значит, в конце концов нас подберут. А до тех пор придется попоститься?

Крэйг устало встал.

— Вы недооцениваете Торговый флот.

Он прошлепал на корму и распахнул рундук с НЗ под банкой. В рундуке были манерки с водой, жестянки с галетами и солониной, банки с соком, аптечка.

— Более чем достаточно для двоих,— прокомментировал Крэйг. Он повернулся, оглядывая волны.— Как вы думаете, еще кто-нибудь спасся?..

Хоффманстааль покачал головой.

— Я все время смотрел. Никого. Всех утянуло с кораблем...

Крэйг все-таки продолжал всматриваться в дым — колышущаяся вода в масляных пятнах, обломки, последние издающие языки бензинового пламени. Больше ничего.

Хоффманстааль заметил:

— По крайней мере, голодать нам не придется. У вас были друзья... на корабле?

— Нет,— Крэйг сел, отвел со лба мокрые волосы.— А у вас?

— У меня? Никого. Я пережил всех моих друзей. Теперь довольствуюсь тем, что я — просто... человек толпы. Легкая компания для вина и беседы — это все, что мне нужно.

Они сидели, разделенные банкой, словно пытаясь хоть как-то уединиться, и рассказывали друг другу о себе. Хоффманстааль сам определял себя как искателя приключений. Никакое место не могло удержать его надолго, и он почти никогда не возвращался в те края, где уже бывал. Он был секретарем бывшего посла США в Малайзии, на Борнео занимался драгоценными камнями, а в Китае — тиковым деревом; несколько его картин выставилось в парижской Галерее искусств. А на «Лючиано» он направлялся в Дамаск, чтобы изучить некие старинные манускрипты — надеялся найти там сведения об одном из своих предков.

— Я родился в Брашове,— рассказывал он,— но согласно семейным преданиям наш род происходит из других мест. Можете считать мое копание в родословной снобизмом, но это увлечение захватило меня на долгие годы. Я ищу не славы, но одних лишь фактов.

— При чем тут снобизм? — возразил Крэйг.— Я лично завидую вашему красочному прошлому.

— Значит, у вас скучная жизнь?

— Да нет, не скучная, просто... краски в ней побледнее. Вырос в закоулках Атланты. В трущобах. Тяжелое детство, и все такое. Хулиганы...

— Вы-то были слишком хилым, чтобы быть хулиганом.

Крэйг кивнул, удивляясь, почему его не возмущает это вторичное замечание о его тшедушности. Пожалуй, решил он, это потому, что ему нравится этот огромный человек. Хоффманстааль не грубил — просто он говорил то, что думал.

— Я много читал,— продолжил Крэйг.— Интерес к астрономии помог мне выучиться штурманскому делу, когда я служил во флоте. А когда отслужил, решил: чем возвращаться в трущобы, останусь на море.

Они продолжали беседовать негромко и откровенно до самой ночи. Над ними все время кружили чайки.

— Красивые, правда? — спросил Крэйг. Хоффманстааль взглянул вверх, его светлые глаза сузились.

— Стервятники. Пожиратели отбросов. Посмотрите на эти злые глаза, на эти клювы... Брр!

Крэйг пожал плечами.

— Давайте лучше поедим. И между прочим, вам бы следовало заняться своим порезом...

Хоффманстааль покачал массивной головой.

— Если вы проголодались, ешьте. Я пока не хочу.

Он осторожно слизнул сползавшую по его щеке капельку крови.

Они считали дни по зарубкам на планшире. Две зарубки спустя Крэйг впервые заметил неладное.

Они уговорились о распределении продуктов. Впрочем, о пайках речи не было — для двоих еды было с избытком.

Но Крэйг ни разу не видел, чтобы Хоффманстааль ел.

Хоффманстааль, рассуждал Крэйг, человек большой, рослый. Его аппетит, несомненно, должен соответствовать размерам могучего тела.

— Предпочитаю есть ночью,— отвечал тот, когда Крэйг спросил его об этом.

Крэйг не обратил на странный ответ особого внимания. Возможно, решил он, этот здоровяк страдает расстройством пищеварения или чем-то в этом роде или же принадлежит к тем несчастным, которые по причинам чисто психологического порядка не могут есть на глазах у других. Это последнее предположение, правда, было не особенно правдоподобным, принимая во внимание открытый характер Хоффманстааля и настоящие обстоятельства. Но, в конце концов, какое его дело? Пусть ест, стоя на голове, если хочет!

На следующее утро, когда Крэйг открыл рундук, чтобы взять свою порцию, он увидел, что запас провизии не уменьшился.

И на другой день — то же самое.

Еще одна зарубка. Уже пять дней. Крэйга беспокоила одна странность: он питался хорошо, но все глубже погружался в странную апатию, словно бы терял силы от голода.

Поскольку еды было больше, чем достаточно, он старался есть больше, чем ему хотелось. Это не помогло.

Хоффманстааль же встречал каждое утро бодрим и в хорошем настроении.

У обоих уже отросли порядочные бороды. Крэйг свою ругал — из-за нее у него зудела шея. Хоффманстааль свою бороду холил, расчесывал пятерней и даже пытался завить усы при помощи большого и указательного пальцев.

Крэйг лежал на полу шлюпки и наблюдал за этим полезным занятием.

— Хоффманстааль,— проговорил он,— вы ведь не экономите продукты ради меня? Совершенно незачем вам голодать, я же говорил...

— Нет, друг мой. Признаться, я никогда еще не питался так хорошо.

— Да вы же почти ничего не тронули!

— А,— Хоффманстааль потянулся, напряг могучие мышцы и расслабился.— Это все бездельность. Я не голоден, не беспокоюсь...

Еще зарубка. Крэйг не переставал удивляться. День ото дня, час от часу слабел и становился все апатичнее. Он валялся на носу шлюпки, расслабившись в теплых лучах солнца, глаза подернуты дымкой, тело как тряпка. Время от времени он опускал руку в прохладную воду за бортом; но появление в волнах отвратительных треугольных акульих плавников положило конец такому времяпровождению.

— Они, как все в природе, эти акулы,— заметил Хоффманстааль.— Терзают, и убивают, и ничего не дают взамен той пищи, которую берут так грубо и жестоко. Им нечего предложить, разве что собственное тело, которое, в свою очередь, будет сожрано другими существами. И так далее, цепь продолжится. Этот мир — местечко не из самых приятных, мой друг. Он жесток...

— Разве человек сильно от них отличается?

— Человек хуже. Хуже всех...

Седьмая зарубка. Крэйг все слабел. И теперь он был совершенно уверен, что Хоффманстааль вообще ничего не ест.

Только когда на планшире выстроились в ряд уже девять зарубок, Крэйг обнаружил, что Хоффманстааль все-таки ест.

Была ночь, и волнение было немного сильнее обычного. Шлепки волн в борта шлюпки разбудили Крэйга, хотя в последнее время он спал очень глубоким, похожим на трансном. Он ощутил какое-то недоброе, давящее присутствие.

Крэйг пошевелился и почувствовал, что это чувство исчезло. Сквозь ресницы он увидел на фоне усеянного яркими звездами неба силуэт Хоффманстааля.

— Вы кричали во сне, мой друг. Вас беспокоят кошмары? — Голос был встревоженным, заботливым.

— Горло... горло болит... горит... я...

— Это морской воздух. Соль в воздухе... Не тревожьтесь, к утру вы поправитесь.

Лицо Крэйга было точно гипсовая маска — ничего не чувствовало. Губы не слушались.

— Мне кажется... по-моему, я — умираю...

— Нет! Ты не умираешь! Ты не можешь умереть! Если ты умрешь — умру и я!

Крэйг размышлял над этими словами. Лодка колыбалась на волнах, и это укачивало, успокаивало его. Ночь была прохладной, но он не мерз. Он был слаб, но спокоен; ему было страшно, но и как-то непонятно покойно и хорошо. Голова откинута, дышится легко. Он вдруг увидел, как прекрасно небо.

Созвездие Персея скользило к западному горизонту, и Крэйг почти бессознательно отметил, что переменная звезда Алголь находится в стадии максимальной яркости. Он блуждал взглядом по небу, называя про себя созвездия. Рыбы уже были не видны. Рыбы... За бортом плеснула вода. Акула? Кровожадные твари. Акула...

Дракула.

Слово застряло в сознании. Оно словно бы поворачивалось там, пока подсознание исследовало его.

Затем оно вернулось в сознательную часть разума — резко, как удар.

Теперь он знал.

Он приподнялся на локтях (они плохо держали вес его тела).

— Хоффманстааль,— сказал он,— вы ведь вампир, правда?

В темноте прозвучал глубокий, звучный смешок.

— Ответьте мне, Хоффманстааль. Вы вампир?

— Да.

Крэйг потерял сознание. Очнулся он уже днем. Казалось, что тьма слой за слоем сползает с его глаз, а сам он все ближе поднимается к свету из бездны. Во тьме светился крохотный тусклый красновато-оранжевый диск; постепенно он раздувался, разгорался и наконец заполнил собой весь мир. Тьма ушла, и теперь Крэйг широко открытыми глазами смотрел на слепящее солнце.

Он судорожно слотнул и повернул голову. И, словно его уши вдруг открылись, услышал мелодию. Кто-то, пока неразличимый за хоромом огненных пятен, насвистывал немецкую песенку.

Хоффманстааль...

Хоффманстааль сидел на корме, покойно сложив на коленях мускулистые, опущенные золотом руки.

Свист оборвался.

— Доброе утро, мой друг. Вы долго спали. Надеюсь, вы хорошо отдохнули.

Крэйг смотрел на него в упор, беззвучно шевеля губами.

Высоко вверху раздался резкий крик чайки. Ей ответила другая, скользившая над самой водой.

Хоффманстааль улыбнулся.

— Не смотрите на меня так. Уверю вас, я почти совершенно не опасен.— Он мягко рассмеялся.— Могло быть ведь и гораздо хуже. Представьте себе, например, что я был бы, к примеру, вервольфом. А?

Несколько секунд он ждал ответа, потом продолжил:

— О да, ликантропия вполне реальна, реальна, как эти чайки. Или, проводя более подходящую аналогию,— реальна, как эти акулы. Знаете, как-то в Париже я целых три месяца прожил с одной молодой особой. Днем она была мойщицей в публичных банях, а ночью — волком. Вернее, вервольфом — это не совсем одно и то же. Она выбирала свои жертвы по их...

Крэйг оцепенело слушал, сознавая, что Хоффманстааль просто болтает, стремясь отвлечь его. История о даме-оборотне по-

степенно сошла на анекдот, вне всякого сомнения выдуманный: Хоффманстааль сам засмеялся и, похоже, немного обиделся, когда Крэйг даже не улыбнулся в ответ. Этот могучий человек был довольно чувствителен и раним. Чувствительный вампир! Чувствуя, что Крэйг испытывает к нему отвращение, Хоффманстааль пытался спрятать смущение в потоке слов.

— ...и когда жандарм увидел, что пуля, которая убила ее,— обыкновенная, свинцовая, он сказал: «Месье, вы обошлись с этой pauvre jeune fille¹ неблагоприятно». Ха! Естественно, для меня это был довольно грустный момент, и все же...

— Перестаньте! — выдохнул Крэйг.— Превратитесь... превратись в нетопыря и улетай. С глаз моих долой... наполни моей кровью...

Он попытался отвернуться, но локти разъехались, и лопатки со стуком ударились о днище лодки. Он лежал с закрытыми глазами, и в его горле стоял ком — одновременно хотелось смеяться и тошнило.

— Я не умею превращаться в нетопыря, друг мой. Мерзкие созданища...— Хоффманстааль тяжело вздохнул.— И в гробу я не сплю. И, как вы уже заметили, свет для меня безвреден. Это все предрассудки. Суеверия!.. Вы знаете, что мой дед умер оттого, что ему пробили сердце осиновым колом? — Его брови сердито встопорщились.— Поверьте уж, мы, те, кто отличен от вас, больше должны бояться суеверных невежд, чем они — нас. В конце концов, их так много, а нас так мало!

Все эти долгие ночи, проведенные в шлюпке, перед Крэйгом стояло строгое, укоризненное лицо отца. Отец Крэйга был баптистским проповедником. Когда шлюпка дрейфовала по зеркальной морской глади, отражающей звездное небо с такой отчетливостью, что казалось, будто она висит в центре огромной звездной сферы, когда Крэйг чувствовал теплые, влажные губы вампира на своей шее,— тогда стыд материализовывался перед его взором в лицо отца.

Что же... по крайней мере, он сопротивлялся сколько мог и сдался не сразу. Но он не получал никакой еды, и скоро голодные спазмы скрутили его живот мучительной болью, а с запекшихся губ срывались мольбы о глотке воды. Наконец, содрогаясь от омерзения и страха, он позволил вампиру насытиться.

Впрочем, это оказалось не так плохо, как он ожидал. Жалкая боль укола острых клыков, прокалывающих кожу и плоть (странно, что он раньше не замечал, какие они острые!); затем начинало действовать анестезирующее вещество в слюне вампира, и чувствительность исчезала. Вещество, выделяемое вампиром, обладало, похоже, и одурманивающим действием. Когда онемение захватывало все лицо, а губы и щеки будто замерзали (как после инъекции у дантиста), перед глазами появлялись диковинные краски, смешивались, вились в хитрых туманных сочетаниях и вводили его мысли по странным извилинам путей. Он становился частью Хоффманстааля. Хоффманстааль был частью его. Ощущение почти сладострастное...

И раз от разу ему было все менее больно и страшно. Наконец процедура стала совершенно будничным делом.

Как ни странно, днем совесть его не мучила. Блаженное тепло и апатия, которые ранее лишь слегка его касались, теперь совершенно окутывали Крэйга. Мысли затуманены; мозг словно бы желал забыть то, что уже произошло, и не думать о том, что еще предстояло. Море, небо и кружащие в нем чайки были прекрасны. А что до Хоффманстааля, то он, все равно, вампир или нет, был превосходным собеседником.

— Ты бледен, друг мой,— сказал он как-то.— Возможно, я немного пожадничал. Между прочим, твое бледное лицо и борода делают тебя похожим на одного австрийского поэта, которого я... знал. Довольно долго он был одним из самых любимых моих компаньонов. Ты знаешь, мы ведь предпочитаем одних доноров другим. Знаешь, мы вовсе не такие неразборчивые обжоры, какими нас описывают в книгах...

Крэйг потерял сознание. Очнулся он уже днем. Казалось,

¹ Бедной юной девушкой (*фр.*).

что тьма слой за слоем сползает с его глаз, а сам он все ближе поднимается к свету из бездны. Во тьме светился крохотный, тусклый красновато-оранжевый диск; постепенно он раздувался и разгорался и наконец заполнил собой весь мир.

— Как... как ты стал... тем, что ты есть?

— Как я, Эрик Хоффманстааль, стал вампиром? Сложный вопрос. Я, конечно, могу ответить, что в моем роду все были вампирами, но это все равно оставляет открытым вопрос о нашем происхождении. На этот, общий вопрос, я ответить не могу, хотя долго занимался его изучением. Разумеется, существуют легенды... но они противоречивы.

Хоффманстааль задумчиво запустил в бороду пятерню.

— Одна из версий, например,— продолжил он минуту спустя,— утверждает, что одновременно с homo sapiens и обезьяной от общего предка отделилась еще одна ветвь. Причем первые две так ненавидели своего родственника, что тот вскоре вынужден был затаяться. Некоторые полагают, что мы пришли на Землю с другой планеты еще в доисторическое время. Говорится также о виде, совершенно отличном от человека, но, вследствие того, что человек захватил господство в мире, мимикрировавшем, имитировавшем человека — до тех пор, пока и физически не стал близок к людям. Наконец, совсем уж фантастическое утверждение о том, что мы суть слуги Дьявола, один из батальонов его легионов, созданный, дабы приумножить в веках скорбь и страдания брэнного мира. Легенды!..

Нас преследовали, бросали в темницы, сжигали заживо, называли маньяками-извращенцами — и все потому, что наш метаболизм отличен от людского. Мы припадаем к фонтану жизни, в то время как человек питается от мертвой плоти; и все же монстрами называют нас.

Он раскрыл в своей могучей ладони галету и бросил куски за борт. Вода вскипела от бросившихся к приманке акул.

— Люди!.. — тихо сказал Хоффманстааль.

Жизнь продолжалась. Крэйг ел, Хоффманстааль питался. Страх Крэйга мало-помалу уходил — обыденность происходящего вытесняла его.

Они покачивались на волнах бесконечного моря, вдвоем под огромным небом. Горизонт был краем мира. Больше не существовало ничего. Ночь и день сливались в сумеречную одинаковость. Море и небо были неясными отражениями друг друга. Мягкое колышание шлюпки убаюкивало.

В шлюпке царил мир. У Крэйга не осталось даже мысли о сопротивлении. «Симбиоз», как определял их отношения Хоффманстааль, стал естественным образом жизни; затем — и самой жизнью.

У Крэйга было довольно времени, чтобы любоваться на звезды — раньше повседневная суета не оставляла ему времени для этого удовольствия. И еще были эти странные, темные отношения — мягкие губы, искавшие его горло, уносившие мысли о необходимости что-то делать, бороться, оставлявшие его опустошенным и странно взволнованным. Это был покой. Это было удовлетворение. Это было — исполнение должного.

Страх растворился в каком-то оцепенении, оцепенение — в странном сладострастии. Еженощные посещения Хоффманстааля больше не пугали; это были не нападения чудовища, а визиты друга, которому Крэйг от всей души хотел помочь и который, в свою очередь, помогал ему. Ночью и днем они давали друг другу жизнь, и эта жизнь, которой они обменивались, непрерывным потоком циркулировала меж ними. Крэйг был безмолвным и пассивным сосудом жизни, который Хоффманстааль каждый день наполнял, чтобы жизнь эта смогла возродить себя к наступлению ночи, когда ее субстанция возвращалась к Хоффманстаалю.

Дни и ночи проходили над ними и исчезали за бледным горизонтом, опоясывавшим их вселенную. В этом их мире ценности изменились, и сам факт изменения был забыт.

Все-таки стыд подавал еще голос где-то в глубине сознания Крэйга. Легенды, история, церковь — все они утверждали, что вампиризм есть зло. Он покорился вампиру — следовательно, склонился перед злом. Преподобный отец Крэйг ни за что не поддался бы ему — что бы там ни было

едой в рундуке. Он бы заострил осиновый кол, отлил пулю из самородного серебра...

...Только тут ничего такого не было. Лицо отца снова возникло перед ним, как бы говоря, что это не имеет значения — бороться со злом необходимо в любом случае, как бы ни были ничтожны шансы. Он попытался отогнать видение, но безуспешно. Во время их ночных свиданий, когда Крэйга охватывало странное тепло и чувство удивительной близости, лицо отца висело над ними, более яркое, чем луна. Но Хоффманстааль был повернут к нему спиной, а Крэйг, объятый слабостью, мукой и экстастическим наслаждением, не обращал на него внимания.

Они забросили свои зарубки на планшире. Теперь никто из них не мог сказать наверняка, как долго шлюпка дрейфует по морю.

Настал, однако, день, когда Хоффманстааль был вынужден урезать паек Крэйга.

— Мне очень жаль, дружище,— пояснил он смущенно,— но ты сам понимаешь, что это необходимо.

— Значит, припасы кончатся?

— Мне очень жаль,— повторил Хоффманстааль.— Да, кончатся... и когда кончатся твои, тогда и мои подойдут к концу.

— Мне, в общем-то, все равно,— прошептал Крэйг слабо.— Я почти не чувствую теперь голода. Поначалу даже больших порций мне не хватало. А теперь я и вкуса пищи не чувствую. Это, наверное, от неподвижности...

Хоффманстааль мягко улыбнулся.

— Возможно. А может быть, и нет. Мы должны внимательно следить за морем — не пропустить бы корабль. Если в самое ближайшее время корабль не появится — нам придется голодать... Я, разумеется, тоже уменьшу свои порции.

— Мне все равно.

— Бедный мой друг, когда к тебе вернутся силы, тебе будет далеко не все равно. Ты, как и я, будешь хотеть жить...

— Может быть. Но теперь, по-моему, я умер бы легко, смерть была бы даже приятной... приятнее, кажется, чем возвращение в мир...

— Да, мир жесток, но воля к жизни движет в нем все. И нас.

Крэйг лежал неподвижно и с ясностью мысли, какой он не испытывал уже очень давно, размышлял, потому ли он не хочет возвращаться в мир людей, что в мире этом слишком много зла, или потому, что сам теперь был отмечен печатью зла, недостойн жить среди людей...

...И еще Хоффманстааль. Он представлял собой серьезную проблему. Должен ли он сообщить о нем? Нет. Тогда откроется все и о самом Крэйге.

Но разве то, что случилось с ним, было таким уж предосудительным и позорным? Разве у Крэйга был выбор?

Не было.

Но стыд, материализовавшись в образ отца, мучил его. Возможно, Хоффманстааль попытается заставить его продолжить их отношения? Может быть, он... полюбился ему? Похоже, что да...

Но ведь мягкий, внимательный Хоффманстааль, этот чувствительный вампир — не попытается же он насильно...

Мозг Крэйга протестовал против этих, чисто практических, мыслей. Они требовали чересчур больших усилий. Гораздо проще было вовсе не думать — просто лежать, как лежал он уже много дней, в покое, расслабившись, не заботясь ни о чем.

Вскоре ясность мышления растворилась вновь в сумеречной одинаковости дня и ночи. Он ел. Хоффманстааль питался.

Он был в полубессознательном состоянии, когда Хоффманстааль заметил дымок на горизонте. Здоровяк приподнял его, чтобы он тоже мог видеть этот дымок. Это было судно, и оно шло прямо на шлюпку.

— Ну, вот все и позади.— Голос Хоффманстааля звучал тихо и мягко, его теплые руки заботливо поддерживали плечи Крэйга.— Вот и подошла к концу наша маленькая идиллия.— Крэйг почувствовал, как руки Хоффманстааля слегка сжались на его плечах.— Друг мой... друг мой, до

того, как судно подойдет к нам,— все эти люди, шум, суета и все, что несет это судно...— до того, в последний раз, давай...

Хоффманстааль, продолжая поддерживать Крэйга, склонился над ним. Губы его приникли к горлу Крэйга с почти сексуальной алчностью.

Крэйга передернуло. Через плечо Хоффманстааля он хорошо видел приближающийся корабль — пока немногим больше пятнышка у горизонта. Но корабль шел к ним. Там, на борту, были люди.

Люди! Здравый рассудок, нормальность, города и машины, полузабытые «человеческие ценности» неотвратно приближались к ним по неутомимо катящимся морским волнам, под лазурным небом, из настоящего человеческого мира, лежащего где-то там, за горизонтом...

Люди! Такие же, как он сам, как его отец, чье лицо нависало теперь над ним — само воплощенное отвращение и гнев.

И он, он лежит в объятиях.

Господи, Господи! Что, если о н и увидят?!!

Он лягнул Хоффманстааля, сбросил его руки. Он нашел силы, о которых и не подозревал, и молотил, и извивался, и бил изо всех сил, и кричал.

Шлюпка раскачивалась. Нога Крэйга врезалась в живот вампира. Хоффманстааль раскинул руки и отлетел от своей жертвы, вскрикнув:

— Крэйг!..

Борт лодки ударил его под колени — вампир налетел на участок планшера, покрытый зарубками. Он резко взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие. Его полные изумления глаза встретились с полными ужаса глазами Крэйга. И Хоффманстааль спиной вперед рухнул в воду.

Акулы не стали есть его, все-таки, видимо, химия его тела была достаточно своеобразна. Но сначала они разорвали тело, приняв его за добычу.

Крэйг вдруг обнаружил, что рыдает, уткнувшись лицом в слизистую грязь, покрывающую дно шлюпки, и повторяет: — Эрик! Эрик, прости меня!..

Ему показалось, что очень много времени прошло, прежде чем он смог различить на борту корабля фигурки людей. Ему было нехорошо. В мозгу, сменяя друг друга, проносились мысли и какие-то неоформленные образы.

Его охватывало какое-то новое чувство, накатывало, подобно горячей волне, странное ощущение, ощущение, что, по крайней мере, одно из распространенных поверий относительно вампиров опиралось на факты.

Что это — работа впрыснутого вампиром яда? Он не знал. Да это его и не волновало особенно.

Он лежал без сил, глядя на приближающийся корабль сквозь прикрытые ресницы. Моряки столпились на палубе, наведя бинокли на шлюпку.

Любопытно, подумал Крэйг, а отца они видят?.. Впрочем, что это я — как они могут видеть его, это ведь моя галлюцинация. Кроме того, не далее как минуту назад отец куда-то исчез.

Это был военный корабль, эсминец. Это было хорошо. Крэйг служил в ВМФ и знал, что ребята здесь здоровые. А тяжелая служба делает их сон крепким.

А в конце пути лежал весь мир. Мир, пульсирующий от... Крэйг облизнул губы.

Перевел с английского П. ВЯЗНИКОВ

П
О
П
К
О
Р
Н

ВЫ ПРОБОВАЛИ СЛАДКУЮ ВОЗДУШНУЮ КУКУРУЗУ В ГЛАЗУРИ?

ДО "АВИТ"

поставит со склада в Москве лучшие в мире американские аппараты фирмы «CRETORS» для производства сладкой и соленой воздушной кукурузы «ПОП-КОРН».

«CRETORS» — это сто лет работы на американском рынке!

Мы обеспечим вас кукурузой, пакетами и вкусовыми добавками. Даем 1 год гарантии.

Позвонив нам, вы сможете заказать любое другое оборудование для пищевой технологии (мини-пиццерии, мороженицы и т.п.).

Шоколадные сладости фирмы «ULKER» — это не сказка, это у нас. Самые известные сорта шоколада по оптовым ценам. Форма оплаты любая!

Контактные телефоны в Москве:

(095) 449-05-84

с 10.00 до 19.00

(095) 445-54-37

с 8.00 до 10.00

(095) 413-52-44

с 20.00 до 22.00

Р
О
Р
С
О
Р
Н

Межгосударственная служба знакомств «ПОИСК» окажет помощь в создании дружной, счастливой семьи. «ПОИСК» гарантирует выполнение своих договорных обязательств. Сведения об условиях заключения договора вы получите БЕСПЛАТНО по одному из адресов: 220002, Минск-2, а/я 132 или 198261, С.-Петербург, а/я 225. В свое письмо вложите чистый конверт с вашим адресом.

Олег ЛАРИН,
наш спец. корр.
Фото автора

ВЗЯЛ Я ВЕТЕР И ПОШЕЛ

**Историко-географическая экспедиция «УШКУЙНИКИ-92»:
по пути древних новгородцев**

Ушкуйник — речной разбойник; новгородские ушкуйники, шайки удалцов, пускались открыто на грабеж и привозили добычу домой, как товар...

Владимир Даль

«**В**дорогу! В дорогу! Я хочу говорить о дороге...» Так, кажется, восклицал много лет назад знаменитый автор «Северного дневника» Юрий Казаков, изнывая от безделья в ожидании отплытия. При мысли о дороге забывались все прежние впечатления — древняя упругая, пахнущая свежими опилками двинская земля, фронтоны каменных громад Архангельска, города, который так любил писатель.

...Белая ночь незаметно переходила в рассвет, и вместе с новым рассветом нарастало глухое раздражение у членов экипажей «Печоры» и «Ильменя»,

вызываемое хриплыми гудками проходящих и уходящих судов. Архангельский порт, эти ворота великих и загадочных ворот, ведущие в северные палестины, превращался для нас в окаянное пристанище для бездельников.

Но вот, кажется, все позади. Мы побрились, надели белые форменные робы с надписью на спине «Ушкуйник», праздничными флажками украсили обе лодки. Под звуки духового оркестра на Красную пристань, которая провожала когда-то всех знаменитых мореходов, сбежался городской люд.

Все минутное, случайное, преходящее уносится прочь со встречным ветром. Синяя летящая река, синий оком неба, синие леса у горизонта.

ЧТО ЗА ПЛЕМЯ — УШКУЙНИКИ?

Кто же они были, эти ушкуйники, откуда пришли? Восемь или девять столетий отделяют нас от тех времен.

Моя мысль выстраивает длинную цепочку, многие звенья которой давно утеряны, забыты и ушли от нас навсегда. Но она не устает тянуться в глубь веков, к истокам той великой первопроходческой тропы протяженностью в тысячи километров, которая завершается на североамериканском побережье Тихого океана. Сохранившиеся до сих пор деревянные русские церкви и крепости в Калифорнии и на Аляске — лучшее тому подтверждение.

Итак, ушкуйники. Жили-были на Ладоге и в Новгороде Великом люди смелые, рисковые, мысли огненной и озорства непомерного — одним словом, вольнодумцы. Тесно им было в родных чертогах, чтобы проявить силушку свою молодецкую. Они были дерзки на язык и не очень-то чтли власть боярскую. Иначе с какой стати они пустились бы искать счастья на чужой стороне!

Фото Н. ОКЛАДНИКОВА

В ЛЕТО

С великим громом и озорством раскатывали эти сорвиголовы на парусных лодках-ушкуях, держа путь в лето — «встречь солнцу». Речные дороги Севера измерялись ушкуйниками на «дни», «поприща», «днища», в течение которых кто-то утонул в болотах, замерз на льдинах, погиб на охоте или в схватках с воинственной чудью.

В одних становищах ушкуйники пели и плясали под дудки бесовские, в других — пили и бедокурили, пугая мирные племена. «Бысть их 200 ушкучев, и поидоша вниз Волгою рекою», — сообщает новгородская летопись. А другая с тревогой констатирует: «Великого Новаграды разбойницы, 70 ушкучев, пришедше взяша Кострому град разбоем». Но щедрые дары принимались от них на родине охотно, а дерзкое желание пожить за чужой счет постепенно угасало в снежных бескрайних просторах. Поэтому как была там свобода для души и для промысла. Ища применение силам своим недюжинным, ушкуйники познавали себя, границы собственных возможностей и тем самым как бы расширяли пределы Новгородской рес-

публики за счет северных — онежских, двинских, пинежских, мезенских — территорий.

Искатели богатств и приключений, они становились одновременно первооткрывателями «землиц незнаемых», знатоками быта и нравов племен, с которыми им приходилось сталкиваться. «Цель этой настойчивой и неослабевающей экспансии на земли крайнего северо-востока, — пишет доктор исторических наук О.В. Овсянников, — расширить районы обложения данью, чтобы получать как можно больше рыбы ценных пород, дорогого «моржового зуба», а главное — пушнины». Так что в этом смысле ушкуйников можно смело назвать предтечами великих землепроходцев — Ермака, Дежнева, Атласова. Северный край стал второй родиной для этих горячих голов. И, честное слово, немного обидно за почтенного Владимира Ивановича Даля, который видел в ушкуйниках только речных разбойников».

А какие сочные, звучные имена были у этих людей! Привожу только некоторые из них по книге «Грамоты

Великого Новгорода и Пскова»: Жила, Олюша, Власий, Федец, Острог, Бориско, Дмитрок, Микитица, Семенец, Григорь, Степанец, Савица, Чешко. По поводу последнего имени у одного историка вырвалась догадка: а не тот ли это Чешко, чье имя легло в название Чешской губы Баренцева моря? Думаю, что Лидии Александровне Чешковой, редактору и патриарху «Вокруг света», будет приятно прочитать эти строчки.

У ВОДЫ, А НЕ НАПИТЬСЯ

Кажется, приближался тот миг торжества, в предвкушении которого я жил последние дни: сквозной речной простор, высокие лесистые берега да воздух, которому нет названия; ленивое полуденное солнце скользит по верхушкам елей, стеклянно вздуваются волны, из дымчатого полумрака зарослей тянет терпким запахом прелого листа, влажным мхом. И нет необходимости подгонять себя, планировать, рассчитывать — словом, спешить некуда и незачем, и ты поне-много проникаешься безвременьем,

растворяешься в нем, пытаешься растянуть его, как блаженство, и запомнить каждое мгновение. Правда, до тех пор, пока дежурный у костра, разведенного прямо на барже, не позовет к столу.

Откуда взялась баржа? — удивится читатель. Да-да, мы плывем на барже, спим на барже и здесь же питаемся. Как все же ловко провели мы доверчивых архангелогородцев, запрудивших Красную пристань! Расправили пестрые паруса, помахали веслами для вида и ушли в синий простор под восторженно-завистливый гул толпы. А на самом деле (об этом было договорено заранее) километрах в пяти от города мы пришвартовали «Печору» и «Ильмень» к попутной барже с кирпичом, ее подхватил катер-толкач, и понесло нас, сердешных, по воле двигателя внутреннего сгорания мощностью 700 лошадиных сил.

Но... такова жизнь, и винить в этой проделке никого не хочется: нас поджимает скудный бюджет времени, отведенный на экспедицию, да и бензин нынче дорог, а спонсор скуповат. К тому же плавание по Северной Двине — это как бы вычеркнутое из путешествия время — река давно превратилась в транспортную магистраль со всеми «вытекающими» с берегов последствиями. «Чем больше пьешь, тем больше хочется» — говорили когда-то о двинской воде. Но сейчас большинство местных жителей, а также речников не рискуют брать эту мутную, с буроватым оттенком жидкость, предпочитают пить воду маленьких речушек. На участках с малой скоростью течения, жалуются старожилы, вода «приобретает гнилостный запах». По-видимому, прав был один речник, когда сказал: «У воды, а не напитки».

Главные виновники отравления — монстры бумажной индустрии Котласской и Архангельский ЦБК. Их построили с крайне низким качеством очистных сооружений. По данным экспертов-экологов только четыре процента сточных вод очищаются до санитарных норм! И не случайно жители двинских деревень и поселков, в большинстве своем мирившиеся с участью заложников бумажного ведомства, нет-нет да и схватятся за голову: река так долго не протянет, ее спасти надо...

КУЛОЙ БЕЗ АПЛОДИСМЕНТОВ

Взгляд тонул в сумасшедшем разгуле воды. Там, где раньше бродили стада и зрели кормовые травы, плавали ящички, бревна, сорвавшиеся с якорей лодки и даже сани. Залитый «по горлышко», стоял старенький «Беларусь» — памятник нерадивому хозяйственнику. И кругом змеилось множество течений с резкими перепадами высот; иногда казалось, что мы плывем в гору.

Спящие на угорах избы отгородились от мира белым разливом воды. В Юроле и Валдокурье затопило все баньки и амбары, обе деревни превратились в острова, и хлеб жителям доставляли на лодках. В осаде половодья оказался и поселок Пинега, его улицы «впадали» прямо в реку. Отсюда, с Пинеги,

но уже без фанфар и аплодисментов — возьмет старт наша ушкуйничья флотилия. С середины XII века здесь существовал четырехверстный волок, по которому древние новгородцы тащили свои лодки-ушки. Так они переправлялись на реку Кулой, затем морем добирались в устье Мезени,плыли по ее притоку Пёзе, а оттуда, еще одним сухопутным броском, попадали в «полунощную» страну — Печору. Волок Пинежский служил ушкуйникам своего рода перевалочной базой, оттого и вся территория, раскинувшаяся на северо-востоке от Новгорода, получила название Заволочья, что значит «За волоком». Там обитали племена югры и чуды белоглазой.

Землепроходцы плыли по безымянным еще рекам, с опаской поглядывая на дремучие заросли, сковавшие берега; путь был «непроходим пропастьми, снегом и лесом», говорится в Несторовской летописи. А бывали напасти и похлеще. В 1193 году ватагам новгородцев пришлось вести даже настоящие сражения: «...Идоша из Новгорода ратью с воеводою Ядреем, и придоша в Югру и взяша город, и придоша к другому городу... и стояша под городом 5 недель». Где теперь искать эти города, никто не знает. И потому при поисках вещественных доказательств историкам и археологам приходится прибегать к изустным преданиям и загадочно-туманным обмолвкам в летописях, где реальность нередко смешана с фантазией, а то и с заведомой выдумкой.

— Человек предполагает, а река располагает, — сказал Валерий Шишлов, капитан «Печоры», и приказал своему экипажу еще раз проверить такелаж. Сказал он это перед самым отплытием, когда у дебаркадера собралось десятка три речистых пинежан, и каждый старался вручить нам свою успокоительную пилюлю: «Весь Кулой как миленькие, проскочите. Сонная река, вот увидите».

Кулойский канал, там, где когда-то пролегал древний волок, мы прошли более-менее спокойно, а дальше началось...

Помню, летом в этих местах — правда, это было лет десять назад — я видел довольно крутые откосы, увенчанные шапками осиновоых зарослей, и смотреть на них приходилось задрав голову. А сейчас мы плыли среди этих зарослей — и никакого намека на откосы. Кусты, пни и коряги плотным кольцом окружили реку, и казалось, что наша дорога сейчас упрется в них, остановится и прекратит свой бег. «Ильмень» и «Печора» неуклюжими утюгами лавировали среди ольхи и ивы. На первый взгляд все оставалось на своих местах — и вода, и кусты, и деревья. Но где Кулой, где фарватер?

По лесному разливу, как пьяный разбойник, метался ветер и делал с нашими суденышками что хотел: рвал снасти, тащил на мели, захлестывал борта. Безостановочно шел дождь, заставляя вжиматься в сиденья. С надрывом ревел мотор, взбаламучивая

тину. И дважды на большой скорости «Ильмень», ведомый одесситом Михаилом Сливченко, с полным маха угодил в кусты. Да так прочно застрял в них, едва не сломав мачту, что Мише пришлось вспомнить несметное множество слов-самородков из золотого запасника...

ГОРЕМЫКА-«ИЛЬМЕНЬ» И НЕСТАРЕЮЩАЯ «ПЕЧОРА»

Пришла пора познакомиться с участниками экспедиции. Потому что едва ли не главная цель любого путешествия — это человеческие контакты.

Экипаж лодки «Печора» — ребята из Нарьян-Мара — сложился еще в прошлом году во время первого этапа экспедиции — из Новгорода в Архангельск и потому в адаптации не нуждался. Несмотря на разницу в возрасте, нарьянмарцы все делали прочно, основательно, а главное — ровно, без шальной показной дерзости, и понимали друг друга без слов. Мотор слушался их буквально с полунамека; работали они, как пальцы одной руки.

Капитан «Печоры» Валера Шишлов — матерый речной волк, а по профессии — детский врач. Слава Корепанов — начальник отдела кадров геологоразведочной экспедиции, по образованию — историк. Находчивость и выносливость не раз помогали им выйти сухими из передряг, в которые они попадали во время своих странствований по Крайнему Северу и Заполярью.

Однако душой этого маленького коллектива был, несомненно, Альберт Степанович Зобнин, по кличке Дедко, походник божьей милостью и домашний философ, излазивший ненецкую тундру вдоль и поперек и таивший под бородастой внешностью накопленные жизнью премудрости. Присловья и прибаутки, были и небыллицы так и сыпались из него. Словом, у «печорцев» наблюдался безусловный рефлекс, когда один, не покушаясь на чужую индивидуальность, дополнял другого...

На «Ильмене» — все наоборот. Самое интересное: никого из новгородцев на борту нашей лодки не было, никто из них не приехал в Архангельск для продолжения путешествия, и потому экипаж набирался с бору по сосенке. В сущности, мы и были настоящие ушкуйники, если следовать исторической логике Владимира Даля. Нет, мы, конечно, вели себя вполне пристойно и песен смурных не орали, как наши предки, но матюки летели с «Ильменя» как поленья. Все у нас было как в крыловской басне «Лебедь, рак и щука»; все мы делали слишком ретиво, чохом, все через пень-колоду, отчего первыми садились на мель и ломали такелаж. «Махновцами» называл нас руководитель похода Иван Никандрович Просвирнин.

Уроженец нижней Печоры, а ныне житель города Мариуполя, кавторанг в отставке, Просвирнин придумал и организовал ушкуйничью экспедицию. Он носился с идеей путешествия по крайней мере лет пять и так много говорил о ней, что во мне затаилось тайное сомне-

ние, что оно не состоится. Но нет, Никандрч довел дело до конца, нашел спонсоров, наскреб по разным ведомственным сусекам снаряжение и продовольствие, собрал опытных походников из разных городов — так что всеми удобствами и неудобствами мы обязаны целиком ему. Он сидел в лодье, как в собственной «Волге» (которой у него нет), и командовал нами на правах феодала. Один сюда, другой — туда, третьему оставаться на месте.

ТРОПА-ЧЕЛОВЕК

— Скажи-ка, дружок, как нам попасть в Грецию?

Шел охотник по берегу, собирал хворост для костра, устал, видимо, после долгих блужданий по мхам и болотинам. И вдруг голос человеческий; вздрогнул охотник, обернулся и буквально окаменел. Зверюгу лесную увидеть еще куда ни шло, а тут две лодьи с вздернутыми носами, при полном параде старинных аксессуаров! И десяток заросших щетиной мужиков в белых рубахах с надписью на спине «Ушкуйники», один из которых (это Миша, конечно) протягивал ему трос, чтобы зачалить судно в удобную бухту.

Миша был одесситом до мозга костей, а все одесситы, как водится, ведут свою родословную из Греции. Но, с другой стороны, если порассуждать: а почему б ей не быть, Греции? И почему древние люди Эллады не могли оказаться здесь, среди чудских племен полуночной страны Югры?.. Вот что говорится в «Двинском летописце»: «В лето 1492 отпустил великий князь Мануила Илариева, сына грека, да с ним своих детей боярских... серебра делати и меди на Цильме, а деловцев с ними руду копати с Устюга — 60, с Двины — 100 и Пинеги — 80 человек... И с того времени начали чеканить монету из своего серебра».

Прожитые века оставили немало следов с остатками старинных шахт, кирпичных фундаментов, шлаков медной и серебряной руд, которые добывали здесь, по всей видимости, предприимчивые греки и фрязины (итальянцы). Ученые подсчитали, что в районе одной лишь Цильмы, притока Печоры, было добыто не менее 25 тысяч тонн чистой меди. Но есть и более ранние находки, которые свидетельствуют, что рудный промысел здесь процветал задолго до прихода новгородцев и тем более греков.

Парадоксальную мысль высказал доктор геолого-минералогических наук А.А.Малахов. Не так давно он посетил Афинский музей и был поражен множеством медных изделий и скульптур. «Откуда в Средиземноморье столько меди?— задумался ученый.— Ведь больших месторождений этого металла здесь никогда не было. Кстати, и Колосс Родосский, одно из семи чудес света, тоже был изваян из чистой меди!»

Кто знает, может быть, это была руда, привезенная с берегов Цильмы? Тем более, как доказывают летописи, в древние времена, кроме знаменитого пути «из варяг в греки», существовала еще

одна дорога — «из югры в греки». И Малахов делает сенсационный вывод: вполне вероятно, что жители Югры — финско-чудские племена вели торгов с Балканским полуостровом. «Возможность такого маршрута,— пишет он,— стала реальной после того, как я увидел в глазах некоторых греческих статуэток агаты, сходные с теми, которые я собирал на песчаных пляжах Цильмы».

... Охотнику можно было дать на вид и шестьдесят, и все восемьдесят. Говорил он складно, картинно, образы его были точны, как ружейный выстрел. Лицо, изборожденное боевыми отметинами, жесткий с проседью колтун, обильная борода, желтовато-взедливые глаза — все говорило о том, что человек многое повидал на своем веку, знает толк в разговоре и умеет направить в нужное для него русло... На Мишин вопрос, не страшат ли его муки одиночества, не боится ли заблудиться в тайге, охотник рассмеялся:

— Не боюсь ни тропы западающей, ни волка рыскающего, ни медведя ревушего, а боюсь токо человека бродячего. От него вся пакость!

Мы с улыбочкой переглянулись: уж не в нас ли метит старик?

— Да вы что, робята,— замахал он руками.— Я вас знаю. Давече по телуку вас передавали.— И, соскучившись по общению, он завелся на долгий разговор.

— Каждый охотник — это как бы сочинитель собственной тропы,— с удовольствием рассуждал таежник. Он творит эту стежку-дорожку по образу и подобию своему. Все замечает, все чувствует, ни одна деталь не скроется от его всевидящего глаза. Характер у тропы тот же, что и у охотника. Угрюмый, недоверчивый, обиженный жизнью человек прокладывает ее в густой чаще, буреломе, чтобы никто из чужих не заметил следа. Наоборот, добрый и некорыстный, не ведающий расчета добытчик выведет свою тропку по открытому, привольному месту, в светлый бор или вдоль игривой речки, поставит на угоре лавочку-завалинку, чтобы можно было покурить, отдохнуть, почаевничать или поразмышлять наедине с собой. Лавочка — что-то вроде привала перед большим броском к очередной избушке...

По лицу старика пробежала тревожная тень, что-то дрогнуло в нем внутри, переломилось, и он заговорил на нервной, вспльщивой ноте. Дескать, редуют избушки в тайге, сиротеют родовые тропы-путики, зверь и птица выводятся — а кто виноват? Человек! Ну, лесозаготовки — это само собой, там техника, там за человека бензопила думает и план кварталный. Но ведь наши-то, местные,— они о чем-нибудь думают? Ведь есть леса вокруг деревень, где еще топор не гулял. Где все родники, болота, урочища и тропы испокон веков были расписаны по именам, как в домашней книге. А нынешнему люду на все это плевать...

Угасает лесное сословие, уходит в небытие порода ходока и добытчика, та самая корневая порода, которая памятна всем по минувшей войне. И как знать, не отразится ли ее исчезновение

на человеке вообще, не потеряем ли мы какую-то частичку нашего национального характера?..

Старик говорил с запальчивой обидой в голосе, наверное, что-то преувеличивал, что-то передергивал по стариковскому обыкновению, но в общем-то говорил правду.

ВСТРЕЧИ, СЮРПРИЗЫ...

Пльвем. Снег, град, дождь, солнце и опять снег — все это в одночасье, с интервалом в десять-пятнадцать минут. Таковы причуды местного климата. Куллой еще раз напоминает, что особенно расслабляться нельзя. Мы выглядим в своих одеяниях как добротно упакованные тюки, на которые влору навесить табличку: «Не кантовать!..»

Путешествовать без приключений, сюрпризов, случайностей — все равно, что читать рецепт вкусного блюда и думать, что ешь. Не могу понять людей, которые уходят в плавание ради преодоления пространства, подстегиваемые жестким неумолимым графиком. Настоящее путешествие — непредсказуемо. Если вы считаете, что в пути все зависит от вас и ваших спутников, то лучше оставайтесь дома. Не мы управляем путешествием, путешествие — нами!

Все облепленные снегом, на потеху здешней детворе причаливаем у большого села Долгощелье. И вот тут начинаются разногласия. Долгощелье — ворота в море, откуда можно попасть в устье Мезени. Часть ушкуйников собралась идти туда своим ходом, а «Ветерках» и под парусами. Но глава местной администрации Сергей Степанович Дровнин, сам к тому же бывалый мореход, опустил перед ними шлагбаум: что вы, ребята, да один наш Харьговский мыс пострашнее знаменитого мыса Горн! Капитан «Печорь» Шишлов вступил с ним в спор, но вынужден был сдать под напором фактов и несокрушимой логики здешних приливов и отливов, чередующихся каждые шесть часов. А это дело нешуточное, особенно когда дует шелоник (ного-западный ветер), он может прижать суда к каменистым отмелям, а то и просто выкинуть их на «кошки» с густой, илистой жижей. Ищи тогда ветра в поле!

И вот, изменив лодочной романтике, дождавшись пика прилива, мы подцепляемся к буксиру «Арзамас» и лезем в теплые каюты, утешая себя расхожей путевой заповедью: лучше маленький Ташкент, чем большая Сибирь. Но и здесь нас поджидает коварный сюрприз. Уже находясь на трассе мыса Масляный, рулевой буксира прибавил обороты, и наш горемыка-«Кильмень», зачерпнув бортом, едва не ушел на дно. Пришлось ночью (благо она светлая) вычерпывать воду, искать вещи (те, которые не тонут) по всей акватории Мезенской губы, и на это мы ухлопали уйму времени.

Но были и приятные неожиданности. В Долгощелье, где прежде я никогда не бывал, встретил давнюю свою читательницу Эльзу Сергеевну Шелапугину. Мы переписывались с ней много лет, а вот встретиться не удавалось. В своем доме на берегу реки она знакомила меня с коллекцией старинных вещей. Чего тут

только не было. Рукописные книги, расписные дуги, поморские прялки, берестяные гусы от мала до велика, образцы выходной женской одежды, складни, штофы, полотенца и даже свадебные сани. Жаль только, что пылятся эти сокровища на повети, и, кто знает, сколько им еще здесь лежать... Эльза Сергеевна пытается заинтересовать долгощелов: это же почти готовый музей поморского быта! — но местная власть что-то долго раскачивается...

Пожалуй, самая неожиданная встреча состоялась в селе Бычье. Историк Николай Анатольевич Окладников пригласил меня в гости к своим родственникам. Сидели за длинным столом, уставленным яствами, вели долгие, неспешные разговоры о том о сем — и я не сразу обратил внимание на лысоватого, средних лет мужчину, моего соседа. Потом мы разговорились. Наблюдавший за нами корреспондент мезенского «Севера» вдруг встал из-за стола: «Предлагаю тост за писателя и его героя, которые не узнают друг друга». И под общий хохот назвал наши фамилии...

Мы на секунду растерялись, оторопели, а потом кинулись обниматься. Шестнадцать лет назад Виктор Александрович Стрюков работал инспектором рыбоохранны. В течение недели мы объехали с ним всю среднюю и нижнюю Мезень, выходили в море, рыбачили, штрафовали браконьеров, ждали прилива на дне Мезенской губы, ночевали в лесных избушках. Все это вошло в мою книжку, которая была издана в 1980 году... И вот теперь — здравствуйте-пожалуйста! — мы не узнали друг друга. И вовсе не потому, что Стрюков пошел на повышение. Он нынче управляющий отделением совхоза «Мезенский».

ЛОДЬИ ЕДУТ ПОСУХУ

От райцентра Мезень началась настоящая гонка. Жизнь понеслась по ускорен-

ному графику. Поджимает вода, убывающая с каждым днем; поджимает горячее, которого не достать. И вот — в который уж раз! — нас снова берут на буксир, и скорость становится нашим безликим спутником до самых верховьев Пёзы...

Серое, тягучее, одуряющее однообразие посреди таежных дебрей. Остановиться, оглянуться — да где там! Бесконечная стена деревьев, нагнетающих мрак. Бесконечная череда речных извивов, перекаатов, плесов, дождей, восходов и закатов — плывем среди лесной пустоши. И только какая-нибудь деревушка-невеличка, выскочив на берег, развеселит и успокоит душу. Многие из них брошены, другие скробоно и покороно доживают свой деревянный век. А некоторые еще держатся, и крепко держатся, за дедовские луга и пажити, за охотничьи и рыбные ловища, с которых худо-бедно, а все же кормились далекие пращурки.

Когда-то эти места были исхожены вдоль и поперек. Вверх по Пёзе, где на гребнях, а где бечевой и лазом, — толкаясь против течения шестами, плыли веками новгородские ушкуйники и ватажники, иноки, старообрядцы-переселенцы, многочисленные служивые, торговые и промышленные люди, ходившие на Печору, в низовья Оби и златокопящую Мангазею. И был здесь волок — знаменитый водноволоковой путь через отроги Северного Тимана, проложенный еще при легендарной чуди. Он попал в русскую историю с легкой руки австрийского посла Сигизмунда Герберштейна («Записки о Московии», XVI век), слуги четырех королей. А тот, в свою очередь, прознал о нем от воеводы князя Семена Курбского, в 1499 году водившего через Пезский волок почти двухтысячную рать для покорения Югры.

Некоторые наши историки называли Герберштейна «родоначальни-

ком европейских сказочников о нашем отечестве», но о Пезском волоке он сообщает довольно точно: с верховьев реки «пять верст волокут суда в два озера и открываются две дороги. Одна из них, с левой стороны, ведет в реку Рубиху, по которой можно добираться в реку Чирку», а оттуда и в исток Цильмы. Лодки и груз перетаскивали на специальных двухколесных телегах с помощью лошадей, которых здесь держали постоянно. В XIX веке этим путем прошли и описали его в своих книгах академик Александр Шренк, известный исследователь Севера Павел Крузенштерн и архангельский губернатор князь Н.Д. Голицын.

Между прочим, последнее описание относится к 1888 году, и, как пугали нас местные жители, «ни дорог, ни тропы на Цильму уже не сыщешь — заросли лесом и мхом, завалены сухостоем». Одним словом, был волок — да закрылся от непрошенных гостей, отгородился от мира, замкнулся в себе. Шутка ли: более ста лет им никто не пользуется! И даже промысловики-охотники туда не ходят...

Но... нет таких крепостей, которые не брали бы «ушкуйники»! Единственное, что тревожило всех, — массивные, с тяжелыми днищами лоды «Ильмень» и «Печора», совершенно не приспособленные для волока. И груз — больше тонны, который надо перетаскать на собственном горбу. Меня же огорчало то, что командировка моя давно просрочена и пора возвращаться домой, что мне не придется пройти Пезский волок...

Архангельская область

От редакции: О том, как экспедиция «Ушкуйник-92» преодолела Пезский волок и какие открытия ждали ее в пути, читайте в одном из ближайших номеров.

КУРЬЕР

ДИНОЗАВР НЕ БОЛЬШЕ СОБАКИ

Останки именно такого экземпляра одного из древнейших обитателей Земли были обнаружены археологами на северо-западе Анд.

Этот динозавр, живший около 225 миллионов лет назад был, несомненно, хищником. На это указывают острые когти на его передних трехпалцевых лапах, а также строение зубов. Впрочем, челюсти его были еще недостаточно развиты, в них не хватает шарнира, позволяющего нынешним хищникам широко разевать пасть, чтобы удерживать добычу.

Почему динозавр столь мал? Ученые полагают: данное существо жило на заре эпохи динозавров и угнеталось другими, более развитыми. Должна была произойти некая катастрофа, чтобы динозавры получили господствующее положение и смогли активно наращивать свою массу. Когда же динозавры погибли, им на смену пришли млекопитающие, которые в эпоху динозавров были весьма небольших размеров и занимали подчиненное положение.

Таким образом основное значение для развития тех или иных организмов может иметь не постепенная эволюция, а скачкообразное изменение внешних условий. Это несомненно противоречит известной теории Чарльза Дарвина, однако данные последних лет все больше склоняют ученых к этой мысли.

ГДЕ КОМПАС?

В научных кругах снова поднят давний вопрос: обладает ли человек чувством направления?

Ученые из Калифорнийского технологического института обнаружили физические признаки того, что чувство направления — вовсе не плод воспаленного воображения, и прав был Жюль Верн, утверждавший, что капитана Гаттераса тянуло на север некое чутье.

Свидетельства того, что обитатели нашей планеты могут ориентироваться по силовым линиям магнитного поля, накапливались не одно десятилетие. Например, в 1975 году Ричард Блейкмор из Массачусетского университета открыл группу бактерий, которые умеют ориентироваться по магнитному

полю планеты и в своем движении всегда придерживаются направления на север.

Впоследствии было установлено, что бактерии движутся так, имея свой собственный компас — кристаллы магнетита или магнитного железняка — того самого материала, из которого состоят природные магниты. После этого аналогичные образования были обнаружены в мозгу пчел, брюшной полости почтовых голубей, организме лосося... На сегодняшний день известно около 60 организмов, способных ощущать магнитное поле Земли и, вероятно, пользоваться своим внутренним компасом во время сезонных миграций на огромные расстояния.

А недавно биолог Джозеф Ниршвинг обнаружил кристаллы железняка и в мозгу человека. Их не так уж много, но все же вполне достаточно, чтобы известное умение некоторых людей правильно определять стороны света и придерживаться в пути нужного направления, получило научное объяснение. У каждого из нас есть свой собственный биологический компас, только, к сожалению, далеко не все умеют пользоваться им.

Подготовил С. ЗИГУНЕНКО

Книгами с маркой «Библиотека «Вокруг света», часть из которых вы видите на этих фотографиях, можно заполнить уже, пожалуй, небольшую книжную полку. Правда, мы рассчитывали, когда брались за издательское дело, что к марту 1993 года их будет значительно больше. Все рукописи были подготовлены в срок. Но вмешались два фактора — непредсказуемость экономики и стремительное обесценивание финансовых вложений, сделанных на начальной стадии подготовки проектов наших шеститомника, двенадцатитомника и Собрания сочинений Р.Сабатини. Сотрудничество с партнерами — издателями и полиграфистами — развивалось отнюдь не по первоначально намеченному графику. И все-таки оно не прекратилось и не приостановилось. Книги выходят.

Рекламно-издательское агентство РИПОЛ завершает выпуск шеститомника. В двенадцатитомной серии приключенческих романов зарубежных писателей, которую редакция выпускает совместно с акционерным обществом «Прибой», вышли уже тома Майн Рида, Эмилио Сальгари, Джека Лондона, Пьера Бенуа, Редьярда Киплинга, Луи Буссенара. На выходе другие малоизвестные или впервые публикуемые на русском языке романы, написанные в конце прошлого — начале нынешнего века. Подписчики в Москве уже получили, другие получают в самое ближайшее время третий том из десяти томного собрания сочинений Р.Сабатини. В каждом из вышедших томов по два романа. В формате журнала и в оформлении, близком к его облику, вышло, по существу, еще четыре книжки, которые мы назвали спецвыпусками, поскольку они были подготовлены редакцией в месяцы вынужденной приостановки журнала — «Добрая сила» Л. Лекрона (самогипноз), «Напризы Клио» Р.Сабатини (исторические новеллы), «Индийская книга» Л. Минца (своего рода небольшая энциклопедия об индейцах) и «Рюкзак туриста» (пособие для начинающих туристов и путешественников).

Что же дальше? Есть у редакции определенные планы и есть серьезные основания надеяться, что они осуществимы. Хотя и не заработали мы на издании книг больших прибылей по причине произвола пресло-

вугото то ли уже рынка, то ли еще базара, но дело это твердо решили продолжать, потому что поняли: романы старых мастеров, в которых вознаграждаются благородство, рыцарство, смелость, верность, по-прежнему любимы читателями. Значит, есть в них нечто, созвучное ожиданиям наших читателей, и сам этот факт дает основания надеяться на нравственное выздоровление общества.

О задуманных нами издательских проектах пока говорить рано, ибо коммерческая тайна, как выяснилось, — не пустое понятие, но одно мы можем обещать читателям: сучно не будет.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

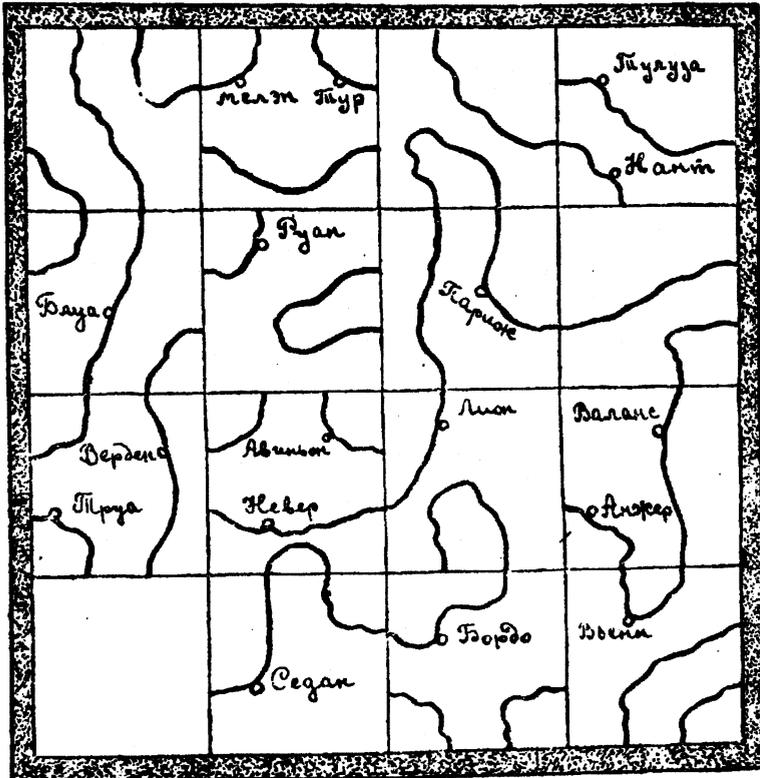
В этом номере мы впервые за много лет решились опубликовать несколько игр. Часть наших читателей давно настаивала на том, чтобы журнал печатал кроссворды, шарады, загадки, но мы никак не могли решиться на это. Нам казалось, что научно-художественный характер «Вокруг света» полностью отрицает такую несерьезную вещь, как игры, головоломки, и прочую развлекаловну. Однако, порывшись в старых подшивках «ВС», обнаружили, что нашему изданию не были чужды подобные вещи. В номерах за 1929 год можно найти увлекательный конкурс, название которому было «Шевели мозгами».

После дебатов было найдено компромиссное решение: опубликовать несколько развлекательных игр, но окончательное решение о судьбе этой рубрики оставить за читателями.

Итак, слово за вами. Кстати, ее название вы также можете придумать сами. Лучшему варианту — приз редакции.

Контактный телефон: 285-88-68.

Вместе с новыми загадками вы увидите те, над которыми корпели дедушки и бабушки, а может, и их родители, читая наш журнал в далеком 1929 году. Ответы публикуются в следующем номере.

НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ

Перенесите на кальку (или прозрачную бумагу) этот квадрат, разрежьте его на шестнадцать маленьких квадратов и опять сложите уже пятнадцать квадратиков, как показано на чертеже.

Жирные линии обозначают реки, на которых стоят указанные города. Читателям предлагается, передвигая квадратики в любом направлении на свободную клетку, получить несколько непрерывных линий-рек со стоящими именно на этих реках городами из числа указанных на чертеже. Например: квадрат с линией, на которой указан Париж, обозначает часть реки Сены. При решении задачи должна получиться непрерывная линия реки Сены, составленная из рядов квадратиков, причем на этой линии будут находиться города, стоящие на реке Сене. Перескакивать через квадратики нельзя.

Как это сделать в минимальное число передвижений?

РУССКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

В горизонтальных клетках напишите фамилии шести российских адмиралов и одного капитана, чья деятельность связана с географическими открытиями и исследованиями Мирового океана. Если вы правильно отгадаете фамилии, то в выделенных клетках по вертикали образуется фамилия еще одного русского ученого-моряка, известного своими работами в Аральском море. Для облегчения разгадки слева указаны даты экспедиций, принесших известность отечественным мореплавателям.

1725 — 1730, 1733 — 1741

1803 — 1806

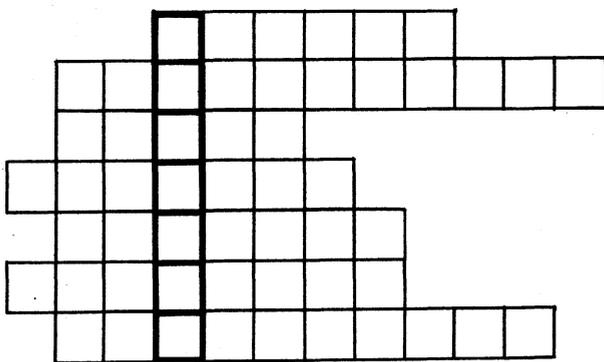
1817 — 1819, 1821 — 1824, 1826 — 1829

1819 — 1821, 1822 — 1824

1881, 1886 — 1889

1807 — 1809, 1817 — 1819

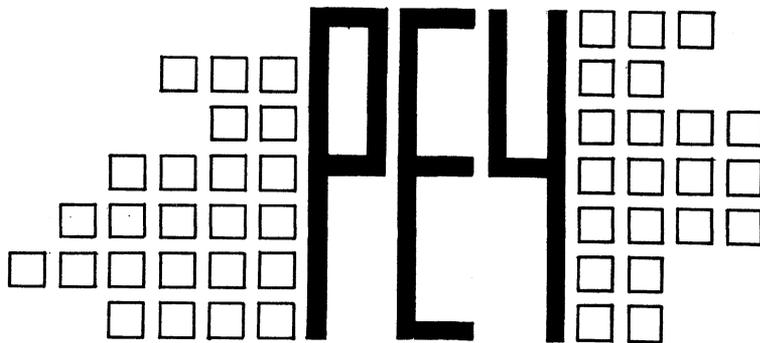
1849 — 1855

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

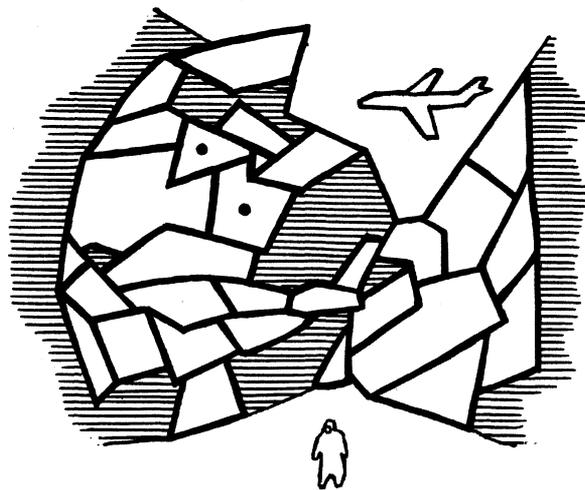
Названия наших городов, поселков, деревень часто связаны с нарицательными существительными, обозначающими географические объекты. К подобным названиям или — как говорят ученые — топонимам, относятся и такие, что включают в себя суффиксы «-рек-», «-рец-», «-реч-». Это не удивительно, ведь населенные пункты возникали и возникают, как правило, у источников воды. Географические названия только напоминают об этом. В нашей топонимической загадке собрано несколько названий, объединенных общим суффиксом. Узнаете ли вы их?

1. Город на Днепре. 2. Один из древних центров мировой цивилизации. 3. Город на юге приполярной области в европейской части России. 4. Город в Краснодарском крае. 5. Город в Кузбассе. 6. Деревня и железнодорожная станция к северу от Томска, также район Петербурга, связанный с именем великого русского поэта. 7. Историческая область в Казахстане.

ПОДАРОК ЯПОНЦЕВ

Одной организации японскими рабочими была прислана в подарок картина, нарисованная тушью. Рисунок с фотографии этой картины мы здесь приводим. На картине были нарисованы римские цифры и буквы, но никаких указаний, что они означают, дано не было. Рабочие решили, что буквы и римские цифры представляют собой зашифрованную надпись, которую японцы не хотели написать открыто. Их это весьма заинтересовало, и они дружно принялись за расшифровку. Предлагаем читателям прочесть надпись на картине.

«ПОЛЯРНИК В БЕДЕ»

Ночью льдина, на которой находилась дрейфующая станция, раскололась. Неширокие пока трещины пересекли ее (смотрите рисунок). Полярники срочно вызвали самолет. Медлить нельзя. Необходимо за наименьшее число ходов попасть к самолету. «Ходом» считается перепрыгивание через трещину. Важное условие: по пути к самолету полярник должен обязательно зайти в научную лабораторию за журналом наблюдений и в штабную палатку за документами.

ОКЛЕВЕТАННЫЙ НЕРОН

Ален ДЕНО,
французский историк

Рис. Ю. СЕМЕНОВА

На мощной дороге, совсем рядом, послышался дробный стук конских копыт. Нерон встал и едва слышно выговорил строчку из Гомера:

«Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает...»

Он схватил два меча. С помощью своего советника по прошениям Эпафродита он вонзил себе в горло один из мечей.

Кавалькада приближалась. Центурион, соскочив на землю, попытался остановить кровь, хлынувшую из раны, зажав ее плащом. Нерон знал, что сенату, постановившему засесть его насмерть, он был нужен живым. Он только и вымолвил:

— Слишком поздно.

Голос его осекая. Но сколько горечи было в его последних словах:

— Вот она, ваша верность...

«И...» — пишет Светоний, — (он) испустил дух. Глаза его остановились и выкатились, на них ужасно было смотреть».

Нерону было немногим более тридцати лет. Правил он тринадцать лет и восемь месяцев. О нем уже сложили легенду как о самом страшном из чудовищ, каких когда-либо носила земля. На протяжении веков легенда эта подкреплялась все более ужасающими подробностями. Во времена средневековья Нерона сделали самим воплощением зла. В немецкой поэтической хронике XII века он представлен «самым жестоким из людей, которых когда-либо рождала мать».

Его предали посрамлению еще римские писатели — Тацит, Светоний, Кассий Дион. Средневековые сочинители только «подлили масла в огонь». А популярный роман «Quo Vadis»*, не раз выходивший на экраны, окончательно закрепил образ Нерона в созна-

нии публики как личности в высшей степени презренной.

Разве не он убил свою родную мать? Разве не он отравил Британика, своего сводного брата? Разве не он потехи ради учинил в Риме страшный пожар? Не он ли обвинил в поджоге ни в чем не повинных христиан и обрек их на жесточайшие муки? Это всего лишь некоторые из преступлений, вменяемых в вину Нерону.

Минуло два тысячелетия, но никто даже не подумал опровергнуть эти на первый взгляд бесспорные обвинения. И лишь недавно стали раздаваться голоса, вносящие явный диссонанс в звучание согласного хора. Некоторые историки — и среди них прежде всего Жорж Ру и Жиль-

* «Quo Vadis» — «Камо грядеши», знаменитый исторический роман польского писателя Генрика Сенкевича (1846 — 1916) о преследованиях христиан при Нероне. Здесь и далее примечания переводчика.

Полностью книга А. Деко «Великие загадки истории» выходит в издательстве «Мистерия» Общества по изучению тайн и загадок Земли в 1993 году.

бер-Шарль Пикар — решились поставить неожиданный вопрос: а что, если Нерон был оклеветан?

Мессалина, жена императора Клавдия, родила ему сына. Счастливым Клавдий нарек его Британиком — в честь победы над Британией. Распутство Мессалины было — и осталось — притчей во языцех. В довершение всего она, при живом-то Клавдии и даже не будучи разведенной с ним, умудрилась выйти замуж за своего любовника Силия. Она, видно, полагала, что император простит ей и это безумство. Но он не простил. Ввергнутая в смятение, Мессалина велела принести ей кинжал и уже приставила его острие к своей шее. Однако мужество оставило императрицу, и в последнее мгновение кто-то из челяди отвел ее руку с кинжалом — в данном случае руку смерти.

В ту пору Клавдию было пятьдесят восемь лет. Он объявил своим войскам: «Увы, я всегда был несчастлив в браке, посему даю обет безбрачия на всю оставшуюся жизнь. И ежели я нарушу обет сей, вы будете вправе низвергнуть меня».

Не успели слова его как следует запечатлеться в сознании воинов, как он, не теряя времени даром, обручился со своей племянницей Агриппиной. Однако не надо думать, что это юное создание, отдавшее себя похотливому старику, было воплощением чистоты и добродетели. Агриппина доводилась внучатой племянницей Тиберию. Она была изнасилована своим родным братом Калигулой, как, впрочем, и две других ее сестры. После того как Тиберию стало известно об этом, он разлучил сестер с братом и поспешил выдать их замуж. Агриппина стала женой Домиция Агенобарба, который был старше ее на двадцать пять лет. Отпрыск процветающего патрицианского рода, известного своей крайней жестокостью, он, по свидетельствам историков, стяжал себе славу самого последовательного его представителя: однажды убил своего вольноотпущенника только за то, что тот не хотел пить, сколько ему велели; одному римскому всаднику выбил глаз за его слишком резкую брань; сознательно задавил мальчика, оказавшегося на его пути; наконец, делил ложе со своей сестрой. От Агенобарба у Агриппины родился сын — Нерон. Нерону было три года, когда Агенобарб скончался от водянки. Агриппина, осушив слезы, поспешила выйти замуж за богатого патриция Пассиена Криспа. Сей бравый молодец тратил золото направо и налево ради одной цели: он мечтал видеть Агриппину самой восхитительной женщиной Рима. Однако Агриппина, выросшая и обретшая зрелость рядом с жестоким властителем, думала только о власти. После смерти Мессалины она прознала, что император Клавдий собирается жениться снова. Тут, как нельзя более кстати, ушел из жизни Пассиен Крисп — молва утверждала, будто его отравила собственная жена. Правда это или нет, неизвестно, но путь к императорскому венцу для Агриппины был расчищен.

Брак Агриппины с Клавдием, рассказывает Тацит, «вывился причиною решительных перемен в государстве: всеми делами Римской державы стала управлять женщина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке».

Достигнув своей цели, Агриппина возжелала большего. Чего же? Она хотела, чтобы право на трон перешло к ее сыну Нерону, а не к Британику, последнику Клавдия. Первым делом она попросила у Клавдия для Нерона руки его дочери Октавии. Потрясенный Клавдий все же обручил молодых людей. Дело в том, что Октавия уже была помолвлена. Однако Агриппина обвинила ее жениха Юния Силана в преступной кровосмесительной связи — она знала, что делала. После того как Силан предстал перед сенатом, он был вынужден покончить с собой. После его смерти была отпразднована помолвка Нерона с Октавией. А их свадьба, принимая во внимание возраст жениха и невесты, состоялась лишь четыре года спустя — в 53 году. Так Нерон стал пасынком и одновременно зятем императора. А поскольку по материнской линии он был прямым потомком Августа, то вполне мог претендовать на императорский престол. Но как же Британик, ведь он стоял на пути Нерона? Агриппина никак не могла решиться умертвить родного сына Клавдия. Она поступила по-иному. Клавдию пришлось усыновить Нерона. Самый слабый из императоров во всем положении на будущее: пусть сама судьба решит, кто из двух его сыновей — законный или приемный — займет его место на троне.

Судьбой этой стала Агриппина. Путем бесконечных интриг она сделала все, чтобы превознести Нерона. Ей хотелось, чтобы народ возлюбил его. Все случилось так, как она и задумала. Рим совсем забыл про Британика. У всех на устах был только один Нерон.

Поначалу Клавдий смотрел на это сквозь пальцы. Казалось, он утратил любовь, которую питал прежде к своему сыну Британику. Но только казалось. В один прекрасный день его словно подменили. Безвольный Клавдий вдруг сделался решительным: большую часть времени он стал посвящать Британику и всякий раз, встречая Британика, обнимал и целовал его. От ближайшего окружения Клавдия Агриппина узнала, что император собирается развестись с ней, облачить Британика в одноцветную тогу* и провозгласить его своим наследником. Почуввав великую опасность, Агриппина решила действовать: она встретила с Лукустой, известной в Риме изобретательницей ядов, которая была родом из Галлии. Лукуста передала матери Нерона склянку с ядом, и та собственноручно подмешала отраву в грибы — излюбленное лакомство Клавдия. Едва Клавдий прикоснулся к блюду, как почувствовал себя плохо и потерял сознание. Императора унесли в его покои и уложили на ложе. Понемногу

* Тога, которую юноши носили с 16 лет, была знаком возмужания.

он пришел в себя, и у него началась обильная рвота. «К тому же,— рассказывает Тацит,— приступ поноса доставил ему видимое облегчение». Агриппина тотчас же велела кликнуть лекаря Ксенофонта. Тот, желая вызвать у Клавдия рвоту, воспользовался гусиным пером, как обычно поступали в подобных случаях. Однако, прежде чем ввести перо Клавдию в горло, он смочил его кончик в яде. Действие яда было мгновенным: у Клавдия разом «отнялись язык и слух, и он скончался».

Уластить сенат и армию большого труда не составило. Однако за верность Нерону воины потребовали по 15 тысяч сестерций на человека. Для этого потребовалось собрать сумму, равную более чем два миллиона франков. После того как армия получила все, что ей причиталось, она приветствовала Нерона кличем:

— Да здравствует император Нерон!

Так же умилостивили и сенат — после долгих рабопенных речей Нерон был провозглашен императором. Сенаторы даже не побоялись наречь его «отцом нации». Однако, по совету Сенеки, Нерон отклонил столь великую для себя честь, сославшись на то, что семнадцатилетнему юноше не пристало носить такой высокий титул. Его скромность произвела на сенат самое благоприятное впечатление.

Так осуществилась мечта Агриппины. Сын ее стал императором. Она теперь могла вершить судьбой империи. Она действительно встала у кормила власти. Но власть свою удерживала с помощью террора. Отныне всех, кто был ей неугоден, Агриппина предавала смерти, а начала она со своей золовки Домиции, одно время воспитывавшей Нерона.

А что же Нерон? Быть может, «чудовище» уже проснулось в нем? Нет, пока еще час его не пробил. Он заявлял, что его правление будет царством мира и справедливости. И говорил это вполне чистосердечно. Когда однажды Сенека дал ему на подпись указ о казни двух разбойников, Нерон в сильном волнении воскликнул: «О, если бы я не умел писать!»

Нерон с детства увлекался поэзией, живописью и театром, дружил с актерами и сам сочинял поэмы. Светоний рассказывал, что «держал в руках таблички и тетрадки с самыми известными его стихами, начертанными его собственной рукой». Действительно ли эти стихи были написаны Нероном? «Видно было,— продолжает Светоний,— что они не переписаны с книг или с голоса, а писались тотчас, как придумывались и сочинялись,— столько в них помазок, поправок и вставок». Некоторые из этих стихов, пронизанных духом эллинизма, дошли до нас. Нерон боготворил Элладу. Он жил ее легендами и героями. Кроме того, он брал уроки пения и смело выносил на суд публики свои собственные вокальные сочинения. Как всякий профессиональный певец, он берег голос — избегал сквозняков и по несколько раз на дню делал специальные полоскания. Нерон увлекался

и архитектурой — его Золотой дворец в Риме приводил современников в восхищение. Слава о нем, как о покровителе искусств, пережила века.

Однажды Нерон собрал своих самых близких друзей, чтобы отметить праздник Сатурналий. Среди приглашенных был и Британик. Каждому из гостей надлежало показать себя в каком-то определенном жанре — поэзии, пении либо танце. И вот настал черед Британика. «Тот,— рассказывает Тацит,— твердым голосом начал песнь, полную иносказательных жалоб на то, что его лишили родительского наследия и верховной власти». Это был отрывок из Цицерона:

С рождения отвергнут я судьбою.

*Известно ль вам, что я на трон был
с детства наречен?*

*Отныне ж я могущества, богатства и
власти,*

Как видите, фортуну лишен...

Нетрудно догадаться, какое впечатление эта песнь произвела на гостей и в первую очередь на Нерона. Историки не единожды утверждали, что, заслышав ее, Нерон, охваченный слепой ненавистью, решил раз и навсегда свести счеты с Британиком. Следующие две недели юноши были неразлучны. Возможно ли, чтобы император, которому в ту пору было всего лишь семнадцать лет, оказался способен столь искусно скрывать свои злонамерения? В самом деле, все это время он всячески облакивал Британика, но в особенной манере. Как говорит Тацит, «в течение нескольких дней перед умерщвлением брата Нерон неоднократно подвергал надругательствам его отроческое тело». Что было потом — хорошо известно: Нерон призвал на помощь Лукусту, ставшую к тому времени «официальной» семейной отравительницей, и получил от нее сильный яд. На обеде, в присутствии Нерона, Агриппины и большого числа приглашенных, Британику подали отравленное питье. «Так как его кушанья и напитки,— рассказывает Тацит,— отведывал выделенный для этого раб, то, чтобы не был нарушен установленный порядок или смерть обоих не разоблачила злодейского умысла, была придумана следующая уловка. Еще безвредное, но недостаточное острое, уже отведенное питье передается Британику; отвергнутое им, как чрезмерно горячее, оно разбавляется холодной водой с разведенным в ней ядом, который мгновенно проник во все его члены, так что у него разом пресеклись голос и дыхание».

Однако, как всем было известно, Британик страдал падучей. И Нерон, когда его уносили, успокоил гостей, сказав им, что у Британика, дескать, случился очередной припадок. Некоторое время спустя объявили, что Британик умер. Так Нерон совершил свое первое преступление. Одно из самых ужасных. И все же тот факт, что Британик был отравлен, вызвал у Жоржа Ру сомнения. По его словам, «есть все основания полагать, что история убийства Британика — чистая выдумка». Какими же его доказательства?

Историю эту повели нам Светоний и Тацит, но описали они ее спустя пятьдесят лет после случившегося — когда Нерона уже клеймили все кому не лень. Современ-

ники же императора: Сенека, Петроний, Виндекс, Плутарх — не упоминают об этом вовсе. Да, они обвиняют Нерона в том, что он убил свою мать. Но об убийстве Британика они не говорят ни слова. Если бы Нерон хотел избавиться от Британика, зачем ему было это делать у всех на глазах? Он мог сослать его в отдаленную провинцию и поручить верным людям там его и убить. Если бы Нерон замыслил отравить Британика, почему он не предпочел прибегнуть к медленнейшему яду, чтобы постепенное угасание брата больше походило на естественную смерть? В самом деле, с такими замечаниями нельзя не согласиться. Но Жорж Ру не ограничивается только этим. Он приводит слова Тацита: «...едва Британик пригубил кубок, как у него разом пресеклись голос и дыхание». По Тациту выходит, что Британик упал замертво. Иными словами, для его умерщвления был использован «быстродействующий яд». Прошло уже двенадцать веков, но никто так и не поинтересовался, был ли древним римлянам известен такой сильный яд? Этот вопрос заинтересовал Жоржа Ру. Он опросил многих химиков и токсикологов. Их ответ был однозначным: «Римлянам был неизвестен яд, способный вызвать мгновенную смерть». Так считают доктор Раймон Мартен и профессор Кон-Абрэ. По мнению доктора Мартена, «мгновенная смерть Британика очень напоминает аневризму сердца, часто наблюдаемую во время эпилептических припадков».

Как известно, у обывателя бьют некое предубеждение против сильных мира сего, они для него порочны вне сомнения. И убийство Британика его сводным братом восприняли как дело очевидное, тем более что в роду Цезарей родственники умерщвляли друг друга с легкостью. Однако эта «очевидность» не выдерживает самой элементарной проверки логикой.

Кто посмел бы оспаривать право Нерона на римский престол? Ни у кого и в мыслях этого не было, тем более что римляне боготворили своего императора. Современные историки единогласно утверждают: в первую треть правления Нерона Рим процветал как никогда. Первым делом Нерон занялся улучшением благосостояния своего народа. Он упразднил или сократил часть обременительных податей. Жителям Рима rozdal огромную сумму денег — по четыреста сестерций на человека. Обедневшим сенаторам и знати назначил пожизненное пособие. По наущению Сенеки и Бурра он внес значительные поправки в законодательство и систему управления.

И вместе с тем трудно представить себе Нерона, прогуливающегося по городу и приветствующего по имени всех сенаторов, какие попадались ему навстречу. С юных лет он страдал ожирением, однако за всю жизнь болел только три раза. Но внешне он выглядел нездоровым: одутловатое лицо, толстая шея, живот и маленькие глубоко посаженные глаза, выражающие тревогу и растерянность. А также полное безволие. Конечно, во внешнем облике Нерона, как в зеркале, отражалась главная его драма — этот безвольный че-

ловек сосредоточил в своих руках безграничную власть.

Смелости ему не доставало, как и воли. Как пишет Жильбер-Шарль Пикар, Нерон дрожал по всякому поводу — сначала перед матерью, потом перед своими воспитателями, наконец перед сенатом, народом, армией, зрителями в театре, судьями на состязаниях, рабами и женщинами. Легенда утверждает, будто Нерон убивал удовольствия ради. Но это неправда. Он убивал потому, что боялся. Он хотел отменить смертную казнь в армии, задумал изменить правила гладиаторских боев так, чтобы гладиаторы бились не на смерть. Но, когда его охватывал страх, он убивал, точно загнанный зверь.

Именно так он решился на одно из самых ужасных преступлений — убил свою мать. По словам Тацита, для Агриппины злодейство как таковое давно уже было не в диковину. Она отравила своего второго мужа. По ее приказу была зарезана ее соперница — Лоллия Павлина; она обрекла на смерть свою зововку Домизию Лепиду, убила воспитателя Британика Сосибия, отравила своего третьего мужа Клавдия; по ее велению был убит ближайший советник Клавдия Нарцисс. Злодеяния матери повергали Нерона в ужас — он страшился ее и одновременно восхищался ею. Мало-помалу он ограничил ее власть, которую она сама себе предоставляла. Но Агриппина не желала смириться с этим. Чтобы вернуть былую власть — материнскую и императорскую, — она отдалась сыну. Ее расступство не могло остаться незамеченным. Вскоре Рим узнал об их страшной связи. В этом великом городе уже давно привыкли ничему не удивляться, но на сей раз изумление граждан переросло в гнев. Вольноотпущенница и наложница Нерона Акта открыла ему глаза на им содеянное, и он, осознав чудовищность своего поведения, проклял Агриппину. В конце 55 года Нерон велел ей покинуть дворец и отправиться жить на роскошную виллу Антония. Однако он лишил ее охраны, так что Агриппина осталась под защитой лишь нескольких преторианцев из императорской гвардии. Это означало, что она попала в немилость.

Покорность, как мы уже видели, не была свойственна Агриппине. Сойдясь с недругами сына, она вновь затеяла интриги и стала готовить заговор против императора. Но Нерон вовремя опередил ее. «В конце концов,— пишет Тацит,— сочтя, что она тяготит его, где бы ни находилась, он решает ее умертвить».

Первая попытка, однако, не удалась: галера, на которой она находилась, затонула, как и было задумано, но Агриппина хорошо плавала, и ей удалось добраться до берега. Позже убийцы, нанятые Нероном, проникли прямо к ней в покои. Завидев их, она встала и, смерив взглядом предводителя, сказала ему:

— Если ты прибыл за вестями, можешь передать, что со мною все в порядке. Если же ты пришел, чтобы совершить злодеяние, знай, я не верю, что мой сын способен на это. Он не мог приказать тебе убить свою мать.

Отвечом ей было молчание. Тягостное молчание. Один из убийц приблизился к Агриппине и ударил ее по голове тяжелой дубиной. Агриппина рухнула наземь и

увидела, как центурион вытаскивает из ножен меч. Тогда она разорвала на себе тунику и, представ перед убийцей голой, проговорила:

— Поражай чрево! Там я носила Цезаря!

Ее добила несколькими ударами меча. На сей раз никто из историков не пытался оправдать Нерона. Нисколько не умаляя его вину, они объясняли, что такковы были нравы того времени. А римляне, крайне осуждавшие кровосмешение, ничуть не возмутились, узнав об убийстве Агриппины. Напротив, сенат даже поздравил Нерона с ее смертью.

К супруге своей Октавии, к браку с которой его принудила Агриппина, он не испытывал ничего, кроме отвращения. Вероятно, она была глупая и безобразная. Он развелся с нею и взял в жены женщину, которую любил, — Поппею, а Октавию сослал на крохотный островок Пантеллерико, где ее вскоре постигла смерть. Нерон женился на Поппее через три недели после развода с Октавией, и спустя девять месяцев Поппея родила ему дочь. Радость Нерона была велика, но не меньшим было и его горе, когда, прожив всего лишь четыре месяца, маленькая Агриппа умерла.

По причинам, вполне объяснимым для современных психоаналитиков, Нерон проникся лютой ненавистью к Поппее. Однажды, когда между ними вспыхнула бурная ссора — Поппея тогда вновь была беременна, — он убил ее, как говорят, ударом ноги в живот.

Что же произошло с Нероном, ведь в начале своего правления он отличался мягким и миролюбивым характером? Он стал предаваться чудовищному распутству, не зная в этом удержу, его всегда окружали фигляры, готовые потакать самым гнусным его прихотям. Главной его забавой были цирковые представления. Для удовлетворения своих патологических страстей он каждый день искал новых, все более изощренных развлечений. Как-то раз один из его приближенных бросил при нем фразу, вошедшую у римлян в поговорку:

— Когда умру, пускай земля огнем горит!

Нерон тотчас же возразил ему:

— Нет, пока живу!

Если верить латинским авторам, однажды, после грандиозной попойки, он велел поджечь Рим с четырех сторон, а сам наслаждался «великим пламенем, напоминавшим крушение Трои». Вину за это преступление он без всякого зазрения совести возложил на маленькую колонию христиан, проживавших в Риме. Тацит рассказывает, что «их распинали на крестах или, обреченных на смерть в огне, поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения». Потомки тоже были совершенно уверены: пожар в Риме устроил сам Нерон. Но им опять возражают современные историки. Леон Гомо, Жерар Вальтер и Жорж Ру считают, что вина Нерона здесь недоказуема.

В данном случае главным обвинителем выступает Тацит. Однако его свидетельство о гонениях на христиан дошло до нас в виде рукописи XI века. Профессор Ошар,

с филологического факультета Бордоского университета, задался вопросом: а что если в свое время правверные монахи просто-напросто взяли и приписали к рассказу латинского историка о тех трагических событиях свою, захватывающую, версию? Ведь, как точно известно, в то время, когда разразился пожар, Нерона в Риме не было. Он находился на побережье, в Антии, что в пятидесяти километрах от Рима. Быть может, он отдал приказ о поджоге города неделей раньше? В таком случае, неужели ему не хотелось лично проследить за осуществлением столь хитро задуманного плана? Тем более что утверждают, будто этим пожаром Нерон желал доставить себе эдакое эстетическое наслаждение. Выходит, Нерон, страстный собиратель бесценных сокровищ, поджег город, лежавший у подножия его дворца, рискуя, что загорится и его собственный дом, битком набитый всякими ценностями, как, впрочем, и случилось? Леон Гомо отмечает: «Ночь накануне пожара выдалась лунная — обстоятельство не очень-то благоприятное для осуществления замысла Нерона». В конечном итоге все предположения на этот счет основаны на сообщении Плиния, утверждавшего, что в Риме были вековые деревья, которые «простояли до пожара, случившегося при прищипке Нероне». И ничего более. Светоний, однако, уточняет: «Виновником бедствия был Нерон». Но о самом Светонии профессор Вильгельм Голлаб говорит так: «Он соглашается и со слухами, и с фактами... Ему совершенно несвойственен аналитический подход, которым должен обладать настоящий историк... К его свидетельствам следует относиться с крайней осторожностью».

Однако бывает еще мнение, что с помощью огня Нерон хотел очистить Рим от трущоб. На самом же деле от пожара больше всего пострадали самые красивые кварталы. А Трастевер, со всеми его нечистотами, остался совершенно нетронутым. Пожар начался с построек, примыкавших к цирку. В этих постройках жили люди. Неужели они могли со спокойным сердцем взирать, как огонь пожирает их жилища, не предпринимать никаких мер по его тушению и не требовать наказания виновного? «В этом случае, — говорит Жорж Ру, — должен был возникнуть страшный переполох, люди узнали бы, кто это сделал, и непременно сообщили властям». Самым удивительным в этой истории кажется отношение римлян к происшедшему. После пожара они восторженно приветствовали Нерона, который в эти дни был сам не свой. Если бы население было убеждено в виновности императора, неужто оно стало бы его восхвалять?

Авторитетный историк Леон Гомо пришел к следующему заключению: «Виновность Нерона кажется невероятной».

Не менее спорным выглядит и обвинение, выдвинутое Нероном против христиан, и то, что он их жестоко преследовал. Ученые и специалисты опровергли свидетельства о характере казней, которым они подверглись, с чисто научной точки зрения. Дело в том, что распятые на крестах и подожженные человеческие тела не могли гореть как факелы. Они должны были медленно обугливаться.

После бедствия Рим был отстроен заново. Справедливости ради следует сказать, что возрождение отца городов является примером величайших достижений в области градостроительства. Самый прекрасный в то время город возродился буквально из пепла. Подлинным архитектурным шедевром в нем был дом Нерона — Золотой дворец. Работы по восстановлению Рима способствовали процветанию всей империи: поднялась цена на землю, появилось множество новых ремесел, каждый житель империи был обеспечен работой. Тем не менее античные авторы, обвинявшие Нерона во всех смертных грехах, старались обойти вниманием тот положительный опыт, который был накоплен во время его царствования.

Как бы то ни было, а в империи уже зрело недовольство — вместе с чернью роптала и знать. Помпезные выступления Нерона в цирке и амфитеатре вызывали неприязнь в высших слоях общества. Заканчивая читать поэмы, Нерон смиренно преклонял колено перед толпой, со страхом ожидая приговора современников. И приободрился лишь после того, как публика приветствовала его громом оваций. Однако аплодировала ему начинали специально подобранные для этой цели люди. И горе было тому, кто дерзнул бы остаться равнодушным к его выступлению. Однажды во время одного такого представления, когда Нерон читал свои стихи, кто-то из зрителей заснул. Его грубо растолкали и приготовились воздать ему по заслугам. Однако зритель оказался высокого звания — только это и спасло его от неминуемой смерти. Его звали Веспасиан. В один прекрасный день судьба сделала его императором.

Первый заговор, зачинщиком которого выступил Пизон, один из приближенных императора, был Нероном раскрыт. В отместку он пролил потоки крови. Среди несчетного числа его жертв оказались Петроний, Трасей, Сенека, Лукан. Однако беспрерывные казни не остановили врагов Нерона. Пропретор Галлии Виндекс и наместник в Испании Гальба объявили о своем неподчинении императору. Вслед за тем события развивались очень быстро. Часть империи провозгласила императором Гальбу. На его сторону встали сенат и преторианцы. Низложенный общим постановлением сената, всеми покинутый, Нерон бежал из Рима и скрылся во владениях своего вольноотпущенника Фана. Однако Нерон знал, что его уже ищут и непременно найдут, чтобы казнить по обычаю предков. Когда он спросил, что это за казнь, ему ответили, что «преступника раздевают донага, голову зажимают колodкой, а по туловищу секут розгами до смерти».

Узнав, что его ожидает, Нерон решил избежать уготовленного ему позора. Он велел вырыть для себя могилу, причем сам при этом присутствовал. То и дело он повторял:

— Какой великий артист погибает!

Когда всадники были уже совсем близко, он вонзил себе в горло меч.

Перевел с французского И.АЛЧЕЕВ

青符王爺

ПРЕОДОЛЕВШИЕ БОЛЬ

Диаспора любого народа — то есть представители его, рассыпанные по всему миру, — явление очень интересное с многих точек зрения. Особенно такая многомиллионная диаспора, как китайская. Зачастую бывает, что именно там сохраняется старинный язык и многие забытые на исторической родине обычаи. Мало ли что там не происходило на старой родине! В Китае — и войны, и революции, особенно «культурная революция». Но — самое главное — на родине не нужно никому, а прежде всего самим себе доказывать, что ты — нитаец, знающий и ценящий обычаи и привычки своего народа.

Странноватый для непосвященных обычай протыкания пиками щек в один из храмовых праздников издавна существовал в провинции Гуандун, а именно оттуда родом значительная часть хуацяо — нитайцев, живущих в странах Юго-Восточной Азии. Протыкатели долго тренируются и исполняют обряд, не проливая ни капли крови и даже столь непринужденно улыбаясь, словно ничего, кроме удовольствия, это им не доставляет.

В родном Гуандуне еще гоминьдановцы запрещали эту народную забаву как феодальный пережиток. Впоследствии запреты в Китае усилились, а когда жить стало посвободнее, оказалось, что мастеров пика с тренированными щеками почти не осталось.

Зато тайландские (бирманские, малайзийские, индонезийские и пр.) нитайцы ежегодно в октябре собираются в храм в город Пукет: кто поглазеть (их больше), а кто и пикну взять (в щелку).

Если гуандунские гуандунцы захотят возродить свой исконный обычай, они всегда смогут поучиться у гуандунцев зарубежных: там все исконное исконнее...

В ЦЕНТРЕ МИРА, ИЛИ НА РОДИНЕ НАСРЕДДИНА- ХОДЖИ

Весь день небо было затянуто серой пеленой. Стало прохладно и безлюдно. Унылые безлесные степные плоскогорья с выгоревшей травой нагоняли тоску. Клонило ко сну...

Вдали показался пост ТРФ — турецкого эквивалента нашей ГАИ. Инстинктивно приготовился к худшему, ибо по прошлому водительскому опыту знаю: встречи с подобными служ-

бами особых радостей не приносят.

С турецкими «хозяевами дорог» мне еще не приходилось сталкиваться. Такие ли они, как и наши? На всякий случай, чтобы не дать времени дорожным блюстителям порядка придумать предлог, дабы придрататься к нам, остановились сами и «атаковали» их вопросами, памятуя, что лучшая защита — это нападение.

Но, как убедились, здесь совсем

иной «климат», и здешние «гаишники», в которых водители привыкли видеть своих извечных противников, совсем не собирались останавливать нас и вовсе не были противниками автомобилистов. Даже наоборот.

Полицейские любезно ответили на наши вопросы, надавали кучу советов и вообще проявили живейший интерес к нам и особенно к нашей стране. Уже несколько минут беседы убедили меня: это простые, бескорыстные и добрые парни, добросовестно выполняющие свой служебный долг, что в то же время не мешает им быть отзывчивыми, веселыми и улыбчивыми. Гостеприимные полицейские пригласили нас в свой пост выпить по стаканчику чая и продолжить разговор там...

После этой мимолетной встречи мне показалось, что и небо вроде просветлело, и теплее стало, и природа улыбнулась... И словно промелькнула тень того веселого человека, который, как считают турки, когда-то здесь жил.

Мы приближались к городу Сиврихисар. Окрестности очень живописные — скалистые горы, ошестившиеся к небу острыми зубьями. Издали я было принял их за древние крепостные стены. По видимому, город и назван «Сиврихисар», что в переводе означает «крепость с заостренными стенами». У въезда в город, слева от шоссе, неожиданно увидели памятник — на осле восседает старик в широкополой шляпе, вонзивший длинную палку в земной шар, на котором написано: «Дюньянын меркези бурасыдыр» («Центр мира здесь»).

Я ждал этой встречи и поэтому сразу догадался: это легендарный Насреддин-ходжа...

Вспомнился анекдот. Насреддину был задан коварный вопрос, на который, казалось, невозможно было ответить: «Где находится центр поверхности Земли?» — «Здесь, — ответил Ходжа, воткнув свою палку в землю. — Если не верите, можете убедиться в моей правоте, измерив расстояния во все стороны...»

Но почему этот памятник установлен именно здесь? Сворачиваем в город и в отеле, который так и называется «Насреддин-ходжа», узнаем, что, оказывается, одна из соседних деревень является — ни больше, ни меньше — родиной любимца турок.

Это еще больше разожгло наше любопытство. Сразу же едем в указанную деревню. Сегодня она тоже называется — Насреддин-ходжа. А в то время, когда там родился Насреддин, ее имя было Хорту.

В трех километрах от трассы, ведущей в Анкару, придорожный указатель заставил нас свернуть круто на юго-запад.

Вдоль главной улицы деревушки — побеленные глухие торцовые стены глинобитных домиков, расписанные цветными картинами-иллюстрациями к анекдотам о Насреддине. На центральной площади, которую, как и главную улицу в этой маленькой деревушке, можно так именовать лишь условно, установлен небольшой памятник. На постаменте надпись, свидетельствующая, что здесь в 1208 году родился Насреддин и жил до 60 лет. Умер в 1284 году в Акшехире...

Староста указал нам узкую кривую улочку, где одной машине не проехать, — именно там был домик Насреддина. Хибарки тесно ютятся, прижавшись друг к другу. Вросшие в землю стены без окон, словно придавленные непосильным грузом времени слепые старцы, напудрились побелкой, которая, вопреки их чаяниям, не скрыла возраста, а, напротив, еще более проявила морщины. Такие же жалкие и вызывающие сострадание кривые двери, ворота покосились и сморщились от старости и болезней... Некоторые дома были в два этажа; вторые этажи косялыми лоджиями нависли над кривыми крутоулочками.

Жилище Насреддина отличается от других тем, что домик построен не сразу за воротами, у «красной линии», а в глубине малюсенького двора «пяточка», у задней границы участка. Стиснутый с обеих сторон соседями обветшавший домишко, сложенный из неотесанных камней, тем не менее вмещал несколько комнат и открытую веранду на втором этаже. В нижнем этаже — хозяйственные помещения и для традиционного личного транспорта Востока — неизменного осла. В пустом дворике без единого дерева сохранилась лишь

допотопная ось от тележки с деревянными сплошными кривыми колесами.

В доме давно уже никто не живет, и он пришел в полное запустение. Однако, говорят, в знак благодарной памяти славному Насреддину в его родной деревне построят новый, достойный его добротный дом на главной площади. А то селянам стыдно, что у их прославленного земляка такая развалюха... И, верно, повесят на том доме мемориальную доску с надписью: «Здесь родился и жил Насреддин-ходжа».

Такой запущенный вид его дома нас немало удивил: популярность Насреддина-ходжи достигла поистине мировых масштабов. С ростом его популярности росло и число претендентов, считавших Насреддина своим земляком. «Своим» его считают не только турки, но и многие их соседи на Ближнем Востоке, Кавказе, в Средней Азии...

...Могила Насреддина находится в городе Акшехире, километрах в двухстах южнее родной деревни. Любопытно, что дата смерти на могильной плите лукавого весельчака и шутника, как считают, умышленно указана также в шутовском духе, в его манере — задом наперед (так Насреддин-ходжа зачастую ездил на своем осле) — то есть 386, вместо 683, что соответствует 1008 году по нашему летосчислению. Но... получается тогда, что умер он раньше, чем родился! Правда, такого рода «неувязки» не смущают поклонников любимого героя.

Я поинтересовался у жителей Насреддина-ходжи, не осталось ли здесь случайно кого-либо из потомков Великого шутника. Оказалось, потомки есть. Не прошло и пяти минут, как соседи, не колеблясь, представили нам прямых потомков Насреддина, которых мы и запечатлели на фоне исторического жилища ...

С и в р и х и с а р

ФЕНЕК — СОЛНЦЕПОКЛОННИК

Песчаные лисы стали все реже встречаться в дикой природе. Они затерялись в бесконечном пространстве своей, так сказать, экологической ниши. При этом фенек, как называют песчаную лису на ее североафриканской родине, совсем не пугливый и довольно игривый зверек. Маленький шустрый разбойник, способный выжить в тяжелейших условиях пустыни, быстро привыкает и к иному способу существования, в том числе к жизни рядом с человеком.

Уве Георге, репортер журнала «Гео», неоднократно бывавший с экспедициями в Сахаре, двенадцать лет держал у себя дома фенека. За это время он успел хорошо изучить повадки и нрав животного и подружиться с ним. Вместе с Гансом Герольдом Лаукелем, автором уникальных фотографий фенек, он сопоставлял потом свои домашние наблюдения с полученными во время экспедиций в самые засушливые уголки Сахары.

Уве Георге вспоминает:

«Две золотистые, под цвет песка, тени — одна большая и другая поменьше — прошмыгнули у моих ног. Маленькая юркнула в норку, а большая осталась лежать у входа в нее, попой своей выражая крайнюю осторожность. Это была моя старая знакомая — песчаная лиса, она явно собиралась начать охотиться на свою любимую добычу — пустынного тушканчика. Однако вряд ли при этом у нее текли слюнки: как истинный обитатель Сахары, *Fennecus zerga* весьма бережливо расходует этот драгоценный эликсир жизни.

К таким сценам я уже давно привык: охотник и добыча несколько лет жили в моем гамбургском доме».

Лиса, которую репортер поселил у себя, жила в отдельной комнате, наполненной камнями и песком, привезенными из Сахары. Под поверхностным слоем песка обитали многочисленные тушканчики; время от времени они выбирались из своих убежищ и начинали прыгать — грациозно, словно крохотные кенгуру. Входом в их норы служили небольшие дыры, сквозь которые проходили специальные трубочки — каналы отопления. Хотя фенек во время охоты использовал всю свою хитрость, чтобы схватить тушканчика: прятался, часами неподвижно сидел в засаде около норки, притворяясь спящим или совершенно равнодушным, ему редко удавалось поймать тушканчика. По мнению Уве Георге, эти разыгрываемые фенekom сцены очень походили на перипетии знаменитого мультфильма «Том и Джерри».

Песчаная лиса наиболее активна ночью. Зимой в доме у Георге она просыпалась около десяти вечера, чтобы поохотиться или отыскать пищу, которую ей приносил заботливый хозяин, — корнеплоды, салат, мучных червей, сырые куриные крылышки. После трапезы она растягивалась на песке в круге света от лампы и блаженно засыпала. Во время сна перебирала лапами, махала пушистым хвостом, облизывала нос — как во время захватывающей охоты.

Сначала в ее распоряжении был весь дом, но потом хозяину пришлось все-таки ограничить ареал своей любимицы: она сделала своим правилом по ночам будить его и приглашать с собой на охоту.

«Песчаную лису дали мне кочевники Сахары в обмен на пакет сахара, — рассказывает Уве Георге. — Человек, с которым я менялся, сказал, что он специально раскопал одну из лисьих нор, чтобы подарить живую игрушку своим детям.

Я пожалел животное, которому все время приходилось защищаться от голодных собак кочевников, и взял его с собой. Однажды фенек сослужил мне добрую службу. Это было, когда мы с женой в Африке устроились на несколько дней в общежитии одного отдаленного армейского форта. Я никогда не забуду день нашего приезда, когда поздним вечером, в одиннадцатом часу, сломался движок, который обеспечивает форт электроэнергией, и все лампочки погасли. Уже через несколько минут великолепная, торжественная тишина ночной пустыни была нарушена странным шумом в нашей комнате: послышался какой-то непонятный треск, кто-то зацарапался в углу... Шум становился все сильнее и сильнее. Когда я зажег керосиновую лампу, открылась картина просто жуткая! Тысячи огромных черных африканских тараканов кишмя кишели на каменной плите пола. Они проникли сюда, по-видимому, сквозь щель между стеной и полом. Вероятно, их притягивали злаки, которые в большом количестве хранились в нашей комнате. После первого проблеска утреннего света страшное видение исчезло. Мы решили на будущее оградить себя от подобных визитов и поселили в своей комнате песчаную лису и еще двух пустынных ежейков ей в помощь. Аппетит команды наших защитников был столь велик, что армия тараканов, наполовину съеденная, была вынуждена с позором отступить».

Во время своей экспедиции Уве

Георге так полюбил очаровательного фенека, что решил забрать его с собой в Гамбург. Там в его дом зачастили знакомые зоологи, которым не терпелось посмотреть на редкое животное. Действительно, встретить фенека на воле — редкая удача. Только дважды за все пятнадцать экспедиций Уве Георге удалось встретить фенека. В первый раз — на краю отдаленного ливанского кратера Вав Ан Намус. Из-за обилия вулканической золы пустыня там черного цвета. И вот однажды в тихую ночь терпение репортера было вознаграждено: сквозь узкую ленточку тумана он разглядел силуэт фенека на фоне черного песка — тот с любопытством вглядывался в палатки. Многие из участников экспедиции приняли его тогда за привидение...

А во второй раз он встретил песчаную лису при полной луне на краю моря дюн и песков Сахары. Было так светло, что можно было без труда читать. Фенека удалось заметить благодаря его длинной тени. Он застыл неподвижно, прислушиваясь к шуму песка, большие его уши стояли торчком. Но вот, найдя нужное место, стал быстро-быстро рыть своей острой мордочкой тоннель в верхнем слое песка. Усилия даром не пропали: внезапно он что-то схватил и жадно проглотил.

Пища песчаных лис — в основном насекомые семейства прямокрылых, которые, подобно рыбам, как будто плавая, передвигаются в текучей массе песка.

Фенек невелик ростом, его высота в холке всего 20 сантиметров. Он — самый маленький представитель семейства псовых с максимальным весом 1,5 килограмма. Но уши у него больше, чем у всех остальных собачьих. Они достигают 15 сантиметров в длину. Родина песчаной лисы — пустыни Северной Африки и Аравийского полуострова. Фенек выживает в этих аридных зонах прежде всего потому, что ему удается сохранить в организме влагу. У фенека, как и у других диких лис, нет потовых желез. Да и охотится он только ночью. Длинные уши — не только прекрасные локаторы, но и защита от палящих лучей солнца, своего рода зонтик. У фенека также большие и зоркие глаза. Он хорошо ориентируется в песках даже при слабом свете звезд, а покрытые густым мехом мягкие лапы делают его движения совершенно бесшумными. В своем подземном жилище, спрятанном обычно в земле на глубине одного метра, фенек надежно защищен от зноя. Но в зимние месяцы он переносит довольно сильные холода. Когда

экспедиция «Гео» была в Сахаре вблизи Вав Ан Намуса, стоял мороз в минус 8 градусов. А рекордно низкая температура, зарегистрированная там, — минус 15 градусов.

Уве Георге подвергает сомнению устоявшееся представление о том, что фенек ведет сугубо ночной образ жизни. Он утверждает, что его домашняя лиса, по крайней мере зимой, была самой активной «солнцеклонницей». Днем она очень часто выходила из своей норки и укладывалась в тех местах комнаты, куда падали лучи солнечного света. Ганс Герольд Лаукель как-то раз зимой в Сахаре тоже встретил семейку песчаных лис, принимавших солнечные ванны вблизи своей норы. Другая его встреча с песчаной лисой состоялась на берегу высохшего русла реки. Лиса охотилась. Как правило, фенеки делают это в одиночку. Но норы и добычу многие лисы предпочитают делить со своими собратьями. С января по март лиса активно заботится о будущем потомстве. По прошествии 50 дней она приносит до четырех маленьких слепых лисят. О малышах печется не только мать, но и отец. После первых 12 – 13 дней жизни лисята уже могут видеть, а когда им исполняется месяц — пробуют зубы на той добыче, что принесут родители, а то и на братьях или сестрах (разумеется, в игре). Через де-

вять месяцев юный фенек становится полностью самостоятельным и с большой энергией применяет все, чему научился в детстве.

Долгое время ученые предполагали, что песчаные лисы вообще никогда не пьют воды. Уве Георге опровергает и это утверждение. Он побывал с экспедицией в одном из наиболее отдаленных районов Сахары — неподалеку от плато Мангуени на севере Республики Нигер. Это плато, называемое географами также «уединенным островом», относится к наиболее сухим участкам пустыни, где дождь идет примерно раз в 100 лет. На плато возвышается гора под названием Эми Фраха. Участникам экспедиции удалось обнаружить в этом мертвом царстве мумифицированные останки голубей, ласточек, удонов и разных других более мелких пернатых. Очевидно, перелетные птицы не могут преодолеть огромную гору, встающую на их долгом и утомительном пути через Сахару. Но большинство все же стали добычей соколов, особенно ценной в этом районе потому, что птицы здесь — импортеры влаги. Их кровь и другая жидкость, которая есть в тканях, чрезвычайно интересуют не только хищных соколов, но и фенеков: следы их Георге обнаружил на вершине горы, где чаще всего ночуют перелетные птицы.

Фенек в высшей степени экономно обходится с любым видом влаги, но это отнюдь не означает, что он не ценит такое благо жизни, как вода. Домашняя лисичка Уве Георге не упускала случая с удовольствием выпить свою ежедневную порцию воды.

С тех пор, как в Северной Африке стал культивироваться туризм, для фенека, этого хитрого и в то же время доверчивого существа, наступили трудные времена, а в некоторых районах Сахары жизнь для него стала просто опасной. Фенеков принялись ловить и продавать — как сувениры. Симпатичная внешность, общительность обернулись для него злом. Кочевники, перенимая вкусы туристов, тоже стали обзаводиться забавными лисичками. Вот и Уве Георге не устоял перед этим соблазном, о чем, как пишет он сам, искренне сожалеет.

С недавних пор фенек официально взят под защиту Вашингтонской конвенцией по охране редких видов животных: тот, кто без специального разрешения будет торговать песчаными лисами или вывозить их за границу, рискует заплатить солидный штраф. Остается надеяться, что эта мера поможет ему выжить.

По материалам журнала «Гео»
подготовила
Екатерина КОСТЮКОВА

**Центр «Здоровье народа»
Международная ассоциация боевых искусств
«ШОУ ДАО»
представляют каталог своей продукции:**

1. «Боевое искусство планеты» — 92 — 812 руб.
2. «Боевое искусство планеты» — 93 — 1080 руб.
3. Абонемент № 1 (1. «Айкидо и каратэ». 2. «Славяно-горницкая борьба». 3. «Как дрались в НКВД». 4. «Русские ниндзя»
5. «Тайные кланы, язычество и рукопашный бой».
6. «150 приемов против цепи, палки и ножа».
7. «Казачий рукопашный бой».
8. «101 урок боя короткой палочкой». 9. «Восток и Запад» Рукопашный бой». 10. «Я — телохранитель» — 1820 руб.
4. Путеводитель по литературе и видеофильмам «Боевое искусство» — 988 руб.
5. Медведев А.Н. «Кунг-фу. Формы Шоу Дао» — 124 руб.
6. Медведев А.Н. «Как победить зеленого берета» — 155 руб.

7. Видеофильм «Коготь каменной птицы» — 6000 руб.
8. Видеофильм «Самооборона и нападение в УНИБОС» — 6000 руб.
9. Видеофильм «Айкидо и каратэ» — 6000 руб.
10. Видеофильм «Уловки шпионов средневековья и наших дней» — 7000 руб.

Для получения книг и видеофильмов необходимо перечислить указанные суммы отдельными почтовыми переводами (для индивидуальных подписчиков) по адресу:

105203, а/я 4, Центр «Здоровье народа». Почтовый индекс банка 105483.

На талоне к почтовому переводу в графе «Для письменного сообщения» обязательно укажите: свой адрес с почтовым индексом, Ф.И.О. и названия оплаченных книг, видеофильмов. Организации к указанным суммам доплачивают 20% НДС на р/с: 161601 корсчет в Измайловском отделении Мосбизнесбанка, МКБ «Экспресс-кредит», МФО 201423, Центр «Здоровье народа». Телефон для справок: 165-75-31. Территориальное расположение Центра «Здоровье народа» — Москва, Нижняя Первомайская, д.45.

КАК ПЛАВАЛ ИХТИОЗАВР?

До сих пор палеонтологи полагали, что ихтиозавры, населявшие океаны Земли в период между 225 и 26 миллионами лет назад, пользовались своим хвостом, подобно тому, как это делает нынешняя акула. Некоторые виды ихтиозавров достигали 15 метров в длину. Сперва считалось, что у них был длинный змееобразный хвост и веслоподобные конечности, позволявшие им влезать на сушу.

Только после находки хорошо сохранившихся скелетов в каменоломнях под Хольцмаденем (Южная Германия) стало очевидно, что хвост у ихтиозавра заканчивался большой лопастью, имевшей форму полумесяца. Хребет животного, приближаясь к нижней части этой лопасти, опускался вниз и тем самым укреплял ее. У хвоста же акулы хребет, наоборот, переходит в верхнюю часть ее хвоста. Таким образом, считалось, что хвост ископаемого работал как акулый, только «наоборот».

Описание процесса плавания у акулы обычно говорит о том, что относительно большая и прочная верхняя часть ее хвоста придает животному ускорение вперед и вверх. А голова ее при этом устремляется вниз, однако это балансируется наклонностью грудных плавников. Тем самым акулы преодолевают отрицательную плавучесть — тенденцию своего тела к тому, чтобы утонуть, — и контролируют свое положение в водной среде.

Однако подобному традиционному представлению противоречат недавние исследования, которые показали, что модель страдает излишней упрощенностью: многие виды акул в действительности обладают нейтральной плавучестью, и маловероятно, чтобы их хвост функционировал описанным образом.

Противоречие теперь предлагает разрешить палеонтолог Крис МакГуэн из Королевского музея провинции Онтарио (Канада). Он настаивает на том, что процесс плавания у ихтиозавров был подобен не тому, который свойствен акулам, а характерен для китов, других китообразных, а также, возможно, тунца и меч-рыбы.

Все киты и китообразные дышат воздухом и, находясь в приповерхностном слое воды, обладают положительной плавучестью. Ихтиозавры, будучи пресмыкающимися, также дышали воздухом; подобно китообразным, их кости также отличались малой плотностью. В результате можно заключить, что им была свойственна положительная плавучесть.

Вероятно, эти ящеры ныряли, согнув тело вниз. Растущее с глубиной давление все больше сжимало легкие, сокращая их объем и удельный вес. Круп-

ные веслообразные грудные плавники в таком случае вполне могли поддерживать выбранную животным глубину погружения. Поэтому опускающиеся очертания хребта не были важной чертой для плавания в горизонтальном направлении.

Такая гипотеза может помочь в решении некоторых неясных проблем эволюции водных и сухопутных ископаемых ящеров.

«ЦВЕТОМУЗЫКА» КАМЕННОГО ВЕКА

Член Американской ассоциации по изучению искусства каменного века Стивен Уоллер исследовал акустику десятков пещер, служивших убежищем древнего человека, в Европе, Северной Америке и Австралии. В своем докладе на конференции, состоявшейся в Кэрнсе (штат Квинсленд, Австралия), он сообщил о сделанном им открытии: доисторический художник, расписывавший стены пещеры, выбирал такие места, которым свойственно необычное эхо. При этом предмет изображения должен был быть связан со звуком.

Так, если на стене изображена антилопа, то ударные «музыкальные» инструменты, использованные в нескольких шагах от рисунка, вызывают отраженный звук, подобный стуку копыт этого животного. Такие звуки могли возбуждаться, например, при изготовлении каменных орудий.

Высказывается предположение, что, сочетая два вида искусств — изобразительное и музыкальное, древний человек по-своему пытался воздействовать на природу, скажем, привлечь объект будущей охоты или сделать его более многочисленным.

С. Уоллер заметил, что в «расписанных» простейших скальных укрытиях эхо сходно со звуком копыт одного бегущего животного, а в глубоких пещерах оно напоминает целое стадо бизонов или буйволов. Подобное звуковое «сопровождение» можно получить и при помощи крика, хлопая в ладоши или ударяя друг о друга различными твердыми предметами. Единственными почти «молчаливыми» древними подземными «картинными галереями» являются те, где изображены крупные кошачьи.

Измерения показали, что под скальными козырьками с рисунком отраженный звуковой сигнал в среднем достигает 8 децибел над уровнем фона, а там, где стены остались чистыми, он составляет лишь 3 децибела. В глубоких пещерах, таких, как известные Ласко и Фонт-де-Гом во Франции, сила эха превышает 23 и 31 децибел соответственно.

Подобные пещеры с изображе-

ниями кошек «звучат» с силой лишь от 1 до 7 децибел. Где же рисунков нет, стены, как правило, «немые». Австралийские художники каменного века отличаются от своих коллег на иных континентах тем, что, по-видимому, умели использовать козырек скального укрытия как подобие параболического отражателя, обладающего способностью, фокусируя, значительно усиливать звук.

Стоя на расстоянии не менее 30 метров от расписанной стены, исследователь слышал эхо как исходящее из центрального изображения. Если же подойти ближе, то отраженный звук быстро сливается с первичным, и эффект пропадает.

Звукозаписи эха, продемонстрированные совместно со слайдами изображений, были сочтены участниками конференции довольно убедительными доказательствами правильности гипотезы, предложенной С. Уоллером, который намерен продолжать свои исследования.

ГРЫЗУНЫ ПО СКАЛАМ

Поведение слонов, населяющих склоны потухшего вулкана Элгон на границе между Кенией и Угандой, изучал английский зоолог Роберт Боуэлл. Он наблюдал, как эти животные временами карабкаются по довольно крутой и опасной тропе, добываясь до пещеры, находящейся 345 метрами выше равнины, где они обычно живут. Здесь слоны, ловко пользуясь хоботом, «добывали» из стен большие комья мягких глинообразных цеолитов.

Ученый полагает, что эти растительные поедают цеолиты, чтобы пополнить содержание в организме солей натрия и кальция, которых недостает в их обычной пище. Осмотрев слоновые цеолитные «разработки», Р. Боуэлл пришел к выводу, что они ведутся здесь в продолжение сотен лет...

Другим «потребителем горных пород» оказался капский динообраз. В долине Макапан (Южно-Африканская Республика) находится протянувшаяся на 500 метров обнажение алевроитов, все испещренное следами зубов динообразов.

Изучавший эти породы сотрудник Витватерсрандского университета (Йоганнесбург, ЮАР) С. Гоу установил, что они питательными веществами не богаты, так что их «добыча» служит каким-то иным целям. Ученый полагает, что животные просто остряют здесь клыки. В других местностях для подобной цели динообразам служат кости павших животных и корни деревьев, но здешний природный «оселок» им более доступен и удобен.

АВСТРАЛИЙСКИЙ БУНЬИП

Задолго до того, как на Австралийский континент прибыли белокожие пришельцы, там жили необыкновенные существа — наполовину люди, наполовину обезьяны, а рядом с ними их родственники — целая семья тотемических животных. Приблизительно так представляли себе аборигены ушедшие в небытие времена. С тех пор и до наших дней в Австралии сохранились животные, которым, казалось бы, давно полагалось превратиться в окаменелости.

ГИГАНТСКИЙ ЗМЕЙ И ДИНОЗАВР-СТРАУС

Прежде всего — это колоссальных размеров змеи Центральной Австралии: воллунква и их сородичи минди, или радужные змеи. Но завороченное созерцание этой «радуги» может оказаться последним из увиденного в вашей жизни. К счастью, пресмыкающееся выделяет тошнотворный запах, который предупреждает о его появлении. Минди приписывают также другие несчастья: считается, что змея несет за собой эпидемию сифилиса.

Эти змеи живут в прибрежной полосе и почти неизвестны во внутренних районах, где за год едва выпадает 500 миллиметров осадков. Для местных племен гигантские змеи послужили прообразами фантастических существ из многочисленных преданий и легенд.

Одна из них — легенда о злом йеро, то ли змее, то ли угре, который обитает в некоторых северо-западных озерах. Глотка этого существа невероятно широка. По представлениям австралийских аборигенов, в ней могут рождаться водовороты.

«На плато Атертона в Квинсленде, — рассказывает Г. Витлей, ихтиолог из Австралийского музея, — есть озеро, преодолеть которое я никак не мог заставить гребцов моей лодки. Они считали, что в глубинах озера живет какое-то мифическое животное».

Что же это за животное? Вероятно, в образе сказочного змея воплотились представления о всех опасностях, подстерегающих человека, плывущего над большой глубиной на легком суденышке. Это своеобразная форма фиксирования опыта поколений у аборигенов.

Не менее впечатляют легенды о животном по имени гау арге — необычном звере, ведущем полуводный образ жизни. Он утаскивает на дно каждого, кто отважится пуститься в плавание по его владениям. Что примечательно, гау арге описывают, как эму, но эму без перьев!

Если вам когда-нибудь представится случай созерцать ощипанного австралийского страуса, его тушка будет похожа на *Struthiomimus*, одного из динозавров, название которого означает — «который напоминает страуса».

Многие считают, что динозавры — непременно чудовища огромных размеров. Однако среди них были экземпляры, не превышающие по размерам курицу. Между этими карликами и гигантскими игуанодонтами и находится *Struthiomimus*, динозавр-страус, который жил в заболоченных прибрежных низинах, но находил убежище и в воде.

Можно предположить, что аборигены встречали или сохранили в преданиях память о встречах с живым динозавром. Во всяком случае, к легенде о гау арге полезнее отнестись с вниманием, нежели с презрением.

ГНОМ, ПОЖИРАЮЩИЙ ДЕТЕЙ

Довольно легко найти объяснение старой австралийской легенде о человеке-пересмешнике, которого не берет смерть. Теперь зоологам хорошо известно, что это не кто иной, как птица *Dacelo gigas* по прозвищу Мартин-охотник. Ночные крики этой птицы до сих пор вселяют страх в местных жителей.

Одним из подобных «кошмарных» созданий издавна считается йара — майа-вхо. Аборигены утверждают, что это маленький беззубый человечек, похожий на лягушку. Он живет на пальмах и имеет на пальцах присоски. Говорят, что этими присосками он облепляет тельце ребенка, оказавшегося под деревом, и не отпускает до тех пор, пока не высосет из него всю кровь.

Удивительно, что зоологи так долго не могли определить это существо. Ведь если не считать кровожадного нрава, сведений о зверьке столько, что зоологу узнать его так же легко, как

крестьянину отгадать загадку: кто бегает на двух лапах, покрыт перьями и кричит кукареку?

Нет сомнений, что таинственный йара — не кто иной, как долгопят-привидение (*Tarsius spectrum*). Это небольшой мохнатый зверек с плоским лицом и огромными глазами. Его можно считать самым таинственным из всех приматов.

Находясь среди ветвей, он может принимать стойку на задних лапках. Его облик настолько напоминает человеческий, что английский анатом Вуд-Джонс и его голландский коллега А. Хубрект сочли его самым близким человеку существом! Разумеется, это преувеличение, но зверек обладает выдающимися, свойственными только ему качествами.

В нем всего двенадцать-двадцать сантиметров роста. Огромные глаза расширены, чтобы усилить ночное видение, на кончиках длинных пальцев — утолщения с присосками. Стопа у долгопята такая длинная (отсюда и название животного), что в отличие от других приматов он вынужден опираться при ходьбе только на пальцы. Зато долгопят прекрасно прыгает, напоминая при этом мохнатую лягушку, но прыжки его гораздо легче. Вес всего около 140 граммов позволяет ему делать двухметровые прыжки, возносясь при этом на шестьдесят сантиметров! Конечно, долгопят далеко не беззубый, но когда он раскрывает свой V-образный рот, довольно зловещий, то кажется, что у него нет зубов.

Долгопят — единственный примат, которого можно полностью считать плотоядным. Ему доводится пробовать иногда и фрукты, но основную пищу составляют насекомые, ящерицы, птицы и даже некрупные млекопитающие. Для них долгопят — кровожадный разбойник.

Если прибавить к описанным свойствам долгопята его ночной образ жизни, то можно понять, отчего этот редкий зверек сделался предметом всевозможных суеверий.

Есть только одна причина, которая мешала зоологам увидеть в йара долгопята-привидение. Это то, что последний не водится в Австралии. Он встречается только на Малайском архипелаге: на Суматре, Борнео, Сулавеси и нескольких Филиппинских островах.

Раньше долгопяты были распространены значительно шире, чем в настоящее время. В отложениях начала третичного периода этих стран «человечков» находят по всей Европе и Северной Америке. Но сегодня в Австралии не существует в диком состоянии плацентарных млекопитающих — кроме тех, конечно, что завез человек, то есть крыс, собак динго и других.

Когда-то млекопитающие, имеющие плаценту, вытеснили сумчатых по всей планете, но не смогли проникнуть за «водораздел», то есть за незримую линию, которую зоологи провели между Бали и Ломбокком, а севернее — между Борнео и Сулавеси. Короче, им не удалось попасть ни в Новую Гвинею, ни в Австралию, где в полной безопасности до вторжения человека процветали сумчатые.

Вот почему почти невероятно, чтобы долгопят мог жить в Австралии. Возможно, разгадка тайны этого животного поможет пролить свет и на проблему происхождения австралийских племен, которая так давно волнует антропологов. Можно предположить, что легенды о йара попали на материк с островов Борнео, Суматры и Сулавеси, передавались из поколения в поколение и сохранились до наших дней.

Неоспоримо то, что крохотный долгопят, совершенно безбидный для человека, держит в страхе не только Австралию, но и весь малайский регион. Кроме того, мне кажется вероятным, что этот же зверек породил легенду о «лесном демоне», распространенную на Филиппинах.

«ЖИВОТНЫЕ НА ПТИЧЬИХ НОГАХ»

Как бы ни были удивительны животные из фольклора Океании, настоящий бум фантастических рассказов наступил после прибытия на Австралийский континент белого человека, столь расположенного ко всякого рода небылицам. Поспешим добавить, что большинство слухов имели под собой реальную почву.

Когда в начале XVII века храбрые голландские моряки стали осваивать австралийские моря в поисках богатых и плодородных островов, им приходилось высаживаться на берега, казалось, бесконечной земли, которую они из ностальгических чувств называли Новой Голландией.

В этой стране, рассказывали они, живет зверь крупный, как человек, у которого длинный хвост, а голова маленькая, как у козы. Задние лапы у него, как у птицы, и он может скакать на них наподобие лягушки. В 1640 году было дано первое научное описание животного, сопровождаемое фантастическим рисунком.

Иероним БОСХ.
«Монстры и нечистая сила».

Столетие спустя капитан Джеймс Кук, остановившись недалеко от материка для ремонта наскочившего на риф корабля, воспользовался случаем и посетил таинственную землю. Он проник в глубь территории в районе бухты Тринити. 9 июля 1770 года два человека из его экипажа — одним из них был знаменитый натуралист Жозеф Бэнкс — отправились на охоту, чтобы пополнить запасы мяса. Как рассказывал впоследствии Кук, они прошли несколько миль и встретили четырех «тех самых животных на птичьих ногах». Бэнкс пустил за ними свою борзую, но она быстро отстала —

густая трава, через которую легко перепрыгивали животные, мешала ей бежать.

Вскоре Кук узнал, что прыгуна аборигены называют кан гуру. Впрочем, этого названия так и не нашли потом ни в одном из австралийских диалектов...

Сведения, полученные от такого образованного и дотошного в отчетах человека, как Джеймс Кук, не вызвали сомнения, поэтому через двадцать лет слово «кенгуру» уже употреблялось как научное название в книгах по зоологии.

Но более всего Кука удивило, что малышей прыгуны носят с собой в кармане на животе.

Вскоре выяснилась и поразительная

особенность животного мира Австралии: все живущие на материке млекопитающие имели такие же карманы для детенышей.

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ, НЕСУЩИЕ ЯЙЦА

Но ученый мир ждал еще более неожиданные сюрпризы. В 1797 году в южной части Новой Галлии было обнаружено животное, названное «водяной крот». На самом деле это странное животное скорее напоминало выдру. На ногах у него были лапы. Но если перепонки между пальцами можно допустить и у млекопитающего, то что тогда могли сказать европейские зоологи о наличии у него утиног клюва!

Чучело первого утконоса, рассмотренное членами Королевского зоологического общества, было признано подделкой.

Дело в том, что образцы животных, поступающие с Востока, подчас так искусно подделывались китайцами, что ученые давно привыкли к «сенсационным» фальшивкам и смотрели скептически на любую неожиданность. Сколько раз путешественники привозили в Европу мумии сирен, обитающих, по преданию, где-то в Индийском океане! На самом деле они были изготовлены из туловища и головы обезьяны, лап птицы и хвоста рыбы. «Водяной крот», состоящий одновременно из частей тела птицы и млекопитающего, — и это казалось несомненным — принадлежал к искусным подделкам.

Между тем кожа животного была подвергнута тщательному анализу доктором Георгом Шоу, который не нашел на ней никаких следов клея или другого крепления частей. Он признал останки животного настоящими и в 1799 году дал его первое научное описание. Так необычное животное получило имя *Ornithogonchus paradoxus*, что означает «зверь с утиными лапами и клювом».

Но недостатком было дать необычному существу научное имя. Нужно было, кроме того, найти ему место в систематике животного мира.

Так как животное было покрыто шерстью, ни у кого не вызвало сомнений, что речь идет о млекопитающем. Немецкий зоолог Иоанн Фридрих Блюменбах решил отнести его к непонятным — к ним, как правило, и относили всех животных, которые не вписывались в классификацию.

В 1802 году в Англию прибыли в заспиртованном виде два экземпляра утконосов. Одно из животных было самкой, но при ближайшем рассмотрении у нее не обнаружили молочных желез! Помимо столь невероятного свойства, у «водяных кротов» были совмещены анус и детородный проход, как у птиц и рептилий.

В конце концов английский анатом Хоум предложил выделить ут-

коносов в отдельный ряд классификации, куда было отнесено вскоре другое животное, обнаруженное в Австралии: ехидна, чья вытянутая мордочка также напоминает клюв.

Дело еще больше запуталось, когда из Австралии стали поступать слухи о том, что утконос несет яйца. Этот факт подтверждал мнение Ламарка, согласно которому однопроходные звери являются родоначальниками млекопитающих и близки по многим признакам к птицам и рептилиям.

В 1824 году очередная неожиданность: немецкий ученый Меккель обнаружил у утконоса молочные железы! Но животное, которое несет яйца, не может обладать молочными железами! Тем не менее они были. В 1832 году австралийский натуралист лейтенант Моль установил, что молочные железы утконоса вырабатывают молоко. Лишь в 1884 году был установлен действительный способ воспроизведения и выкармливания потомства утконосов. Так на удивление всему научному миру нашлось животное, которое одновременно несет яйца и кормит детенышей молоком.

В который раз подтвердилось правило: «невозможные» животные могут существовать в природе.

БУНЬИП

Кто он такой — буньип?

Вплоть до наших дней буньип служил символом всего таинственного и ужасного, что только могло представить воображение колониста, оказавшегося на незнакомом материке.

Как мне кажется, слово «буньип» на языке аборигенов означало все то, что нельзя было объяснить с помощью привычных понятий. Аналогично нашему слову «демон».

Можно предположить, что на вопрос белых людей, какое из неизвестных им животных совершило то или иное злодеяние, австралийцы отвечали, что это дело рук буньипа или что тот перешел им дорогу.

Странно то, что это мистическое существо, наделенное столь могущественными способностями, воплощалось в образе не только конкретного, но и достаточно ординарного животного. Правда, неизвестного науке.

Первое упоминание о нем относится к 1801 году. Французский минералог Шарль Бейи, участник экспедиции Никола Бодена, вместе со спутниками покинул бухту, которую они окрестили по имени своего корабля, чтобы углубиться насколько возможно в незнакомый материк. Вдруг они услышали из зарослей тростника Лебединой реки дьявольский рев, более ужасный, чем рев разъяренного быка. В панике колонисты бежали к берегу, решив, что в болотах нового континента водится невероятных размеров чудовище.

Позднее исследователь Гамиль-

тон Хьюм подтвердил факт существования водного монстра, но что любопытно, его свидетельство относится к району, расположенному в противоположной части Австралии. В озере Батхерста он наблюдал животное, похожее одновременно на ламантина и гиппопотама. Ученые Австралийского философского общества сейчас же пообещали исследователю возместить все расходы, если ему удастся добыть тушу этого животного. Но Хьюм не смог этого сделать.

Слухи подобного рода поступали из разных точек континента, особенно из юго-восточных районов.

Лейтенант В.Бретон писал: «Говорят, что в озере Георга живет разновидность тюленя, обладающего сверхъестественной силой».

К середине XIX века легенда о буньипе достаточно прочно утвердилась на всем материке. Кого только не волновал загадочный зверь, и какие только чудеса не приписывались ему! В 1846 году у одного из притоков Мюррея, который отделяет Викторию от Южной Новой Галлии, был найден фрагмент черепа, который отослали натуралисту В.С.Маклею как «голову буньипа». Ученый сделал заключение, что череп принадлежал жеребенку. В Лондоне же с образцом ознакомился специалист в области сравнительной анатомии профессор Ричард Оуэн, который решил, что перед ним обломок черепа коровы.

Кто-то из экспертов ошибся, и поскольку животное так и не было идентифицировано, можно предположить, что ошибались оба. К сожалению, ценное свидетельство таинственным образом исчезло.

В 1848 году на реке Эмералии было замечено животное темного цвета, голова которого напоминала голову кенгуру. У него была длинная шея, густая поросль на голове и огромный рот. По словам местных жителей, это был буньип, который поджидал в воде очередную жертву.

В 1872 году на озере Буррумбит крупное животное приблизилось к суденышку, так что все его пассажиры в страхе кинулись к другому борту и чуть не опрокинулись в воду. Зверь был описан как водяная собака. Его голова была круглой и лишена ушей.

В 1875 году недалеко от Далби в Квинсленде видели высунившееся из воды существо, похожее на тюленя. У него был сдвоенный, но не симметричный хвостовой плавник.

Кроме того, какое-то водное чудовище было зарегистрировано на Тасмании, то есть вне Австралийского континента.

Строительство Ваддаманской плотины и всевозможные изменения природных условий, вызванные строительством Грит-Лейкской электростанции, не избавили от вездесущего водяного демона. Его появление отмечалось здесь до последнего времени.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ТЮЛЕНЬ ИЛИ НОВОЕ СУМЧАТОЕ?

Имея множество свидетельств о живущем в воде короткошерстном ластоногом животном с головой собаки и сглаженными ушами, трудно не сделать предположение о существовании некоего пресноводного тюленя.

Вдоль морского побережья Австралии и Тасмании живет много видов ластоногих. Например, морская собака (*Otaria*), морской леопард (*Leptonych*), морской слон (*Mingounga*). Но могут ли эти животные забираться в глубь материка?

Теоретически — могут. Существует ведь вид тюленей, который никогда не встречается в морях. Кроме того, установлено, что тюлени проникают иногда в глубь Австралии по Мюррею и его притоку Дарлингу. Доктор Чарлз Феннер упоминает случай, когда тюлень был убит в Конарго, возле Южной Новой Галлии, в 1450 километрах от устья реки. В Шоалхавене в 1870 году подстрелили морского леопарда, в желудке которого нашли взрослого утконоса, что заставило Г. Уитлея заметить: «Буньи проглотил буньи!»

Таким образом, установлено, что ластоногие могут преодолевать значительные расстояния в пресной воде. Возможно, они могли совершать и короткие переходы по суше. Примечательно в этом отношении, что чаще всего появления водного демона фиксируются на юго-востоке, то есть на территориях бассейнов двух крупнейших рек Австралии.

Что касается душераздирающих воплей, доносящихся из тростников, то они могли принадлежать не ластономому, а выпю (*Botaurus poeciloptius*). Кстати, именно своему голосу она обязана местным названием «мюррейский бык».

Впрочем, появление водного демона бывает приурочено к местам, которых при всем желании не смогло бы достичь ни одно ластоногое. Поэтому австралийские ученые предпочитают более оригинальные гипотезы.

«Предполагают, — пишет Уитлей, — что речь идет о сохранившемся до наших дней сумчатом животном, похожем на выдру».

Почему бы нашему демону не быть водным сумчатым? И не связаны ли легенды аборигенов с недавним существованием дипротодона, который, как считается, населял реки, болота и озера материка?

КРОЛИКИ РАЗМЕРОМ С НОСОРОГА

Золотоискатели, рассеявшиеся по песчаным пустыням западного плато и колючим кустарникам центральной низменности — практически неисследованных областей, — встречали крупных зверей, внешне напоминающих кроликов.

Подобные сообщения поступали настолько регулярно, что наконец заинтересовали ученых, среди кото-

рых был известный австралийский натуралист Амброс Пратт. Он первым задал себе вопрос: не являются ли трехметровые кролики дипротодонами, огромными сумчатыми, которых считали вымершими? Ведь раньше они в больших количествах встречались на Нулларборской равнине, пока усилившаяся засуха не превратила в пустыню значительную часть материка. Найденные черепа их достигали в длину одного метра. Был даже реконструирован внешний облик дипротодона. Этим вымершим сумчатым приписывают нравы тапира: они должны были вести полуводный образ жизни среди пышной растительности, которая покрывала материк еще в конце последней эпохи оледенения, то есть от двенадцати до тридцати тысяч лет назад. Засуха, опустошившая подобно проказе огромные территории, вытеснила с материка и дипротодонов.

Конечно, огромное травоядное поначалу находило себе пристанище в сохранившихся засухе оазисах. По мере их высыхания стада дипротодонов отправлялись к следующему источнику воды.

В 1953 году профессор Рубен Стиртон из Калифорнийского университета обнаружил на северо-западе Австралии настоящее кладбище дипротодонов, содержащее от пятисот до тысячи прекрасно сохранившихся скелетов. Предполагают, что стадо этих животных собралось на месте недавно высохшего озера, покрытого затвердевшей на солнце коркой. Под тяжестью стада корка не выдержала, и многие животные увязли во влажном иле.

Даже если они полностью исчезли несколько тысячелетий назад, их должны были застать первые австралийские аборигены.

Ван Йеннеп полагает, что устная передача информации не может длиться сколько-нибудь долго, тогда как слухи о животных, по описанию похожих на дипротодонов, продолжают циркулировать среди аборигенов.

В конце концов, Австралия не была лишена воды совсем. Иначе участь «гигантских кроликов» постигла бы и других травоядных, а заодно и хищников, которые ими питались. На материке оставалось достаточное количество озер, ручьев и болот, возле которых, подобно остальным представителям австралийской фауны, могли продолжить существование дипротодоны.

Несмотря на относительно частые встречи, австралийские охотники, которые гоняются по степям за одичавшими азиатскими буйволами, не могут завладеть предполагаемыми дипротодонами. По их словам, животные обладают невероятной способностью неожиданно исчезать с глаз, оставив на месте лишь облачко пыли...

Перевел с французского
Павел ТРАННУА

Распространением нашего журнала за рубежом занимается акционерное общество «Международная книга» через своих контрагентов в соответствующих странах. Адреса фирм-агентов вы можете узнать в АО «Международная книга»: Россия, 117049, г. Москва, Большая Якиманка, 39; телефон /095/ 2384967, 2384930, 2384077; телефакс /095/ 2302117, 2384634; телекс 411160, а также в редакции журнала.

Подписная цена годового комплекта нашего журнала на 1993 год составляет 49 долларов США, доплата за авиадоставку 22 доллара США.

Благотворительные взносы для поддержки старейшего российского журнала «Вокруг света» и проводимых им конкурсов, экспедиций, а также для оформления льготной подписки инвалидам и воспитанникам детских домов можно перечислить по адресу:

103055, Москва, ул. Тихвинская, д. 9. Расчетный счет журнала № 608583 в Тихвинском отделении Мосбизнесбанка, МФО 201553. О переводе денег просим сообщать в редакцию. Список дарителей будет публиковаться в журнале.

ПОЧТЕННЫЕ РОГОНОСЦЫ

Индия — это два процента территории планеты, шестнадцать процентов населения Земли. Но жизнь дикой природы — еще не так давно буйная — убывает в этой перенаселенной стране стремительно: люди сводили заросли, распахивали почву, истребляли животных, вредящих посевам. Для того, чтобы сохранить природу во всем ее великолении, созданы были резерваты и заповедники. Конечно, развитие маленьких популяций в изоляции ослабляет их генофонд, но разрабо-

таны планы защищаемых — от человека — коридоров между заповедниками, чтобы звери могли смешиваться.

Один из таких заповедников — Нагарахолье, гордость его — южноазиатский бык гаур. Черепа павших животных собирают, чтобы исследовать в лаборатории зубы, рога, химический состав костной ткани.

А тащить приходится на собственных плечах: шум моторов может напугать животных. И, глядя на помещенную у нас фотографию, с еще большим уважением начинаешь относиться к тяжкому — в буквальном смысле — труду скромных слуг науки.

АВТОХАМЕЛЕОН

Автомобильный концерн ФИАТ выпустил новинку, потрясшую посетителей автомобильного салона в бразильском городе Сан-Паулу. Представленная на суд специалистов и простых автолюбителей модель меняет цвет в зависимости от времени суток и характера освещения. «Автохамелеон» наделен конструкторами особым перламутровым покрытием с высокой степенью отражения. В зависимости от характера падающего света это покрытие приобретает бежевую, голубую или золотистую окраску. Автоснобы были в восторге. Угонщики — тоже.

МАРАФОН ПОД ЛА-МАНШЕМ

Еще до официального открытия сообщения по туннелю под Ла-Маншем пятеро французских студентов попытались бегом преодолеть подводный туннель. Такого рода марафон еще никогда не регистрировали в анналах. Попасть в Книгу Гиннеса студентам, однако, помешала полиция. Британские бобби задержали кандидатов в рекордсмены на демаркационной линии, разделяющей французскую часть туннеля от английской. Впрочем, опросив молодых людей, полисмены вежливо с ними простились — англичане уважают спорт. Но на британскую землю все-таки не пустили: закон они уважают еще больше.

БОГАТЫЕ ЕЩЕ И РАЗВЛЕКАЮТСЯ

...сообразно своим доходам. Последний крик моды для толстосумов был показан в Токио, на презентации «Алмазной коллекции-93». Речь идет о роскошном веере, составленном из полутора тысяч бриллиантов — сто семьдесят пять карат вместе. Длина этого веера тридцать два сантиметра, ширина — семнадцать, а оценен он в совсем скромную сумму: семьсот шестьдесят тысяч долларов. Им, правда, нельзя обмахиваться, но при такой цене это и не обязательно.

«АПЛОДИСМЕНТОВ НЕ НАДО»

Антиникотиновую кампанию можно вести по-разному. В Италии, например, вошел в действие декрет о запрете курения в любых общественных местах: на предприятиях, в кино, в приемных чиновников, в театрах. В маленьком провинциальном театре Тревизо, когда окончилось представление шекспировского «Венецианского купца» и публика готовилась овацией благодарить комедиантов, перед занавесом появился исполнитель главной роли, знаменитый на всю страну актер Альберто Лионелло. Успокоив жестом публику, он сказал: «Нас в труппе семнадцать да еще шестеро рабочих сцены. Мы все время в дороге, каждый день — в новом городе. Наши запасы сигарет исчерпаны, а купить их мы просто не успеваем. Вам, кажется, понравился спектакль. Но... Не надо аплодисментов! Лучше, уважаемые дамы и господа, пожертвуйте нам сигарет, кто сколько может»...

Публика зашевелилась, и на сцену полетели пачки сигарет.

О ПОЛЬЗЕ ЗАГАРА

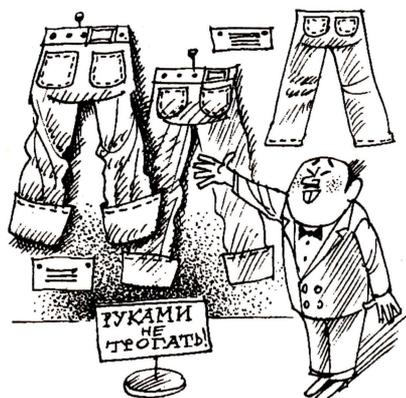
В данном случае — о сомнительной. Здоровье, как и вся наша жизнь, — результат деятельности солнца. Но это еще не повод, чтобы долгими часами подставлять свое тело его лучам. Так считают американские онкологи, в частности сотрудники «Скин Кансер фаундейшн», научной организации, исследующей злокачественные опухоли кожи. Ученые называют ультрафиолетовое излучение основным виновником старения кожи со всеми вытекающими отсюда последствиями. По их мнению, загорать следует только после того, как на тело будет нанесен защитный покров из специальных масел и кремов. Правы ученые мужи или нет, но едва был вынесен их осуждающий вердикт, как многие косметические фирмы, засучив рукава, принялись колдовать над благотворными рецептами. И вот накануне летнего сезона 1992 года лаборатория фирмы Корфф выпустила на рынок целую серию «абсолютно безопасных и благоприятно действующих на кожу» защитных кремов, позволяющих любителям интенсивного загара без ущерба жариться на солнце. Будет ли польза телу, пока неизвестно, но кошечки поклонников бронзовой кожи определенно похудеют.

...И ДА УСЛЫШИТ ВАС АЛЛАХ!

И в засушливой Аравии бывают дожди. Их, конечно, не сравнишь с тропическими ливнями, но живительную влагу земле они приносят. Хотя очередной сезон дождей обману надежды. Неделя уходила за неделей, а небо скупилось: серые плотные облака не роняли на землю ни капли дождя. Перед Саудовской Аравией замаячил призрак засухи, жестокой даже для нее. Радикальных средств против таких угроз — увы! — не придумано, и король Фахд прибег к старинному рецепту, слегка обновив его. Он обратился к своим подданным по телевидению, призывая их ревностно вымалывать у аллаха дождь. Одобренный монархом текст специальной молитвы саудовское информационное агентство по телевизору и радио распространило по стране.

ДЖИНСЫ КАК МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

Самый распространенный в мире предмет и мужской, и женской одежды, кажется, уравнивается в правах с лучшими достижениями современной культуры. Сначала отдельные сентиментальные чудачки стали коллекционировать старые джинсы. Джинсовая лихорадка зародилась еще в семидесятые годы у японцев, когда денежные обитатели Страны восходящего солнца буквально прощесывали Соединенные Штаты, скупая у доверчивых туземцев старье. Удавалось это довольно часто. И скоро почти не ношенные вещи полувекковой давности появились в сувенирных лавчонках токийского квартала Симбуя. Потом страсть перекинулась в Европу, еще позже зародился, как положено у коллекционеров, обмен, начались аукционы, цены на которых достигали не одной сотни тысяч франков. Разумеется, не всякая старая трипка продается за такие деньги. Шестизначные суммы уплачивают за настоящие редкости — нечто вроде куртки «тайп уан» с единственным нагрудным карманом двадцатого года выпуска, или штанов «тэб» с белыми буквами на красной фабричной этикетке, нашитой на правом заднем кармане, или знаменитейшей джинсовой пары цвета индиго «файв уан», изготовлявшейся ровно сто лет назад. Наконец осенью девяносто второго года в Париже, в отеле Друо, состоялась трехнедельная международная выставка наиболее интересных образцов. Ну а с выставки джинсам прямая дорога в музей, где их уже ждут королевские кафтаны и гусарские мундиры прошлых веков.

ШАХ И МАТ НА ТРОИХ

Польский философ и шахматист Яек Филек изобрел новую разновидность шахматной доски. На ней можно играть втроем. Девяносто шесть клеток доски — оригинальная комбинация трех половинок обычной. Каждый из игроков — трюх — располагает полным комплектом фигур и действует по существующим правилам. Цель игры — поставить мат королю одного из игроков. Для этого должны объединить свои усилия двое партнеров. Расправившись с третьим лишним, двое оставшихся продолжают партию уже обычную, расправляясь друг с другом.

ФАРАОНА ЗАБЫЛИ

Ученые-египтологи пришли минувшим летом в неописуемый восторг: обнаружено 528 парских мумий, оставшихся буквально ото всех периодов истории Древнего Египта. Речь идет не об открытии новых гробниц фараонов. Останки коронованных владык Нильской долины, некоторым из них по четыре с половиной тысяч лет и более, обнаружены в... морге медицинского факультета Каирского университета. Оказывается, там они были собраны еще в начале сороковых годов нашего века английским антропологом и анатомом Эдвином С.Дерри, который намеревался исследовать секреты древних мумификаторов. Помешала ему война, потом ученый умер, да и англичане ушли из Египта, и о мумиях просто-напросто забыли. Открытие сделали совершенно случайно — проверяя пожарную безопасность морга. Интересно: где их теперь затеряют?

И когда откроют?

ОДНОЯЗЫЧНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Право пользоваться в суде родным языком — одна из самых фундаментальных свобод в любой демократической стране. Увы! Трех подсудимым в парижском уголовном суде пришлось отказаться от этого права. Молодых людей подозревали в том, что они члены баскской террористической организации ЭТА. На вопросы судей обвиняемые упрямо отвечали по-баски, и смысл их вы-

сказываний оставался непонятным ни судьям, ни адвокатам, потому что в огромном Париже так и не могли сыскать переводчиков с баскского. Под угрозой крупного штрафа за неуважение к суду баски все же перешли на французский. Но долго утруждать себя «языком колонизаторов» им не пришлось: за отсутствием улик все трое в тот же день были освобождены.

Так чего ломаться-то было? Заговори они раньше по-французски, и можно было бы гулять на свободе и говорить на родном языке сколько угодно!

ОЛЕНИ В ВОЗДУХЕ

Четверть века назад эскимос-предприниматель Джек Госэк, решив развить северных оленей, завез полтораста голов на маленький арктический островок Хагемейстер. Его предупреждали: голый клочок земли не прокормит более пятисот животных. Однако стадо Госэка перевалило за тысячу. Бизнесмен-оленовод привозил корма с материка. Когда он заболел, обеспечивать питание островное стадо стало некому. Пришли первые полярные холода, под снегом скрылись скудные поросли ягеля, единственной пищи, которую 1200 оленей могли найти на островке. В отчаянии Госэк продал оленей Лесной охране за символическую цену: за доллар! Лесники сразу оценили серьезность положения. Они подумали было устроить на островке охотничий резерват, но местная ассоциация охотников отвергла это предложение. Тогда пришлось начать отстрел оленей с вертолетов: из гуманных соображений, ибо смерть от голода была бы мучительнее. Такой выход, однако, не всех устроил. Алескинский врач Дональд Ольсон сколотил компанию эскимосов-гуманистов, решивших спасти погибающее стадо. Наняли старенькую транспортную «дакоту» и попытались наладить воздушный мост на материк. Главная трудность заключалась даже не в погоде — переменчивой, постоянно срывающейся то туманной мглой, то снежными шквалами, часто мешавшими посадить самолет на обледеневший пляж, исполнявший обязанности аэродрома. Сложнее всего оказалось загонять партии пугливых животных — по сорок голов в транспортный отсек. Гуманисты действовали хитростью, упорством и терпением, применяя то кнут, то пряник. Так, маленькими группками они с неимоверным трудом спасли оленей.

Подготовил Л. МИНЦ
Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Уайтлей СТРИБЕР,
американский писатель

ОБОРОТНИ

Главы из романа

Рис. В. ФЕДОСКИНА

Нелегко было отыскать этих двух человек, которых они решили устранить. Они хорошо прочувствовали их запах, когда те вошли в здание, где стая устроила себе кормежку. Они заметили их машину, когда она отъезжала, и вновь их увидели несколькими днями позже, на сей раз очень далеко от Манхэттена, по направлению к океану. Они были вынуждены проявлять терпение. Они шли за самцом по улицам и в конце концов вышли на его берлогу. Они установили и женщину, уловив ее запах в доме, где много чего происходило. Они следили за ней до тех пор, пока не выявили ее квартиру с балконом.

Это не было праведной охотой, но убить обоих было совершенно необходимо. Если известие об их существовании широко распространится, то от этого пострадает весь их биологический вид. Сначала начнут травить многочисленные стаи, разбросанные по городам, затем возьмутся за окраины и, наконец, покончат со всеми остальными. Пусть уж лучше человек ничего не знает о них. Если эти бесчисленные орды людей узнают, сколько стай кормится за их

счет, их реакция будет беспощадной. Человек должен остаться в неведении.

Во всех случаях, когда кто-нибудь из людей проникал в их тайну, его было необходимо уничтожить. Так было всегда: то был первый закон проявления осторожности ради выживания. Уже давно они совершенно беспрепятственно рыскали по всему свету и процветали. Человечество так расплодилось, что количество их кланов увеличилось. Их было по несколько в каждом городе. Когда кто-нибудь случайно на них наткнулся, их принимали за стаю одичавших собак. Охотились они обычно ночью. Днем спали в столь тщательно скрытых от постороннего глаза местах — в подвалах, в покинутых зданиях, — что обнаружить их было невозможно. Проблем с собаками тоже не было. Те воспринимали их запах как элемент близкой им городской жизни, и их не трогали.

Но этих двух людей требовалось устранить обязательно: иначе они всем расскажут, что в самом чреве городов притаилась смерть.

Они преследовали их вплоть до серого высотного здания в нижней части Манхэттена. Когда те вышли из него и растались, стая разбилась на две группы.

Продолжение. Начало см. в № 2/93.

Обнаружить берлогу мужчины труда не составило. Она находилась на первом этаже в помещении с не очень крепкими внешними дверями и с подвалом, куда можно было легко проникнуть. Но комната, где он проживал, была закрыта на ключ и забаррикадирована изнутри. Окна были забраны решетками. То была настоящая крепость, исходившая страхом. Даже дымоход был давно перекрыт. Какую жалость вызывал человек, живущий в состоянии постоянного ужаса, проводивший ночи напролет, сидя в кресле и притупив свет! Подобное существо само притягивало к себе смерть, и стая сгорала от желания убить его не только потому, что он был опасен, но и потому, что уже вполне созрел как добыча.

Они нашли способ застать его врасплох.

Женщина, однако, жила в высотном здании на самом вершине. Как правило, они не были сильны в лазании по стенам, но некоторые из них довольно ловко справлялись с этим. Один из таких верхолазов начал восхождение — с этажа на этаж, с балкона на балкон, — помогая себе передними лапами. Остальные, спрятавшись в полутемном проходе, дожидались его возвращения. Им не терпелось излить в звучном вопле свою радость по поводу проявления такого героизма и преданности своему виду. Но они молчали. Впрочем, столь громко выражать свои чувства не было никакого резона: тот, кто одолевал сейчас фасад, вдыхал ароматное благоухание уважения и ликования, исходившее на расстоянии от тех, кто остался далеко внизу.

Влекомый запахом женщины, он поднимался все выше и выше. Им двигало страстное желание добраться до нее, почувствовать, как ее кровь вливается в его глотку, отведать ее тела, жить ее смертью и убедиться наконец в том, что его близкие теперь вне опасности. Стая гордилась его ловкостью, и он был счастлив доказать свое мастерство.

Добравшись до ее балкона, он стал двигаться максимально осторожно. Но у него не получилось. Одним из когтей он царапнул по стеклянной двери, когда пытался открыть ее замок. Для него этот звук был словно набат колокола. Но уловила ли она его?

Его органы чувств подсказали ему, что женщина уже не спала, а испытывала жуткий испуг. Проклятая самка, значит, она услышала! Он медленно отошел от двери. Она знала, что он здесь, снаружи. Ее дыхание участилось. Она была обьята таким ужасом, что ему захотелось убить ее, лишь бы помочь ей от него избавиться, хотя, по их критериям, она не была еще настолько слабой, чтобы умереть. Но слишком велик был риск. Если они отдернут шторы, то немедленно обнаружат его. А те, кто остается в живых, не должны видеть никого из них. Чтобы не допустить этого, он уже собирался броситься вниз с балкона. Но готов ли он был сделать это на самом деле? Его сердце бешено заколотилось. Она слегка вскрикнула, заметив его тень. Его инстинкты бунтовали, требуя взрывать, прыгнуть, убить. Но он издал лишь слабое ворчание.

И она опять его засекла.

Теперь уже было поздно! Люди поднялись. Он посмотрел на подвешенную к потолку лампу. Если они зажгут свет, то увидят его! В отчаянии он подтянулся на верхний этаж — вовремя же успел он это сделать! Тут же заскрипела выводящая на балкон раздвижная дверь, раздался шум шагов. Ее спутник-самец выглянул наружу, пахнув теплым, густым запахом своего тела. К счастью, благословенная слепота, присущая их виду, не позволила ему ничего толком увидеть. Эти бедные создания для восприятия пользовались только глазами: их нос, уши, кожа практически ничего не улавливали. Да, они действительно были самой легкой из всех добыч.

Когда мужчина вернулся в комнату и все опять погрузилось в темноту, он спустился в проход. Он встретился со своими сородичами с грустью в сердце: ведь он не выполнил задания, и она осталась жива.

Но они знали, каким образом и ее можно было застигнуть врасплох.

Они были готовы к этому.

Глава пятая

Карл Фергюсон вернулся к себе. В пустых рабочих залах подвалов музея лишь на его столе светилась лампа. Через приоткрытую дверь виднелись расплывчатые контуры теней, отбрасываемых незавершенными выставочными экс-

понатами. Фергюсон держал на свету изготовленную им модель лапы.

Вот она. В сотый раз он повернул ее в руках, любуясь ее гибкостью и эффективностью. Затем положил на стол, снова взял и провел когтями по щеке. Какое великолепное оружие! Длинные пальцы, снабженные дополнительной фалангой. Чувствительная, широкая стопа. Когти острые как иглы. Почти... человеческая рука, если не считать когтей, лапа имела ту же функциональную красоту, что и... смертоносная рука.

Внезапно он нахмурился. Что это? Ему вроде бы послышался легкий звук. Он рывком вскочил и пошел к выходу... Там стояла коробка, в которой трепыхались на сквозняке перья.

— Я начинаю сходить с ума,— громко сказал он.

В пустой соседней комнате ему слабо отозвалось эхо.

Ученый взглянул на часы — девятнадцать ровно. Зимнее солнце уже зашло. Он устал, даже выбился из сил от этого дурацкого совещания в полиции и проданной им в бешеном темпе работы по каталогизированию объектов. Новая выставка будет иметь громадный успех, она упрочит его положение в музее. Это была отличная идея насчет ее тематики — птицы Северной Америки...

Но как же классифицировать это... среди животных Северной Америки? Что ж все-таки это может быть, черт возьми?!

Инспекторы рассказали какую-то невероятную историю об оборотнях... и нашлись же по-настоящему суеверные люди. Ясно было только одно: они коснулись чего-то неизвестного. Полиция в конечном счете поймает одного из этих существ, и тогда он его внимательно изучит. Судя по этой лапе, они должны быть крупными созданиями, побольше, чем волки. Возможно, килограммов на семьдесят. Даже в одиночку они могли быть очень опасными, но в стае... Это, несомненно, мутация волка. Они очень четко адаптированы к одному и тому же типу охоты. Их нельзя относить к лесным волкам в основном из-за размеров. В любом случае воспроизведенная им лапа говорила о том, что когда-то очень давно от эволюционного древа рода волков отделилась боковая ветвь, которая достигла очень высокого уровня развития.

Но почему тогда до сих пор не обнаружено их костных останков, образцов?

Тот факт, что в центральном роду волков выделился самостоятельный вид хищников, о которых наука ничего не знала, был настолько странным, что от этого в жилах стыла кровь.

И опять он вздрогнул. Ученый ясно слышал чье-то царапанье. На сей раз он отнесся к этому со всей серьезностью.

— Льюис,— позвал он, надеясь, что это совершает обход ночной сторож, проверяя освещение.— Это я, Карл Фергюсон.

Терпеливое, настойчивое царапанье не стихало... Кто-то упорно трудился над одним из подвальных окон, пытаясь его открыть.

Он посмотрел на муляж. А вдруг это они?

Он погасил лампу и закрыл глаза, чтобы побыстрее привыкнуть к темноте. Он стоял за своим столом, обливаясь потом и покачиваясь.

Царапанье прекратилось. Раздался легкий скрип. Поток ледяного воздуха снова всколыхнул перья в коробке. Затем послышался звук, напоминавший скольжение, и раздался глухой, как при падении, стук, за ним еще один.

Воцарилась тишина. Карл Фергюсон неподвижно выжидал с пересохшим от волнения горлом, сжимая в руках гипсовую модель.

— Кто там?

Внезапно электрический фонарик осветил лицо ученого.

— Здравствуйте, доктор,— громко произнес кто-то. — Сожалею, что напугали вас.

— Однако, черт побери...

— Минуточку, минуточку, не кипятитесь. Мы сыщики и ведем расследование.

— Но, провались вы пропадом, что все это значит — вламываться сюда таким образом. Вы... вы меня напугали. Я думал...

— Что это они? — Уилсон нажал на ряд выключателей, и подвал залило жестким светом неоновых ламп.— Не мне

осуждать вас за испытанный страх, доктор. Да здесь чудный уголок для привидений.

Бекки Нефф закрыла окно.

— Мы на самом деле искали вас, доктор. И мы были уверены, что найдем вас здесь. Поэтому и пришли.

— Но какого дьявола вы не прошли тогда через центральный вход? У меня до сих пор сердце скачет! Я еще никогда в жизни не боялся так, как сегодня.

— В каком случае вы можете легко представить, что испытываем мы, доктор. Мы в подобном напряжении находимся все время. Во всяком случае я. В отношении Уилсона не знаю.

Уилсон, не говоря ни слова, наблюдал за ними исподлобья.

— Но вы могли бы пройти нормальным путем. Я ведь не требую ничего невозможного, правда?

Он был разоблачен и разгневан. Они не имели никакого права проникать таким образом в музей. Сразу видно, что полицейские! Им плевать на закон. Никто не позволил им нагонять на людей столько страха.

— Я считаю, что вы должны покинуть помещение.

— Нет, доктор. Нам необходимо потолковать.

Она сказала это тихо и мягко, но решительные манеры обоих заставили его нехотя отступить. Уилсон глубоко, в несколько приемов вздохнул, и Фергюсон внезапно осознал, насколько полицейский был напуган; напуган и обессил.

— Тогда пройдемте в мой кабинет. Но я по-прежнему не понимаю, чего вы от меня добиваетесь.

Они притащили в небольшую комнату стулья. Фергюсон заметил, что его посетители разместились таким образом, чтобы со своих мест иметь возможность обозревать большую часть рабочего зала.

— Эти окна так просто открыть,— процедил сквозь зубы Уилсон.— Пара пустяков.

— Но есть же сторожа.

— Да, и мы в этом убедились.

— Так что вам угодно?..

Уилсон не ответил. Инициативу в свои руки взяла Бекки.

— Мы не пришли бы сюда, если бы не безысходность нашего положения,— спокойно обратилась она к Фергюсону.— Мы знаем, что вам больше нечего сказать о фактической стороне дела. Нужно другое. Мы хотели бы знать ваши теоретические соображения на этот счет, доктор.

— Все что угодно, но чтобы это помогло нам сохранить жизнь,— добавил Уилсон.— А в нынешней ситуации, поверьте, это не так легко сделать.

— Почему?

Бекки, игнорируя его вопрос, продолжила:

— Попытайтесь представить себе, доктор, чего добиваются эти создания, если они такие, какими мы их описали.

— Инспектор Нефф, я не могу сделать этого. Это даже не гипотеза. Это чисто абстрактное размышление.

— Пожалуйста, доктор.

— А если я ошибаюсь? И если введу вас в еще большее заблуждение? Неужели вы не видите, какой риск это влечет за собой? Я не могу громоздить теории на основании беспочвенной идеи. Я же ученый!

Бекки в отчаянии — и отнюдь не притворном — смотрела на него. Уилсон, не упуская ни слова из разговора, настороженно вглядывался в длинный ряд темных окон в дальнем конце зала. В мертвящей ночной тиши и выключенные из привычной обстановки, они, все трое, сидели сейчас лицом друг к другу; он был вынужден отбросить свои личные проблемы и признать очевидное: оба копа нуждались в помощи, но оказать им ее он был не в состоянии.

Разве что... ведь зачастую ученые даже не представляют степень невежества других людей.

— Все, что вы нам скажете, может оказаться для нас полезным, доктор,— продолжала настаивать Бекки, стараясь говорить максимально спокойно и любезно.— Почему вы отказываетесь говорить о том, что так хорошо знаете?

— О чем, например?

— Ну хотя бы о чувстве обоняния. Насколько сильно оно развито и что мы можем сделать, чтобы сбить их со следа?

— Ну диапазон здесь достаточно широк. У ищейки чутье может быть развито в семь-восемь раз сильнее, чем у терьера...

— Расскажите об ищейках,— попросил Уилсон.— Причем, о самых классных.

— Нос ищейки — это совершенно необыкновенный орган. У нее обонятельные нервы сконцентрированы не только собственно в нем — хотя нос и остается наиболее чувствительным органом — но и рассыпаны по всей морде. На обонятельной слизистой оболочке ищейки может находиться до ста миллионов воспринимающих точек. У терьера — двадцать пять миллионов. — Он посмотрел на Бекки, спрашивая ее взглядом, могут ли подобные сведения им в чем-то помочь.

— Если мы будем точно знать, на что они способны, мы сумеем найти способ противостоять им и тем самым отвести угрозу,— сказала Бекки.

Она хотела, чтобы Фергюсон объяснил им, как функционирует это чертовое обоняние. Лишь разобравшись, они смогут найти средство нейтрализовать его.

— Вы хотели бы выяснить, каким образом можно сбить со следа этих... животных?

Бекки кивнула.

— Дай-ка мне сигаретку,— буркнул Уилсон.— У меня такое впечатление, что сказанное доктором нас не обрадует.

— Боюсь, что так. Уже многие пытались это сделать и напридумывали множество способов и штук, чтобы отделаться от собак, которые гнались за ними по пятам. Но никаких эффективных средств, кроме, пожалуй, дождя и сильного ветра, так и не выявлено.

— И снега. Сейчас как раз вьюжит.

— Как сказать. Известен случай — это произошло в Швейцарии,— когда однажды ищейка вела след сорокасидней давности, причем под толстым слоем снега. Была настоящая пурга. Так что это ей не мешает.

— Доктор,— вмешалась Бекки,— может быть, стоит рассмотреть этот вопрос под другим углом. Почему ничто не может остановить ищейку, идущую по снегу?

— Кроме дождя и ветра? Отвечаю: по двум причинам — из-за великолепно развитого нюха и из-за стойкости самих запахов.

— Но каков уровень этой чувствительности?

— Попробую продемонстрировать это вам на примере количественного порядка: ее нос примерно в миллион раз восприимчивее к запахам, чем у человека.

— Мне это ни о чем не говорит.

— Это меня не удивляет, лейтенант Уилсон. Это достаточно трудно себе представить. Ладно, попробую с другого конца.

Он на минутку вышел и вернулся, держа шепотку какого-то немного маслянистого порошка.

— Перед вами примерно один миллиграмм пигмента краски коричневого цвета. А теперь попробуйте себе представить сто миллионов кубических метров воздуха — грубо говоря, это равновелико атмосферному слою над Манхэттеном. Так вот, хорошая ищейка может учуять этот пигмент в таком объеме.

Бекки испытала настоящий шок. До этого она никогда не задумывалась о высокой степени обонятельной чувствительности у животных. И сейчас ей не без труда удалось взять себя в руки. Она вгляделась в окна, в которых отражался рабочий зал. Уилсон зажег сигарету, затянулся и с долгим придыханием выпустил струю дыма.

— Скажите, а если нейтрализовать запах, полив следы аммиаком?

— Это ничего не меняет. Собаке это не по вкусу, но она будет по-прежнему различать основной запах. Чего только не выдумывали, чтобы заглушить след, но ничего стоящего так и не изобрели. Можно использовать реки: если вам удастся проплыть с километр под водой, не высывая голову, и если ветер дует по течению, может быть, вы и сумеете прервать свой след. Я повторяю: «может быть», потому что, если по ходу, где-то на полпути, вы выпустите из легких хоть немного воздуха и он поднимется на поверхность, а ветер не будет достаточно сильным, то собака вас все равно отыщет.

— По дыханию?

— Мы точно не знаем, как действует механизм обоняния собак. Но мы считаем, что они «ведут» след по летучим выделениям жировых веществ тела и по дыханию. Они могут опираться и на запах одежды.

— А можно ли каким-нибудь образом устранить свой собственный запах?

— Конечно, примите ванну. На короткое время можете быть спокойны, пока не оденетесь.

— И как долго? — спросил Уилсон, хмуря брови.

— Что-то около трех-четырех минут. Пока жировые вещества не восстановятся на коже.

— Чудесно! Вот это нам в помощь!

Его ирония не понравилась Бекки.

— И все же должно существовать что-то такое, о чем вы не задумывались и что могло бы нам помочь. Если мы не в состоянии освободиться от наших собственных запахов, нет ли возможности подавить чутье у самих собак?

— Хороший вопрос. Вы можете вызвать осмоанестезию веществами типа кокаина, хотя я еще ни разу не слышал о собаках, которые добровольно его вдыхают. Вы можете применить также фенамин, который приведет к частичному параличу чувства обоняния. Им легче пользоваться, поскольку вы можете подмешать препарат в пищу. Его не надо вдыхать, достаточно проглотить.

— А ну, песик, иди ко мне, мой хороший, скушай кусочек!

— Ты можешь помолчать, Джордж! Если ты чуть пореже будешь открывать рот, мы, может, и узнаем что-нибудь дельное!

— О, невинная девочка превращается в дракона! П'остите меня г'ешного!

Сцепив руки на животе и насмешливо шурясь, он отвесил ей низкий поклон. Но вдруг оцепенел и быстро сунул руку за револьвером.

— Что такое?

Бекки уже была на ногах с револьвером в руке.

— Черт побери, уберите ваши игрушки...

— Заткнись, сынок! Бекки, я ясно что-то видел за этим окном. — В его голосе уже не было и следа насмешливости, говорил он тихо и серьезно. — Похоже на что-то в серой шкуре, прильнувшее к стеклу. Оно щелкнуло по нему и тут же исчезло.

— Но мы бы тогда услышали стук!

— Возможно. Стекло толстое?

— Понятия не имею. Для меня это просто окно.

Бекки вспомнила, каким образом они сюда попали.

— Они почти в сантиметр толщиной, — уточнила она.

Неожиданно Уилсон спрятал оружие.

— Смотри, опять появилось. Это всего лишь ветка, которую раскачивает ветер. Извините меня за ложную тревогу.

— Инспектор, успокойся, — сказала Бекки. — Такого рода выходы недопустимы.

— Еще раз извините, я рад, что ошибся.

Они бесспорно здесь засиделись. Это становилось опасным. Надо было снова садиться в машину, чаще перемещаться. Это, во всяком случае, затрудняло их отслеживание. Хотя теперь, подумав об этом, Бекки собственно и не знала, были ли частые поездки на автомашине эффективным способом борьбы. Она спросила об этом.

— Весь вопрос в шинах. Каждая из них имеет свой неповторимый запах. Ищейкам удастся выслеживать велосипеды, машины и даже повозки с железными обручами на колесах. Фактически в ряде случаев им даже легче идти по такому следу, чем за пешеходом. Остается больше запахов.

— Но в городе среди тысяч автомобилей это кажется просто невысказанным.

Фергюсон покачал головой.

— Это трудно, но не невозможно. И если верно, что вас довели до Бронкса, это значит, что охотники за вами вполне на это способны.

— Хорошо. Подведем итоги. От собственного запаха избавиться мы не в состоянии. Нейтрализовать их дьявольское чутье невозможно, так как для этого мы должны к ним подойти, а об этом и говорить не стоит. Так есть ли хоть одна добрая новость?

— Он всегда такой желчный, мисс Нефф?

— Миссис, пожалуйста. А мой ответ будет «да».

По тому, как Фергюсон скрестил ноги и стал гладить ладонью по щеке, она поняла, что он был одновременно сбит с толку и напуган. Определенно этот физиолог чего-то побаивался! В то же время у него такие энергичные черты лица. Пожалуй, только глаза выдавали суть его личности. В нем чувствовалось также что-то такое... вроде незаметная

поначалу компетентность, это было одной из положительных сторон его характера. Он, видимо, очень образован и умен.

— Интересно, к чему же приводит столь развитое обоняние? — спросил Уилсон.

Фергюсон повеселел.

— Я много занимался этим, лейтенант. Думаю, что смогу в общих чертах объяснить вам. Меня всегда глубоко привлекала проблема сообразительности у рода волков. Здесь, в музее, мы проводим исследование на этот счет.

— И на кошках тоже?

Бекки поморщилась. Вокруг Музея естественной истории в свое время разгорелись ярые споры относительно опытов, которые проводились над живыми кошками, и Уилсон, конечно, не мог сдержаться, чтобы не напомнить об этом.

— Это совсем другое дело, — живо отреагировал Фергюсон. — И относится к другой службе. Меня лично эта история не касается. Собак я изучал до 1974 года, пока не перестали субсидировать эту тему. Но за это время нам удалось добиться впечатляющих результатов. Я работал в тесном контакте с Томом Рилкером. — Он вздернул вверх брови. — Мы пытались усилить их чувствительность к некоторым запахам. Речь шла о наркотиках и оружии. Это было крупное дело, так как в случае успеха собак не понадобилось бы больше дрессировать.

— Добились чего-нибудь?

— А вот на это я вам ответить не имею права. — Он улыбнулся. — Государственная тайна, и привет от дяди Сэма. Весьма досадно. Я не могу даже статьи опубликовать.

— Вы говорили о смысленности собак.

— Верно. Так вот я думаю, что собаки знают о мире людей больше, чем мы об их. Просто потому, что они получают другого рода информацию от своих органов чувств. У них доминируют обоняние и слух. Зрение идет далеко позади. Например, если вы наденете одежду друга, то собака не узнает вас до тех пор, пока вы не заговорите. Потом она сконфузится, что так ошиблась. То же самое произойдет, если вы молча выйдете из ванной: собака не знает, кто — и даже, возможно, что — вы такое. Она видит в этот момент лишь какую-то перемещающуюся массу, которая пахнет

только водой. Она даже может броситься на вас и успокоится только тогда, когда услышит голос хозяина. Собаки не выносят неизвестности. Они любят привычное. Их переполняет информация, поступающая по каналам осязания и слуха. Случается, они буквально тонут в ней. Если ищейку выпустить на волю, не указав ей предварительно нужный след, она очень быстро выбьется из сил. И это будет источник психического характера. Как правило, чем собака умнее, тем больше сведений она извлекает из совокупности воспринимаемых ею запахов. Волку, например, они расскажут куда больше, чем собаке.

— Волку?

— Естественно, те ведь намного смысленнее и чувствительнее собак. У хорошей ищейки обоняние развито в сто миллионов раз сильнее, чем у человека. А у волка — в двести миллионов. Соответственно они лучше используют элементы получаемой информации. И даже, несмотря на это, их мозг наверняка не в состоянии воспринять все многообразие поступающих сигналов.

Уилсон отделился от косяка двери и взял муляж лапы в руки.

— А это ближе к собаке или к волку?

— Я бы сказал, к волку. Точнее: это похоже на лапу гигантского волка, если не считать дополнительного сустава. Замечательный вариант эволюции. Эти существа намного превосходят собак, если мои предположения в отношении этого вида правильны. Именно поэтому я прошу вас добыть мне голову одного из них. Пока я не увижу какую-нибудь другую часть их тела, я ничего больше сказать о них не в состоянии. Это слишком новое, слишком из ряда вон выходящее явление. До сегодняшнего дня наука ничего о них не знает.

— Что-нибудь сверх того, что уже есть, мы достать вам не сможем, — повторила Бекки, наверное, в сотый раз. — Вы знаете, как они нас изводят. Нам бы очень крупно повезло, если бы удалось хотя бы их сфотографировать.

— Если мы сделаем это, то не выживем. Эти твари слишком порочны, — вмешался Уилсон.

Он сделал Бекки знак глазами. Пора уходить. С наступлением ночи Уилсон держался начеку.

— Надо идти, — сказала Бекки Фергюсону, — мы думали, что самое лучшее для нас как можно больше передвигаться.

— Не исключено, что вы и правы.

— Еще раз извините за необычный способ проникновения сюда, — добавил Уилсон, — но другого варианта организовать с вами встречу у нас не было. Музей был закрыт.

Фергюсон улыбнулся.

— А если бы меня не было на месте?

— Исключено. Это уже стало для вас наваждением. Эта история взяла вас за душу, как и нас. Я знал, что вы здесь.

Фергюсон проводил их темными коридорами до боковой двери. Единственный сторож клевал носом при тусклом свете лампы.

— Я тоже уйду, — сказал им ученый, — у меня с ленча не было ни крошки во рту, и я не очень-то вижу, что я могу высидеть еще, продолжая созерцать эту лапу.

Они вышли в дышавший спокойствием музейный парк; снег похрустывал под ногами. Бекки нашла взглядом их машину, припаркованную на 77-й улице; ее накрыло толстой белой шапкой. Им предстояло пройти порядка двадцати метров по заброшенной аллее, чтобы оказаться в надежном укрытии внутри машины. Все казалось тихим и мирным в тени деревьев, окружавших здание, и на свежем снегу не было видно ни единого следа. Дул легкий ветерок, и поскрипывание голых веток смешивалось с пришептыванием падающих снежинок. Огни города, отражаясь от низко нависших облаков, заливали пейзаж зеленым светом, перебивая сияние луны. Но даже в таких условиях путь до машины показался им очень долгим. Бекки заметила, что и Уилсон был в таком же, как и она, состоянии духа: засунув руку под пиджак, он сжимал рукоятку револьвера.

Дойдя вместе с ними до тротуара, Фергюсон заявил, что теперь он доберется домой сам на автобусе 10-го маршрута до западной части Централ Парка.

Они проследили, как он отъехал.

— Я беспокоюсь, правильно ли мы поступили, — сказала Бекки, включая зажигание.

— В чем ты сомневаешься?

— Стоило ли его отпускать одного. Мы совершенно не знаем, в какой степени он тоже подвергается опасности. Если они наблюдали за нами, то видели нас вместе. Какой вывод они могут сделать? Возможно, такой, что следовало бы убрать и его. Я думаю, что он далеко не в такой безопасности, как думает.

— Поехали. И включи это радио, будь оно проклято. Послушаем, как там с движением сегодня.

— Сегодня на улицах будет болтаться не так уж много наркоманов. Слишком холодно. Ночь пройдет спокойно.

Они услышали сигнал № 13 от новоспеченного копа с угла улиц № 172 и Амстердамской, который был тут же аннулирован. Нельзя было так отменять вызов начинающего коллеги. Все равно парни сейчас рванут к нему на помощь, а потом намнут ему бока.

— Как считаешь, что с ним случилось? — спросил Уилсон.

Судя по всему, ответа он и не ждал, и Бекки промолчала. Кого в самом деле мог заинтересовать молодой коп, который по ошибке выдал сигнал № 13? Бекки повернула на восток, пересекая по 79-й улице Централ Парк. Ей захотелось в китайский ресторан, что недалеко от ее дома. Не то что она была очень голодна, но поесть было надо. А что потом... как проведут они ночь? А последующие дни?

— Что же они все-таки могут сделать с нами?

— «Сделать», Бекки? Ни малейшего представления. Они будут продолжать морочить нам голову. Эй! Куда это ты едешь? Ты ведь здесь живешь?

— Уилсон, не заблуждайся. К себе домой я тебя не повезу. Мы просто перекусим. Вспомни, что это необходимо.

— О, проклятые, Бекки, но ведь это же сечуанский ресторан. Я не могу здесь ужинать.

Она поставила «понтяк» во втором ряду и вытащила ключи из зажигания.

— Ты вполне сможешь это сделать. Стоит всего лишь попросить их не добавлять в пищу этот остро-пикантный соус.

— Нет, в подобном заведении я вообще не способен ничего съесть, — угрюмо заявил он.

Она вышла из машины, и он скрепя сердце все же последовал за ней. Ресторан был освещен приглушенным светом ламп. Они отряхнулись при входе от снега.

— Ну и сыплет сегодня, — приветствовала их девушка в гардеробе.

— Да уж, хватает, — ответил Уилсон. — Бекки, мы разоримся в этой забегаловке. Опять же девицы кругом. Я никогда не обедал в ресторанах, где они промышляют.

Он лавировал вслед за ней между столиками, продолжая нить, но, взглянув на меню, онемел. Она ясно представила себе, как в этот момент в его голове крутятся колесики счетной машинки.

— Поскольку я здесь не раз бывала, то заказ для нас обоих сделаю я, — решительно заявила Бекки, отбирая у него меню. — Это тебе обойдется максимум в пять зелененьких.

— Пять!

— Может, и в шесть. Надеюсь, ты не очень проголодался, потому что за такие деньги больше одного блюда не получишь.

— Ну ты даешь!

Подошел официант. Она выбрала Уилсону креветки в чесночном соусе, а себе цыпленка танг. По крайней мере, если это будет последний в ее жизни ужин, то она хоть поиришествует. Но Бекки вынудила себя переключить мысли на другое, не следовало искушать дьявола. Она заказала и выпивку. Уилсон предпочел пиво.

— Надо же, за пиво целую бумажку дерут, эти китайцы не теряются, — пробрюзжал он.

— А ну, расслабься. Увидишь, тебе здесь понравится. Давай лучше подведем итоги, — сказала Бекки.

— Относительно сказанного Фергюсоном?

— Да, и тех идей, на которые эти сведения могли тебя толкнуть.

— Нам следовало бы спрятаться в бак для хранения мяса в холодильнике Эванса.

— У меня идея получше... Мы могли бы кое-что предпринять... пока мы живы. Не вызывает сомнений, что наши приятели в конце концов нас прикончат, это всего лишь вопрос времени. Рано или поздно, но мы разделим участь Ди

Фалько и Хоулигена. И только тогда департамент понастоящему ВСТРЯХНЕТСЯ. Но нам-то это будет уже до лампочки.

— У нас нет доказательств. Именно это стопорит все. Мы разводим теории, собираем слухи, делаем предположения. И у нас уморительный муляжик из парижского гипса, приготовленный неким чудаковатым доктором.

— Кстати, а почему бы еще не сфотографировать их? Я понимаю, что это, конечно, не труп, а всего лишь картинка, но это нас, несомненно, далеко продвинет.

— Интересно, как это ты сделаешь фото того, чего никак не можешь увидеть? Если будет хватать света для съемки, то для этих бестий будет слишком светло. Они никогда не приближались к нам днем. Конечно, можно было бы воспользоваться аппаратурой с инфракрасным диапазоном. Спецслужбы охотно нам помогут, но это чертовски громоздкая штука, с которой нелегко работать.

— У меня мелькнула мысль получше. В бригаде по наркотикам как-то испытывали аппарат, который дает изображение с компьютерным усилением. Его применяли во Вьетнаме. Ты можешь сделать фото суперкласса даже в полнейшей темноте. У Дика в подразделении есть один экспериментальный образец.

— А не понадобится ли грузовик для его перевозки?

— Совсе нет. Аппарат напоминает большой бинокль. Само устройство скрыто внутри. Ты просто смотришь в окуляры и можешь фотографировать все, что видишь.

— М-да. Но вот в чем заковка: для этого надо подобрать к ним достаточно близко.

— Не обязательно. У него 500-миллиметровый телеобъектив.

— Дьявол, это как раз то, что нам нужно. С такой техникой можно находиться от них по крайней мере метров на четыреста.

— Вот именно. Устроив, например, засаду на крыше моего дома, мы могли бы наблюдать за проходом.

— Кажется, это вполне реально. Можно будет отснять фото и смыться раньше, чем они начнут карабкаться по балконам.

— Еще одна небольшая проблема: надо убедить Дика помочь нам. Прибор придется доставать ему, поскольку тот считается сверхсекретным.

Уилсон нахмурился. В этом случае придется нарушить правила, установленные в департаменте, а это ему не нравилось. У него было слишком много врагов, чтобы допускать такие проколы.

— Боже, если бы у них хватило времени, они скоро объявили бы суперсекретными даже шариковые ручки. Не хочется попадать в подобную передерягу: мы еще с этой не закончили.

— Но Дик кое-чем тебе обязан, Джордж.

— Чем же?

— Ты прекрасно знаешь, о чем идет речь.

Она говорила об этом небрежно, хотя чувствовала, как ее захлестнул гнев. Чтобы получить должность инспектора, надо было войти в состав команды из четырех человек. А для этого требовалось, чтобы кто-то из ее членов взял тебя в качестве напарника. Уилсон по просьбе Дика сделал это для Бекки, что позволило ей избежать назначения в какую-нибудь вспомогательную административную службу, где обычно оседали многие другие женщины-полицейские.

— Конечно, тот случай можно расценивать как услугу, но на самом деле это не так.

— Черт побери! Ты деградируешь, Уилсон. Ты хоть понял, что сделал мне комплимент?

Он рассмеялся. На какое-то мгновение из морщинок его лица составилась почти веселая маска, но затем оно вновь обрело обычный угрюмый вид.

— Ты заработала сразу несколько очков, Бекки, — согласился он. — Думаю, ты права. Ясно, что, взяв тебя в команду, я сделал Диду подарок. Может, он и действительно доставит мне этот аппарат.

Бекки извинилась и пошла звонить. Она хотела убедить, что муж дома.

— Послушай, мы спросим Дика об этом аппарате напрямую, согласна? Лучше сразу все выложить, а не бродить вокруг да около.

— Ты хочешь сказать без всяких там дипломатических тонкостей?

— Да, я не очень силен в них.

— Хорошо, приступим к делу сразу же. Об этих особых оптических приборах, которые имелись на вооружении спецслужб, слышали все. Вполне логично, что кому-то из бригады по борьбе с наркотиками он может понадобиться, ведь верно? Бесполезно признаваться ему, что мы знаем о совсекретном характере этой штуковины. Этот аргумент ему, может, и в голову не придет. Он достанет его нам особенно и не раздумывая. Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Так в чем дело? — спросил Дик.

— Нам нужна твоя помощь, — бросился Уилсон с места в карьер. — Мне надо сделать кое-какие фото, и для этого требуется аппарат для ночных съемок.

— Что за аппарат?

— Тот, что ты можешь одолжить у спецслужб с 500-миллиметровым телевиком и устройством для усиления изображения. Тебе он известен.

— А почему бы тебе самой его не взять? — Он вопросительно посмотрел на Бекки.

— У нас нет права, милый. Аппарат нам нужен, чтобы доказать факт существования этих тварей.

— Ах ты Боже мой! Опять этот бред собачий! Вы что, так и не можете остановиться? Оба малость тронулись, что ли? Я не могу достать этот проклятый аппарат!

— Мы нуждаемся в твоей помощи, Нефф. — Уилсон склонился вперед, и его глаза засверкали из-под толстой складки бровей. — Я же тебе помог в свое время.

— О, Господи! — он улыбнулся и отвернулся. — Значит, долг платежом красен. Велика была услуга. Позволь мне сказать тебе, Уилсон, что мне глубоко начхать на нее. Это не считается.

— Этот аппарат может выручить нас, дорогой. Помог. Всего на ночь, максимум на две, — сказала Бекки.

— Вам понадобится не только этот паршивый аппарат. Вы будете нуждаться и во мне тоже, чтобы пользоваться им. Это довольно-таки сложная штука. Вы никогда не сумеете применить ее сами.

— Но ты можешь нас научить.

Он покачал головой.

— Для этого понадобятся недели. Стоит ошибиться на волосок — и никакого фото не получится.

— Дик, умоляю тебя. Всего на одну ночь. Это все, что нам от тебя нужно, — настаивала она, глядя ему прямо в глаза.

Он посмотрел на нее, нахмутив брови, словно спрашивал у жены: «Неужели это так серьезно?» Она кивнула головой с важным видом.

— Ладно, на одну ночь согласен. Может, заодно и повеселимся.

Итак, он согласился. Она и рада была бы испытывать в этот момент что-то большее, чем простую признательность. Но Бекки была настолько раздражена и так устала, что согласилась бы на что угодно, лишь бы не оставаться с ним наедине в этот вечер.

Она проводила Уилсона до двери.

— До встречи завтра в штаб-квартире. В восемь? — спросила она, пока тот надевал пальто.

— Хорошо, в восемь.

— Ты куда сейчас, Джордж?

— В любом случае не к себе. А с твоей стороны это безумие оставаться здесь, учитывая все, что происходит.

— Но мне некуда деться.

— Это твое дело.

Он вышел в коридор и исчез. На какой-то миг она усомнилась, увидит ли она его еще раз живым, но потом овладела собой. Так нельзя! Она развернулась, глубоко вздохнула и пошла навстречу предстоящей ночи с мужем.

Глава шестая

Их безумно терзал голод. Только одна цель манила их — утолить его. Они питали слабость к темным, уединенным кварталам города, но необходимость идти по следам врагов вынудила их выдвинуться в самый его центр, где каждая вещь, подобно плотному туману, была пропитана приятным букетом запахов человека. Вот только с убежищами было туго.

И тем не менее даже в самых ярко освещенных местах по-

падают зоны затемнения. Сейчас они трусили цепочкой вдоль стены, отделявшей Централ Парк от улицы. Им не было необходимости заглядывать в него через ограду, достаточно было обоняния, чтобы твердо знать, что с той стороны заняты лишь несколько лавочек. Но они уже учуяли богатое оттенками благоухание, исходившее от человека, спавшего на одной из них примерно в пятистах метрах отсюда: его поры источали запах алкоголя. Для них это имело однозначный смысл: их ожидала легкая добыча и, следовательно, утоление голода.

Вблизи стало слышно дыхание намеченной жертвы. Так тяжело и беспокойно дышат старые люди. Они остановились на одном с ним уровне. Советоваться друг с другом необходимости не было. Каждый уже знал свою роль.

Они вскочили на стену и улеглись на ней в полной неподвижности. Человек лежал на скамейке прямо под ними. Уши самки, находившейся ближе к его голове, прыгнули назад, именно ей предстояло перегрызть ему горло. Двое других вмешаются лишь в том случае, если добыча начнет сопротивляться.

Готовясь, она на мгновение затаила дыхание. Взглянула на спящего — он был плотно укутан. Значит, следовало в одном броске достать его, разметать одежду и мгновенно вцепиться в шею.

Если добыча дернется более двух-трех раз, она разочарует сородичей. Широко раздвув ноздри, самка вдохнула все богатство ароматов этого мира. Прислушалась к шуму улицы. Ничего, кроме обычного шуршания автомобилей. Ни одного прохожего на расстоянии пятидесяти метров. Она повела ушами в сторону человека, сидевшего в кресле в ярко освещенной стеклянной лоджии дома на той стороне авеню. Тот слушал радио. Она ждала; вот он повернул голову и посмотрел на вход.

Пора! Она прыгнула, быстро сунулась мордой в складки одежды, добираясь до теплого тела, почувствовала, что жертва вот-вот закричит. Человек напрягся под ее тяжестью. Открыв пасть, она вонзила клыки, прижав язык к дивному, соленого вкуса, телу. Рванув изо всех сил, она вырвала шею вместе с грудной клеткой. После этого, не выпуская громадного кровотокающего куска, она вновь запрыгнула на стену. Человек едва успел слабо охнуть, как уже весь истек кровью.

Привратник повернул голову в их сторону. Никакого движения он не уловил. По-прежнему настороже, она сморщила морду. Ее дыхание было ровным, от нее приятно пахло. Отлично, привратник ничего не заметил.

На этом ее роль завершилась. Она спрыгнула на другую сторону и начала пожирать добычу, такую теплую и сладковатую. Стая осталась вполне удовлетворенной ею. Сородичи принялись за дело. Сначала они подняли тело на стену, затем сбросили в парк. Оно глухо стукнулось о землю. Потом двое из стаи, специализировавшиеся на этой операции, быстро его раздели. Всю одежду они отнесли в сторону, разорвали ее в клочья и только после этого вернулись к трапезе.

Тем временем обнаженное тело было очищено от внутренних органов, и они тщательно обнюхали все органы. Отложили в сторону несъедобные одно легкое, желудок и обочную кишку.

Затем каждый обслужился по старшинству.

Матери — мозг. Отцу — бедро и заднюю часть. Первой паре — потроха. Второй — все остальное. Все отходы по окончании пиршества были собраны в кучу и — один кусок за другим — заброшены в ближайшее озеро. Кости сразу ушли на дно, и их найдут не раньше весны, если вообще обнаружат... Ключья одежды были припрятаны в радиусе восьмисот метров от места происшествия. Следы крови пьяницы прикрыли свежим снегом. Когда все было кончено, они припустились к прикрытой незапятнанной белым покровом лужайке, которую присмотрели заранее.

Они бегали и резвились по ней, получая громадное удовольствие от своей возни, с ходу врезались мордой в пушистую гладь снега. Зная, что никто их не услышит, они затаили песню радости, восторгаясь перепадами голосов. Этот вопль поднялся над парком, и ближайшие дома отозвались на него слабым эхом. Тех немногих, кто в этот час еще не спал, пронзила дрожь; они оцепенели при звуках этого завывания, пробудивших унаследованный от предков ужас.

Потом они спрятались в туннель, где провели последние четыре ночи. По давно выработанной привычке они спали в начале ночи, когда большинство людей утихомиривалось. Днем их враг обретал силу, и они были начеку, покидая убежище только в случае крайней необходимости. Вечером выходили на охоту.

И это была традиция, пришедшая из глубины веков.

Перед сном вторая пара занялась любовью, одновременно — для забавы остальным и для продолжения рода. Затем отец и мать всех облизали, и стая заснула.

Спали они недолго. Обычай требовал, чтобы они пробуждались за час до зари. Но этой ночью им предстояло еще потрудиться, и вместо того, чтобы полностью использовать эти краткие часы для отдыха, они выскользнули из своего логова и помчались по молчаливым улицам.

Бекки ждала, пока телефон на том конце провода прозвонит раз, второй, третий. Наконец Уилсон снял трубку. Значит, он все же вернулся к себе.

— Д-д-а-а?

— Как дела? — спросила она.

— В порядке, мамочка.

— Ладно-ладно, не иронизируй. Обычный ночной контрольный звонок.

Он дал отбой. Ему пришлось в голову совсем отключить телефон, но зачем?

Уилсон подождал пять минут, чтобы наверняка знать, что она больше не позвонит. Телефон молчал. Разумеется, его грубость взбесила ее. И она демонстративно уже не напомним о себе сегодня.

Ну и прекрасно! Он прошел в свою комнату и открыл специальный кофр, который хранил в шкафу. В нем лежало всевозможное оружие, одно другого незаконнее — охотничье ружье со спиленным стволом, «WW-II» в превосходном состоянии и особенно «Ингрэм М-II». Он вынул этот автоматический пистолет из кобуры и достал пачку патронов. Затем, соблюдая большую осторожность, зарядил его. До чего же приятно было держать его в руке! Неоспоримо, по конструкции это был самый лучший автоматический пистолет: легкий, бесшумный, делавший до двадцати

выстрелов в секунду. Его создали не для того, чтобы пугать, сдерживать или затруднять противника, а просто-напросто, чтобы эффективно его убивать. Одной пулей можно было снести человеку голову. Лучшее автоматическое оружие, которое когда-либо изобретал человек. Самое скоростное, самое смертоносное. Он открыл магазин и вставил обойму с дозвуковыми пулями 380. Пистолет стал тяжелее, но по-прежнему прекрасно отцентровывался в руке. Удобен в обращении. Точен. Невероятная для пистолета дальность. Из него можно было поразить человека на расстоянии в 150 метров, а если тот бежал, снять его очередью.

Он положил пистолет на кровать и надел пальто, которое носил лишь изредка. Затем сунул М-П в специально подготовленный для него карман. Несмотря на размеры и вес М-П, заметить, что Уилсон вооружен, мог только очень внимательный наблюдатель. Опустив руку в карман, инспектор снял пистолет с предохранителя. Теперь достаточно было нажать на курок — и он опустошал всю обойму. Неплохо. Затем он надел старую помятую шляпу, которая не только отлично прикрывала голову, но и прекрасно скрывала лицо. После этого Уилсон обулся в черные, удивительно теплые, холщовые на веревочной подошве туфли. Перед этим он натянул на ноги две пары носков. Туфли отличались необыкновенной эластичностью даже на снегу. Их холст был насажен на полиуретан, и на подметках для лучшего сцепления с почвой сделана насечка. В такой обуви он мог передвигаться быстро и бесшумно. Она была очень удобна для теперешних морозных ночей. И, наконец, перчатки. Их тончайшая мароканская кожа ни в чем не стесняла при пользовании оружием.

И еще одна, последняя, предосторожность. Вытащив пистолет, он тщательно протер его. Даже полицейский со своим жетоном не может позволить себе болтаться по городу, оставив отпечатки пальцев на «Ингреме». В уставе на этот счет не говорилось ни слова. Но в этом просто не было необходимости. Для приобретения автоматического оружия требовалось специальное разрешение, для его ношения — еще одно. Более того, как полицейским, так и гражданским лицам запрещалось иметь его при себе в заряженном виде.

Уилсон положил М-П в карман и некоторое время неподвижно стоял посередине комнаты. Кажется, предусмотрено все. Можно и в путь. У него была мысль принять также и ванну, чтобы избавиться от собственного запаха, но он отказался от этой затеи. Его единственным козырем был М-П, а также то обстоятельство, что те, на встречу с кем он теперь шел, не привыкли выступать в роли дичи. Во всяком случае, он надеялся на это. Уилсону казалось, что ход его размышлений безупречен: охотнику на оленя не ожидается, что тот может внезапно обрушиться на него, как лев не ожидает нападения со стороны газели.

Уилсон должен был начать действовать, чтобы жила Бекки. Именно она имела право на жизнь — своей молодостью и пышущим здоровьем. А он мог пойти и на определенный риск. Впрочем, риск был громадный.

Внезапно при мысли, что эти монстры могут с ним справиться, у него по всему телу пошли мурашки. Но их с Бекки загнали в тупик, и, если они хотели, чтобы им помогли, надо было любой ценой достать образец, который послужил бы неопровержимым доказательством. И тогда Андервуд будет вынужден предоставить в их распоряжение необходимые полицейские силы.

Следовательно, выбора у него не было. «И все же, — вдруг подумал он, — так хочется жить, невзирая на возраст! Впрочем, что об этом думать, если все равно я уже иду туда».

Снегопад усилился. Это было ни к чему, так как затрудняло видимость ему, но ни в чем не мешало их нюху. Зато будет заглушать звук его шагов.

Он сунул руку в карман и положил указательный палец на спусковой крючок М-П. Если разобраться, то, в сущности, это было гнусное оружие, разработанное для борьбы с партизанами и для вылазок такого рода, когда требуется уничтожить все, что движется. И тем не менее оно придавало Уилсону уверенность. Оно было идеальным для охоты на его дичь. Пули «Ингрема» могли свалить наповал великана и разнести на куски животное массой в 50 килограммов.

Он задумался, как застать своего врага врасплох. Уилсон считал более вероятным, что эти твари нападут сначала на

Бекки, поскольку она была моложе, сильнее и, значит, опаснее для них. Он же, неуклюжий, старый, больной, будет их второй мишенью. Его предположение основывалось на том, что ради слежки за ней они преодолели гораздо большие расстояния.

Ясное дело, они следили и за ним. Но реже. Например, прошлой ночью они пробрались в подвал, отдушину в котором он нарочно оставил на ночь приоткрытой. Позже он обнаружил на покрытом пылью полу подвала две группы отпечатков лап, которые никак невозможно было спутать со следами от обуви. В ту ночь они поднимались по лестнице вплоть до его двери. На дверном замке остались царапины — они пытались открыть его своими когтями.

Но Бекки их интересовала в первую очередь. Он был почти уверен в этом. Внезапно Уилсон подумал, а что если он ошибается? Если они сейчас идут за ним?.. Ну что ж, тем лучше.

В этот поздний час он шел по пустынным улицам, засунув руку в карман пальто и судорожно сжимая М-П. Несмотря на то, что Уилсон был отлично вооружен, он все равно шел по краю тротуара, избегая темных закоулков, дверных проемов и пожарных лестниц. Он частенько останавливался и оглядывался. Всего раз ему попался прохожий, тут же поглощенный круговертью снежинок, — смутный силуэт, закутанный с головы до ног.

Добравшись до Восьмой авеню с ее огнями, он почувствовал себя значительно спокойнее. Свет неоновых ламп, машины и более многочисленные прохожие отодвигали опасность. Тем не менее он считал более безопасным сесть в автобус, чем ловить такси. Пришлось ждать с десяток минут. Он поднялся в автобус и доехал до остановки западной части Сентрал Парка. Осталось лишь пересечь парк, чтобы добраться до квартала, где жила Бекки. Аппер Ист Сайд... Ну и что из того, что ему хотелось бы здесь жить...

Сначала он намеревался пройти до ее дома пешком. Но, подумав, пришел к выводу, что это было слишком рискованно. Зимой парк был совершенно пустынен.

Прождав, как ему показалось, целый час, он наконец увидел подходивший автобус. Тот медленно полз сквозь все более сгущавшуюся пелену снега. Уилсон поднялся в него, с удовольствием окунувшись в царившее внутри тепло. Он несколько расслабился, но все равно ни разу так и не вынул руку из кармана.

Сойдя с автобуса, он сразу же заметил дом Бекки. Стал считать балконы. Так, она оставила свет зажженным. Умно сделано. Как разозлилась бы она, узнай, что он пришел сюда, не предупредив ее. Но иначе он поступить не мог. Если уж бессмысленно рисковать, то надо делать это в одиночку.

Он пошел к проходу, где, по его расчетам, эти твари должны были собираться накануне. Разумеется, снег уже скрыл все их следы. Но рано или поздно они сюда вернутся. И если у них действительно так развито обоняние, как предполагал Фергюсон, то они учуют его задолго до того, как увидят. Тогда, ну что же... пусть приходят! Он слегка выдвинул М-П из кармана, затем опустился на корточки за мусорным баком и стал ждать.

Час ночи. Подывал северный ветер. Два часа. Вьюжило. Уилсон размял онемевшие ноги, энергично потер нос, прислушался к биению сердца. К трем пятнадцати его стало клонить ко сну. Для бодрости он крепко уцепил себя за щеку. Затем все успокоилось. Снегопад прекратился. Он невольно вздрогнул. Надо же: заснул! Который теперь час? Четыре часа двадцать минут. До чего надоело. А впереди еще целый час... Но на той стороне улицы, напротив прохода, стояли они — шестеро и прямо на свету. Ничего более леденящего душу и ужасного он никогда в своей жизни не видел. Уилсон весь напрягся и, не шевелясь, пристально разглядывал их.

Это были крупные звери. Их можно было принять за волков. Однако шерсть у них была темно-коричневого цвета, а голова держалась на гораздо более длинной, чем у тех, шее. Длинные остроконечные уши были направлены в его сторону. Он почти физически ощущал, как они выслушивают его. Какой-то участок мозга истерично требовал: «Боже! Да стреляй же, стреляй!» Но он не мог шевельнуть и пальцем, словно окаменел. А твари стояли, и из-под выступавших вперед бровей остро сверкали их серые глаза. Они выгля-

дели как убийцы, но... какие-то безмятежные, просветленные. Их отвислое подобие губ казалось до странности чувственным. В их мордах не было ничего человеческого, но явственным проступали ум и сообразительность. Несомненно, их внешность похлеще тигриной, беспощаднее и более невосприимчива к контакту.

«СТРЕЛЯЙ!»

Он неспешно, как при замедленной съемке, вытащил оружие. Осторожно взял их на мушку, но... они мгновенно исчезли.

Никаких следов их пребывания, даже снег не скрипнул. Ничего! Они просто РАСТАЯЛИ! Черт побери, он даже и подумать не мог, что они настолько быстры! И тогда уж он рванул с места в карьер — что было сил. Как безумный, он выскочил на середину заснеженной улицы. Он чувствовал себя старым, совсем старым. Задыхаясь от напряжения, он бросился к освещенному окну. Это был ночной бар. Он ворвался вовнутрь.

— Эй, приятель, ну и напугал же ты меня!

— Извините, извините! Я... мне холодно. У тебя есть кофе?

— А как же, сейчас сделаю. Ты что это мчался как угорелый, свою задницу спасал? Неприятности, старина?

— Я хотел согреться. Всего лишь.

Бармен поставил на стойку кофе. Но из рук его не выпустил.

— А у тебя найдутся 50 центов, папаша? Плата вперед.

— Ах, да... Ну конечно.

Уилсон заплатил, взял обжигающе горячую чашку, поднес к губам и сделал глоток.

«Господи! Я ОСТАЛСЯ ЖИВ! Я ведь на удивление быстро выхватил этот проклятый пистолет! Секундой позже они бы бросились на меня, ну и шуточки! Есть над чем позубоскалить...»

Даже если и показалось ему в тот момент, что он замешкался, на самом деле пистолет он выхватил практически мгновенно. Достаточно быстро, чтобы спасти свою шкуру. Но они отреагировали с необыкновенной быстротой. Он сделал еще глоток кофе, заметив, как сильно дрожит его рука. Надо остановить это. Когда-то давно он научился справляться с тем особым чувством, которое возникает, когда чудом избежишь смерти. Потом он свылся с ним. Но сейчас надо было обязательно применить ту систему восстановления самообладания, которой еще в сороковые годы научил его, тогда еще салагу, первый напарник.

«Успокойся,— настойчиво внушал себе Уилсон.— У тебя просто разыгралось воображение. Ты в шоковом состоянии. А ну, господин полицейский, встряхнитесь! Расправьте плечи, расслабьте живот, разомкните губы, глубоко вдохните... раз... два, ни о чем не думайте. От всего отвлекитесь».

Он снова глотнул кофе. И только сейчас заметил, что тот был крепким и без сахара.

— Эй, я же заказал кофе послабее, а этот совсем не то.

— Тебе сейчас, кореш, нужен крепкий кофе. Выпей сначала этот, а второй я сделаю послабее.

— Спасибо, доктор, но я не пьян.

Бармен тихо рассмеялся, потом посмотрел Уилсону в глаза.

— Я этого не говорил. Ты просто подымаешь с перепугу. Давненько не видел, чтобы кто-то так стухнул. Может быть, кофе встряхнет тебя, приятель.

— Я уже в норме и хочу кофе послабее. Этот не лезет в горло.

— Не беспокойся. Раз у тебя есть деньжата, я тебе сделаю его хоть на вертеле, только пожелай. Я тебя не подначиваю, но не говори, что ты не можешь его выпить.

— Почему это, черт подери! За кого ты, лопух, меня принимаешь? Я же сказал: кофе послабее. И не хочу пить твое пойло.

— Полегче, приятель, лучше взгляни на свою чашку.

Она была пуста. Он даже не заметил, как осушил ее! Уилсон замолчал и вновь погрузился в свои мысли. Нет, это просто поразительно. Они почти растворились в воздухе, хотя он смутно видел метнувшиеся прочь тени. Внезапно он подумал, что если они так молниеносно перемещаются, то они могли бы наброситься на него еще до того, как он сообразил, что происходит.

Почему же они не сделали этого? По каким-то непонятым причинам они не тронули его старые кости. Может быть, М-П и придавал ему уверенности, но оказалось, что он никуда не годился. Абсолютно. И конечно, их испугало не то, как быстро он его выхватил. Значит, причина в том... что-то похожее, хотя и не совсем, на смутное воспоминание пробудилось в его сознании. Он уже почти догадался, почему они скрылись. Но потом мелькнувшая было мысль ускользнула... «Ну и дерьмо!»

— Вы в состоянии покинуть бар, господин?

— Нет!

— Вы видите, что у нас нет столиков. Это ночное заведение. Сюда приходят, чтобы выпить, а затем уходят. Таково правило.

— А если я останусь?

— Ну что же, оставайтесь. Но у меня такое впечатление, что вы несете с собой беду, что она по пятам следует за вами.

Уилсон какое-то время колебался: уйти или предъявить свою бляху полицейского. Пока что улица для него не была самым безопасным местом. А то, что их остановило, могло и не повториться. И он вытащил свой жетон.

— Полиция,— сказал он нейтральным голосом.— Я остаюсь.

— Мне так и показалось.

— У вас есть что-нибудь вроде задней комнаты, уголка, где я мог бы прилечь? Я очень устал, попал в мерзкую передрягу.

— Вынужден поверить вам, судя по виду, с которым вы ворвались сюда. Есть кладовка. Там удобно — достаточно много места и тепло. Время от времени я и сам не прочь там вздремнуть.

Он провел Уилсона в комнатушку с низким потолком, похоже, сарайчик, пристроенный к задней стене здания из песчаника, где размещался бар. На окнах были решетки, а двери запирались на три засова. Очень неплохо, уютно, надежно и прекрасно подходит для того, чтобы дожидаться здесь того часа, когда день выбросит на улицы толпы прохожих. Тогда он сможет спокойно покинуть это пристанище. Устраиваясь поудобнее, он подумал о том, какое тяжелое он потерпел поражение. Это внушало ужас. Они были сильнее его, и многого, в этом не оставалось никаких сомнений. Удивительно динамичные, наделенные разумом, они полностью владели ситуацией. И если он все еще жив, то лишь по единственной причине: они почему-то сами захотели этого.

Едва закрыв глаза, он увидел их вновь: пристальный, алчный взгляд, жестокая красота их облика... и он вспомнил свой рассказ Бекки о сохатом и волках. Любопытно, что тогда чувствовал выбившийся из сил старый лось, глядя на этих лесных волков? Была то любовь или же настолько оглушающий страх, что он перерос в нее?

Когда они учуяли, кто прятался в проходе, то откровенно возликовали. Он пришел сюда, чтобы защитить свою самку. Все точно так, как сказал им Отец. Тот очень хорошо знал людей, он умел различать в запахах оттенки, в которых молодежь еще разбиралась с трудом. Это он понял, что раскрывший их старик любил самку, с которой работал. Тогда Отец сказал им: «Настанет момент, когда мы сможем напасть на обоих сразу, потому что самец попытается защитить свою подругу». Отец выбрал место и время.

Они пошли туда и обнаружили его. Спящим! Вторая пара уже подготовилась к атаке, пересекла улицу. Они уже спружинили к прыжку, когда человек поднял голову и взглянул на них. Они оцепенели, почувствовав пистолет в его взмокшей руке.

Решение далось нелегко. Но Мать немедленно приказала: «Уходим, слишком рискованно! Прикончим его в другой раз».

Стая бежала по улицам. Они добрались до развалин дома, где пережидали день. Одна и та же навязчивая идея заставляла биться их сердца в едином ритме: эти люди знают о них и до сих пор не уничтожены. С восходом солнца они разнесут новость повсюду и пробудят тот страх, о котором говорится в старинных легендах. Тогда их собственная, да и будущих поколений, жизнь среди людей станет трудной и опасной.

Особенно встревожилась вторая пара, которая весной ждала прибавления семейства, поскольку в этом случае они его не хотели.

Нет, они не боялись отдельных людей или даже групп. Но бесчисленные человеческие толпы в конце концов сумеют одолеть или, по меньшей мере, вынудить их вести жизнь затравленных зверей, а такое существование недостойно свободных созданий. Когда они осторожно пробирались по опустевшим улицам, их мучило лишь одно желание: убить этих двоих, убить как можно скорее. Едва возвратясь в логово, они заговорили об этом между собой. Разговор получился оживленным и долгим. Он взбудоражил их до дрожи, до безумной жажды крови, всех, кроме Отца, который сказал: «Мы все равно выиграли. Он скоро сдастся сам: как все пожилые люди, он хочет смерти».

Уилсон открыл глаза. Снаружи проникал серо-желтоватый свет. Равномерное потрескивание стекла означало, что снова пошел снег.

— Господи, кто это?

Над ним склонился толстяк в серых штанах и белой рубашке. Он был лыс, с чертами лица, отмеченными печатью давней и неутоленной жажды.

— Я коп. Зовут Уилсон.

— О Всевышний!..И зачем ты пустил это ничтожество, Фредди? Сейчас же выставь отсюда этого мерзавца! Он же явный пройдоха!

— Он мне предьявил свою бляху, старина. Не буду же я выбрасывать полицейского за дверь.

— Любый дурак может купить такой жетон с рук на Сорок второй улице. Вытолкай этого кретина взащей, говорю тебе.

— Остынь, прелесть моя. Я уйду сам. Спасибо тебе, Фредди, от имени нью-йоркской полиции.

Уилсон удостоился презрительной улыбки со стороны белого и полного отвращения взгляда, брошенного на него чернокожим. Спать в кладовке — довольно необычное занятие для копа. Но ему было в высшей степени наплевать на это.

Улица все еще была дьявольски пустынной. И заснеженной — слой сантиметров в 14–20. Настоящая метель. Он снова направился к дому Бекки. Но резко остановился на полпути. Молнией пронзила мысль: они пришли сюда, заранее зная, что застанут его. Это же были ОХОТНИКИ, черт побери, и они отлично разбирались в психологии своих жертв. Фантастика! Они прекрасно понимали, что он вернется. Вероятно, кто-то из них на его месте поступил бы точно так же: в первую очередь побеспокоился о безопасности любимой.

Стоп, не время сейчас думать об этом. Пока что он голоден и ему холодно. Он с трудом дотащился до станции метро на Лексингтон-авеню, намереваясь поехать в штаб-квартиру. На часах было 6.30. «Мерит-бар» уже к этому времени открыт, и он прекрасно позавтракает. Но он ощутил тяжесть М-П. В полиции не принято отмечать свой приход на работу с заряженным М-П в кармане. Сначала надо добраться домой и сменить его на табельное оружие.

Выйдя из подземки, он добрался до своего дома и вошел на этот раз через главный вход. Сняв пальто с М-П в кармане, он надел другое, в котором находился 38-й калибр. И все. Учитывая, насколько основательно была забаррикадирована комната, не стоило беспокоиться, что какой-нибудь воруаг завладеет пистолетом да и вообще чем-либо в его квартире.

Он прошел по чинным и хорошо освещенным коридорам штаб-квартиры до небольшого кабинета, который занимал вместе с Нефф. Открыв дверь, он от удивления округлил глаза.

У него сидел Эванс.

— Хэлло, док! Я что, задолжал вам денег?

Но Эванс не был расположен цапаться с Уилсоном.

— Еще одна жертва,— сказал он просто.

— Что там такое?

Эванс посмотрел на него.

— Вызовите Нефф. Скажите ей, чтобы она присоединилась к нам на месте происшествия.

— Что-то новенькое? — спросил Уилсон, набирая номер.

— Навалом.

— Почему же вы не вызвали Нефф сами?

— Вы ее начальник. Сначала попытался разыскать вас. Поскольку никто не подходил к телефону, то пришел сюда. Я подумал, что вы все равно придете на работу.

— Если это так срочно, доктор, вам следовало бы, не найдя меня, вызвать Нефф.

— Я срочными делами не занимаюсь. Это не мое дело. Меня приглашают тогда, когда поезд уже ушел.

Бекки свернула на углу 79-й улицы и Западной части Централ Парка. Теперь она находилась на территории 20-го участка. Еще издали она заметила «мигалки», обозначавшие мрачное место сбора официальных машин. Она пристроилась в хвост машины с рацией.

— Я инспектор Нефф,— представилась она лейтенанту, стоявшему на посту на месте преступления.

— Какое-то чудное убийство,— воскликнул тот.— Час назад парни из криминалки обнаружили эту скамью, залитую кровью. Сделали анализ, и, оказалось, что это почти наверняка не кровь животного, точнее 1-я группа с отрицательным резус-фактором. Но нигде никакого трупа. Не нашли ровным счетом ничего.

— Почему вы считаете, что это преступление?

— Доказательств достаточно. Во-первых, много крови; неважно, кто это был, но он мертв. Во-вторых, по следам видно, что тело поднимали на стену.

Она стала рассматривать заметные на глаз отпечатки следов вдоль стены. Падавший с момента происшествия снег не смог их скрыть целиком.

— Кстати, инспектор Нефф, если это не секрет, почему вы сюда примчались?

— Видите ли, мой коллега и я работаем по специальному заданию. Мы расследуем кое-что по сходным признакам. Как только судебно-медицинский эксперт обнаруживает это сходство, он вызывает нас.

— Вы подчиняетесь медэксперту?

— Нет, непосредственно комиссару.

Он не выпячивал своего звания, но Бекки чувствовала, что ему хотелось подразнить ее. Но теперь лейтенант отошел, сконфуженно улыбаясь.

— Лейтенант,— позвала его Нефф,— кроме крови, вы ничего другого не обнаружили? Ни одежды, ни тела, ничего?

— Не спешите, Бекки,— раздался за ее спиной голос.

Это был Эванс, а с ним Уилсон. Сойдясь вместе, они стали переговариваться, простреливаемые полными любопытства взглядами ребят из 20-го округа.

— Есть и еще кое-что, шерстинки,— сообщил Эванс.

— Он обнаружил несколько штук, приклеившихся к пятнам крови.

— Верно. Позвольте представить вам моего личного переводчика инспектора Уилсона. Я нашел их...

— Они идентичны тем, что подобраны на месте убийства Ди Фалько.

Эванс нахмурился.

— Эй, Уилсон. Будьте откровенны. Они соответствуют всем тем, что отыскивали после каждого из известных нам преступлений.

— Они чертовски прожорливы, если оставляют после себя только кровь,— заметила Бекки.

— Да нет. Неужели вы не понимаете, что произошло? То, что не сожрали, они спрятали. Они поняли, что мы их обнаружили, и пытаются теперь нам помешать. Они очень хитры.

— Это уж точно,— поддержал Уилсон.

Бекки заметила, что он рассеян, небрит, а лицо имеет землистый оттенок. Спал ли он сегодня? По внешнему виду этого не скажешь. Он прокашлялся.

— Ищут ли ваши люди труп? — спросил Уилсон стоявшего рядом с ним лейтенанта.

— А как же. Судя по некоторым признакам, что-то явно волокли по земле, но снег скрыл большинство следов. Утверждать что-то наверняка мы не можем.

Бекки жестом предложила им поговорить наедине. Уилсон и Эванс последовали за ней в машину.

— Здесь теплее и над душой не стоит этот болтун,— пояснила она.

Эванс заговорил первым.

— По всей видимости, они прятались за стеной, когда кто-то сел на скамью. По состоянию крови можно предположить, что это произошло пять-шесть часов назад. Они, видимо, перепрыгнули через стену, очень быстро убили свою жертву, а затем уволокли с собой труп.

— Боже! Ну а одежда?

— Вот это и надо раскопать. Заодно, кстати, и кости. Не так уж много мест, где их можно спрятать.

— Как насчет озера?

— Потому что оно почти полностью затонуло льдом? Было бы удивительно, если бы они додумались сделать польню. Это ЧЕРЕСЧУР умно!

— Надо найти одежду, любой след...

— Все это так. Но где искать? Этот проклятый снег все подмораживает...

— Найдены шерстинки. Для меня этого достаточно. Они были здесь прошлой ночью и кого-то загрызли. Я убежден в этом. Это были они. Их шерсть уникальна, как неповторим отпечаток пальца.

— Итак, они активно убивают. Это не удивительно со стороны хищников.

— Гуманоидных хищников, — поправила Бекки.

Уилсон расхохотался.

— По тому, что видел я, трудно считать их гуманоидами.

— А что ты видел?

— Их.

Бекки и медик пристально взглянули на него.

— Вы их видели? — с трудом выговаривая слова, переспросил Эванс.

— Чего ты болтаешь? — воскликнула Бекки.

— Я видел шестерых у твоего дома. Я поджидал их там. Уж очень хотелось добыть образец для Фергюсона. — Он вздохнул. — Несчастье в том, что они обладают мгновенной реакцией. Я прозвал их, опоздав на какую-то секунду. И счастливчик, остался жив.

Бекки была потрясена. Она смотрела на его усталое лицо, на покрасневшие, утомленные глаза. Он дежурил у дома, чтобы защитить ее! Ну что за старый кретин-романтик! На миг показалось, что ей приоткрылся новый Уилсон, полный загадок, о котором она даже не подозревала и которого увидела только сейчас. Она бы с радостью его расцеловала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Прочитанное одновременно и устало и возбудило Карла Фергюсона. На какое-то время он забылся, затем, очнувшись, опустился на землю. Его снова обступила прозаическая реальность главного читального зала Публичной Библиотеки Нью-Йорка. Справа какая-то студентка-замухрышка щелкала жевательной резинкой. Его сосед слева, очень старый, с трудом переводивший дыхание человек, листал издание столь же ветхое, как и кожа на его лице. Над столами поднимался приглушенный шум: скрип перьев о бумагу, кашель, вздохи. Тихие голоса дежурных, называвших номера на другом конце зала, напоминали жужжание.

В библиотеке был собран один из лучших в мире фондов. Читателям не разрешалось брать книги на дом и иметь свободный доступ к стеллажам. Именно поэтому Фергюсон сумел отыскать здесь совершенно уникальное издание, так его напугавшее. То, что он прочитал, было слишком ужасно, слишком фантастично. И, тем не менее, это было написано черным по белому.

«В Нормандии, — в третий раз перечитал он, — бытуют предания о фантастических существах, которых называли «люпенами» или «либенами». Целые ночи напролет они без умолку тараторят, рассказывая всякого рода глупости на своем, никому не известном языке. Они собираются у сельских кладбищ и скорбно воют на луну. Трусливые и боязливые, они исчезают при малейшем шуме шагов или чьего-то голоса, даже если те доносятся издали. Однако в ряде районов они принадлежат к роду оборотней и отличаются такой свирепостью, что, как го-

ворят, вырывают могилы и гложут кости несчастных, преданных земле».

Старая история, о которой говорил еще Монтегю Саммерс в своем классическом труде «Оборотни». Автор утверждал, что рассказы о них составляют часть фольклора и что все это — сплетни, годные лишь на то, чтобы запугивать доверчивые души. Но Саммерс ошибался, поскольку в этих старых легендах говорилось чистая правда, за исключением одного момента: раньше считали, что раз оборотни были такими умными и хитрыми, то, значит, на самом деле речь шла о людях, обращающихся животными. Вот в этом-то и была ошибка: в действительности оборотни — это совершенно самостоятельный вид наделенных разумом существ. И в течение тысячелетий они жили среди нас, а мы об этом и не догадывались. Удивительные создания! Не хуже пришельцев на Земле.

Во всех преданиях и легендах за последние несколько сотен лет без конца повторяется миф об оборотнях. Но затем совершенно неожиданно где-то во второй половине XIX века он бесследно исчезает.

Никаких больше легенд об оборотнях.

Ничего на эту тему. Почему? Для Фергюсона ответ был предельно простым: оборотни, которых человечество так долго травило, нашли наконец способ исчезнуть с его глаз. Они изобрели безупречную систему собственной защиты: им достало хитрости сообразить, что нечего бояться людей, если они будут отбирать среди них только слабых и одиноких. И оборотни стали жить среди нас, питаться человеческой и никто — кроме тех, кому уже не представится случай рассказать об этом — и не подозревал об их существовании. В общем, они стали чем-то вроде живых привидений. Этакое вездесущие невидимки.

К концу XIX века во всем мире наблюдался демографический взрыв и одновременное усиление нищеты и бедности. Значительное число людей, отторгаемых современным им обществом, стало их добычей. И они ушли в тень.

Нет сомнения, что увеличение числа оборотней произошло примерно пропорционально населению Земли. Фергюсон представил себе, как они сотнями, тысячами рыскают по крупным городским центрам планеты в поисках своих жертв; изредка их видят то в одном, то в другом месте, но они держатся в стороне от всех благодаря колоссально развившимся чувствам обоняния и слуха. Это совершенно жуткие твари, но зато какая необыкновенная возможность для науки, а значит, и для него, изучить другой образ мышления, может быть, даже войти с ними в контакт!

В самом деле, в книге Саммерса встречаются поразительные вещи: там постоянно намекается на общение между оборотнями и людьми. «Два дворянина с наступлением ночи отправились погулять в лес. Внезапно они вышли на опушку лесной поляны и увидели перед собой хорошо им знакомого старого дровосека. Их вожаком был крупный серый зверь, который, подойдя к человеку, дал приласкать себя. После этого дровосек затянул что-то монотонное и протяжное и удалился в лес. За ним последовали и его друзья».

Простенькая история, но чертовски интересная, если ее сопоставить с информацией, полученной им от двух инспекторов. Было очевидно, что все эти упоминавшиеся знаки и своеобразное пение — попытки имитировать язык оборотней с целью наладить общение с ними. Но почему отдельные люди когда-то сотрудничали с этими тварями?

По Саммерсу, существование оборотней связано с рассказами о вампирах. Вампиры пьют кровь, то есть в известном смысле являются каннибалами. Для человека менее ученного, чем Фергюсон, подобная мысль показалась бы фантастической, но он достаточно хорошо знал старушку Европу, чтобы догадываться об отраженной в легендах реальности. Люди действительно встречались с оборотнями, и их называли вампирами, потому что они, как и те, питались человеческой плотью.

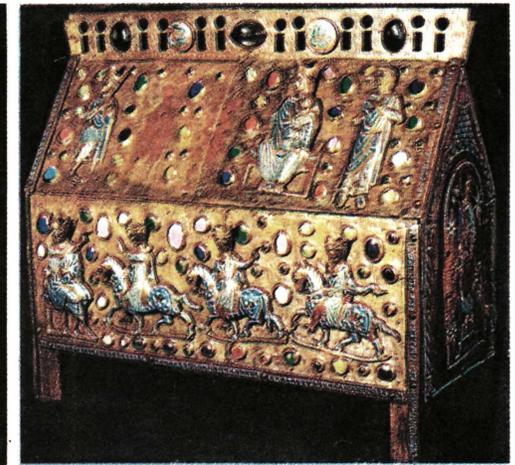
Перевел с английского Ю. СЕМЕНЧЕВ
Продолжение следует

К обезьянам в Индии относятся с особым почетом: они, так же как и коровы, для индусов — священные животные.

Этот высокий статус достался им в память о вожде обезьян Ханумане — одном из главных персонажей древнеиндийского эпоса «Рамаяна». Хануман был силен, как библейский Самсон, хитроумен, как Одиссей, верен и предан, как Санчо Панса.

В Индии водятся обезьяны, которых, несмотря на весьма скромный облик, отождествляют с божественным Хануманом. Это серые лангуры. Их еще называют «храмовыми обезьянами». Может быть, потому, что лангуры любят устраивать свои «посиделки» на стенах индуистских храмов, как, например, на этой храмовой башне в Раджастане. И, видимо, не только по религиозным соображениям. Почтительное отношение индусов к священным обезьянам частенько подкрепляется сладостями, орехами и фруктами.

Древние викинги, огнем и мечом прокладывая путь своим кораблям через полмира — от Гренландии до Ближнего Востока, Африки, — столетиями наводили ужас на всю Европу. Летописцы X — XIII веков называли их не иначе как варварами и ганзейскими бандитами, подчас путая их с синими пиратами северных морей.

Однако уже в наше время археологи нашли немало доказательств того, что викинги знали толк не в одних лишь ратных делах — они любили вносить в убранство своих домов, в обшивку кораблей декоративные предметы из металла, украшать, и иногда с изысканной роскошью, свою одежду и доспехи.

Излюбленные мотивы искусства викингов — изображения всадника, фигурок различных животных представленных на снимках, помещенных в немецком журнале «Штерн». Прекрасные произведения по своему объясняют загадку, не разрешенную древними историками, — как смогли такие, по их представлениям, грубые, неотесанные воины добиться процветания Южной Италии, Сицилии, Нормандии за время своего владычества над этими землями и почему нет никаких свидетельств того, что они вели себя там как колонизаторы, равнодушные к истории и обычаям другого народа.

Индекс 70142